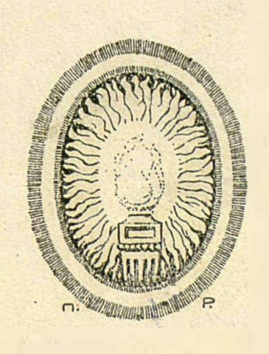
ВЕЛИКІЯ ИСКАНІЯ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. III.

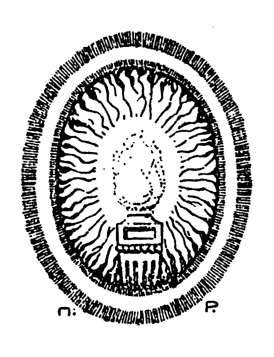

КН-ВО·ПРОМЕТЕЙ·
Н·Н·МИХАЙЛОВА·

ВЕЛИКІЯ ИСКАНІЯ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. III.

КН-ВО ··ПРОМЕТЕЙ··
Н·Н·МИХАЙЛОВА·

ВЕЛИКІЯ ИСКАНІЯ.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. III.

ВЕЛИКІЯ ИСКАНІЯ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія **„Энергія“**, Загородный пр., 17

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ исторіи русской литературы есть два писателя, жизнь которыхъ прошла какъ сплошное великое исканіе единой и вѣчной Истины. Это—Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій и Левъ Николаевичъ Толстой. Направленія ихъ путей, ихъ исканій почти-что совпадали; пришли-же они въ концѣ пути къ совершенно различнымъ выводамъ. И не удивительно: первый изъ нихъ родился ровно за сто лѣтъ до смерти другого и умеръ въ то время, когда второй только что брался за перо. Различно и ихъ значеніе—міровое для одного, мѣстное для другого; но въ силѣ своихъ подлинно великихъ исканій ни одинъ изъ нихъ не превосходитъ другого.

Настоящая книга касается только первой части этой двойной задачи: мы говоримъ здѣсь только о В. Бѣлинскомъ; въ особой книгѣ выйдетъ часть, посвященная Л. Толстому. Великія исканія Бѣлинскаго—это вся его жизнь, и потому настоящая работа неизбѣжно должна была принять форму біографическаго очерка, основа котораго была уже дана въ вводной статьѣ къ редактированному мною собранію сочиненій Бѣлинскаго (изд. „Библіотеки русскихъ критиковъ", 1911 г.). Многочисленныя редакторскія статьи этого изданія являются непосредственнымъ дополненіемъ къ настоящей книгѣ: тамъ главное вниманіе обращено на статьи, здѣсь—на письма Бѣлинскаго.

Письма Бѣлинскаго до сихъ поръ появлялись въ печати въ крайне урѣзанномъ, а иногда и искаженномъ видѣ; многое, чрезвычайно интересное и важное, до сихъ поръ еще не

опубликовано. Въ настоящей книгѣ почти всѣ выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго приводятся полностью; рядъ отрывковъ печатается впервые. Пользуюсь случаемъ принести глубокую благодарность наслѣдникамъ А. Н. Пыпина, любезно разрѣшившимъ мнѣ изучить неизданныя еще письма Бѣлинскаго, собранныя покойнымъ академикомъ и хранящіяся въ его архивѣ. Нельзя не пожелать, чтобы собраніе этихъ писемъ возможно скорѣе было издано полностью; только тогда великія исканія Бѣлинскаго станутъ во всю свою величину передъ читателями. Насколько въ нашихъ силахъ—мы стремились сдѣлать это въ настоящей книгѣ.

Ивановъ-Разумникъ.

Октябрь 1911 г.

ВЕЛИКІЯ ИСКАНІЯ.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

...„Знаете-ли вы, что такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что человѣкъ безъ Бога? — Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?...“

(Изъ письма Бѣлинскаго къ Н. А. Бакунину, отъ 28 ноября 1842 года).

„Богъ былъ моей первой мыслью, Человѣчество — второй, Человѣкъ—третьей и послѣдней“.

(Фейербахъ).

I.

„Благо тому, кто, отличенный Зевеса любовью, неугасимо носитъ въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идеѣ, и никогда не покоряясь оцѣпеняющему времени или мертвящему факту,— благо ему: ибо эта божественная способность нравственной движимости есть столько же рѣдкій, сколько и драгоцѣнный даръ неба, и немногимъ избраннымъ ниспосылается онъ!“

Такъ говорилъ Бѣлинскій въ одной изъ своихъ статей начала сороковыхъ годовъ. Думалъ ли онъ, зналъ ли онъ, что, говоря такъ, онъ говоритъ о самомъ себѣ? Вѣроятно, зналъ;

во многихъ и многихъ письмахъ къ друзьямъ онъ не одинъ разъ отмѣчалъ въ себѣ эту божественную способность нравственной движимости. И онъ былъ правъ: да, это—рѣдкій и драгоцѣнный даръ, немногимъ избраннымъ ниспосылается онъ. И въ высшей степени былъ одаренъ этимъ даромъ именно Виссаріонъ Бѣлинскій, неподвластный оцѣпеняющему времени, врагъ мертвящаго факта, провозвѣстникъ свободной идеи, вѣчный борецъ, подвижникъ и искатель.

Великія исканія — я не знаю двухъ другихъ словъ, которыми можно было-бы ярче освѣтить всю жизнь, всю дѣятельность Бѣлинскаго; и точно также я не знаю во всей русской литературѣ никого, за исключеніемъ Льва Толстого, кто бы могъ въ этомъ отношеніи сравняться съ Бѣлинскимъ, великимъ искателемъ истины.

Искатели истины! Много ихъ у насъ было, есть и будетъ. Но какъ часто всѣ эти исканія оставляютъ насъ, зрителей и свидѣтелей, совершенно равнодушными. Часто мы видимъ людей, которые то съ поразительной быстротой, то съ методической постепенностью продѣлываютъ и продѣлывали эволюцію отъ одного полюса къ другому. Отъ народовольчества къ катковству, отъ марксизма къ идеализму, отъ соціалъ-демократовъ къ мирно-обновленцамъ, отъ Канта къ Тихону Задонскому, отъ атеизма къ церковности—примѣровъ такой быстрой и шумной эволюціи у насъ непочатый уголъ, особенно въ настоящее переходное время. Исканія, очень часто искреннія, тутъ налицо; не хватаетъ мелочи, пустяка—той страстности, той любви и ненависти, того мучительнаго горѣнія, какія только и могутъ создать великія исканія. Тутъ и разница между этими „эволюціонистами“ всѣхъ временъ и Бѣлинскимъ. Они, я увѣренъ, по большей части съ полнымъ душевнымъ удовлетвореніемъ смотрятъ на свою „эволюцію“: вотъ-де тотъ путь развитія, какимъ мы дошли до настоящей точки, психологически и исторически необходимой... Бѣлинскій же не умѣлъ судить себя съ такой завидной удовлетворенностью,

съ такой холодной объективностью. Онъ всегда—какъ впослѣдствіи и Л. Толстой—мучительно ненавидѣлъ себя въ прошломъ; въ прошломъ для него была только ложь, истина—только въ настоящемъ. „Я теперешній—писалъ онъ какъ-то разъ своему другу Боткину—болѣзненно ненавижу себя прошедшаго, и если бы имѣлъ силу и власть, то горе бы тѣмъ, которые теперь то, чѣмъ я былъ назадъ тому годъ“... [1]). Такъ страстно ненавидѣлъ онъ то, что считалъ ложью; такъ же мучительно ненавидѣлъ и любилъ онъ и живыхъ людей и отвлеченныя идеи.

Бѣлинскій часто примѣнялъ къ себѣ стихъ Пушкина:

Ты любишь горестно и трудно.

„Пушкинъ для меня написалъ этотъ стихъ“,—говорилъ не одинъ разъ Бѣлинскій [2]). Горестно и трудно любилъ онъ Бакунину; горестно и трудно любилъ онъ друзей; горестно и трудно искалъ и любилъ онъ истину... Его исканія истины были тяжелыя, горестныя, мучительныя, трагическія, въ нихъ великая любовь переплеталась съ великой ненавистью; и именно потому эти страстныя исканія—великія исканія.

Часто великіе люди, не говоря уже о малыхъ, останавливаются на одной истинѣ, посвящаютъ ей всю свою жизнь. Истина найдена, закрѣплена въ цѣльномъ ученіи, развивается въ стройную систему: въ этомъ есть свое величіе. Другая крайность—вѣчно искать и никогда не находить, вѣчно стремиться и никогда не достигать: въ этомъ есть своя трагедія. Но вѣчно искать и вѣчно находить истину, всегда достигать и никогда не удовлетворяться, всегда стремиться въ новые просторы, горестно и трудно любить, мучительно и страстно ненавидѣть, восторженно вѣрить и надѣяться—это величіе исканій удѣлъ слишкомъ немногихъ, вѣчныхъ мучениковъ истины, вѣчныхъ искателей правды. И именно такія великія исканія были удѣломъ великаго и неистоваго въ гнѣвѣ и въ любви Висса-

---

[1]) Примѣчанія см. въ концѣ книги.

ріона Бѣлинскаго, вѣковой юбилей жизни котораго мы недавно праздновали. Я говорю: вѣковой юбилей жизни, такъ какъ до сихъ поръ живы и вѣчно будутъ живы тѣ великія исканія, которыми горѣлъ и пламенѣлъ Бѣлинскій. И лучшій способъ убѣдиться въ вѣчной жизненности этихъ исканій, это— шагъ за шагомъ пройти за Бѣлинскимъ весь его тяжелый, крестный жизненный путь.

Въ послѣдней четверти XVIII вѣка, въ селѣ Бѣлыни, Пензенской губерніи, былъ священникомъ нѣкій о. Никифоръ, по позднѣйшимъ семейнымъ преданіямъ—праведникъ, аскетъ, подвижникъ. Сынъ его, Григорій Никифоровичъ, получилъ въ семинаріи фамилію Бѣлынскій; окончивъ впослѣдствіи петербургскую медицинскую академію, онъ служилъ (съ 1809 по 1816 годъ) въ балтійскомъ флотѣ врачемъ. Онъ женился тамъ на дочери флотскаго офицера; въ Свеаборгѣ у нихъ родился сынъ—Виссаріонъ. Черезъ три съ половиной десятка лѣтъ послѣ этого событія, В. Г. Бѣлинскій писалъ своему другу Боткину въ мартѣ мѣсяцѣ 1846 года: „мая 30-го... стукнетъ мнѣ тридцать шесть лѣтъ"; такимъ образомъ самъ Бѣлинскій считалъ днемъ своего рожденія 30 мая 1810 года. Онъ ошибался и въ днѣ и въ годѣ своего рожденія: въ настоящее время документально установлено, что Бѣлинскій родился 1-го іюня 1811 года [3]).

Когда маленькому Виссаріону минуло пять лѣтъ, отецъ его перешелъ на службу въ свои родные края—въ захолустный (хотя и уѣздный) городъ Пензенской губерніи Чембаръ. Здѣсь Виссаріонъ Бѣлинскій провелъ свои дѣтскіе годы; здѣсь, въ 1820 году, онъ поступилъ въ чембарское уѣздное училище и пробылъ въ немъ до 1825 года, когда его отправили въ пензенскую гимназію. Нерадостнымъ было дѣтство Бѣлинскаго, и оно во многихъ отношеніяхъ наложило свою печать на нѣкоторыя черты его характера... Тридцать лѣтъ спустя самъ онъ объяснялъ свою робость, свою конфузливость и свою боязнь

людей—впечатлѣніями своего ранняго дѣтства. „Вспомнилъ я разсказъ матери моей, писалъ Бѣлинскій Боткину:—она была охотница рыскать по кумушкамъ, чтобы чесать язычекъ; а я, грудной ребенокъ оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою; чтобъ я не безпокоилъ ее своимъ крикомъ, она меня душила и била... Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не бралъ и не зналъ ея... Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой“ [4]). Въ юности Бѣлинскій платилъ за это отцу ненавистью и будучи уже гимназистомъ, „декламировалъ свою ненависть къ отцу отчаянно-восторженными возгласами героевъ Шиллера“ [5]). Врядъ-ли эта ненависть была вполнѣ заслужена: отецъ Бѣлинскаго былъ, повидимому, незаурядный человѣкъ, стоявшій значительно выше окружавшей его уѣздной среды. Въ этой средѣ его не любили за рѣзкость и прямоту, за его „вольтеріанскія“ мнѣнія и сужденія; позднѣе, въ 1834 году, одинъ изъ молодыхъ родственниковъ Виссаріона писалъ ему изъ Чембара объ его отцѣ: „человѣкъ благороднѣйшій въ высшей степени, съ чувствами высокими, рожденный съ отличными способностями, но убитый мелочною жизнію въ Чембарѣ, заброшенный въ дикій бурьянъ, въ кругъ людей, между которыми тщетно ты будешь искать слѣдовъ истиннаго человѣчества. Я часто былъ свидѣтелемъ благороднѣйшихъ поступковъ его, которые восхищали меня и въ минуту разсѣевали всѣ мои предубѣжденія“. Эти же родственники указываютъ, что тяжелую семейную обстановку семьи Бѣлинскихъ во многомъ усложнялъ характеръ матери Виссаріона; она отличалась „неистово-бѣшенымъ нравомъ“, „своенравною независимостію“ и вообще „неумѣреннымъ темпераментомъ“... Мы не останавливались бы на всѣхъ этихъ частностяхъ, если бы онѣ не были такъ важны для пониманія характера „неистоваго Виссаріона“. Дѣйствительно, темпераментъ матери, рѣзкость и прямота отца, и, наконецъ, религіозный экстазъ подвижника-дѣда—все это въ новыхъ фор-

махъ и съ новой силой воскресло въ „неистовомъ“, прямодушномъ, вѣчномъ подвижникѣ, вѣчномъ искателѣ истинной религіи Виссаріонѣ Бѣлинскомъ.

Въ одной изъ статеекъ Бѣлинскаго 1839 года (о „Милордѣ Англинскомъ“) мы встрѣчаемъ интересное автобіографическое отступленіе, якобы заимствованное изъ „рукописныхъ мемуаровъ“ нѣкоего „добраго пріятеля“; этотъ alter ego Бѣлинскаго вспоминаетъ „золотые годы своего дѣтства“: „я снова—пишетъ онъ—становлюсь ребенкомъ, и вотъ уже, съ біющимся сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженнаго бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца треугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградою погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ—плетень... Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... А вотъ, возлѣ нея, и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Ерусланомъ Лазаревичемъ... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не читалъ, или не мечталъ, или позднѣе не сочинялъ“... Читать и мечтать—вотъ въ чемъ, очевидно, находилъ спасеніе отъ семейной обстановки не по возрасту задумчивый и (по впечатлѣнію Лажечникова) не по лѣтамъ умный ребенокъ. Изъ той же автобіографической статейки видно, какія книги прежде другихъ попались подъ руку маленькому Виссаріону, когда онъ „уже бойко читалъ по толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать“: это были „Бова“ и „Ерусланъ“ гражданскою печатью, „Зеркало Добродѣтели“ съ раскрашенными картинками, „Повѣсти и романы господина Вóлтера“, и, наконецъ, неизбѣжный „Милордъ Англинской“, жадно прочитанный въ огородѣ, между грядками бобовъ и гороха.

Но вотъ начинается періодъ школьнаго ученія—въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ; девятилѣтнимъ ребенкомъ поступилъ туда Виссаріонъ Бѣлинскій и четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ окончилъ въ немъ „курсъ наукъ“. Каковы были въ это время литературные вкусы мальчика, что онъ читалъ, чѣмъ увлекался? Отвѣтъ на это опять-таки даютъ слова самого Бѣлинскаго въ одной изъ рецензій 1835 года (о стихотвореніяхъ нѣкоего Коптева): Бѣлинскій снова вспоминаетъ въ ней „золотое время дѣтства, когда,—пишетъ онъ,—еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я въ огромныя кипы тетрадей, неутомимо, денно и нощно, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, когда я плакалъ, читая Бѣдную Лизу и Марьину рощу, и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ á la Эрастъ Чертополоховъ“... Этотъ же періодъ „неутомимаго“ чтенія и списыванія прочитаннаго „въ огромныя кипы тетрадей“ продолжался и въ 1825—1828 году, когда юноша Бѣлинскій продолжалъ свое ученіе въ пензенской гимназіи; до насъ дошла одна изъ такихъ тетрадокъ даже временъ студенчества Бѣлинскаго (1831 г.). Въ гимназическую эпоху своей жизни Бѣлинскій—ему было тогда 14—17 лѣтъ—продолжалъ восхищаться старой русской литературой; самъ онъ впослѣдствіи вспоминалъ, что въ это время зналъ наизусть „Димитрія Самозванца“ Сумарокова и вообще восхищался русской литературой XVIII вѣка *). Какимъ образомъ отъ этой литературы онъ перешелъ къ восторженному преклоненію предъ

*) Однако уже въ 1829 году, только что пріѣхавшій въ Москву Бѣлинскій, описывая отцу университетскую библіотеку и стоящіе въ ней бюсты „великихъ геніевъ“—Ломоносова, Державина, Карамзина, замѣчаетъ тутъ же: „жалко, что между помянутыми бюстами великихъ писателей стоятъ бюсты площаднаго Сумарокова, холоднаго, напыщеннаго и сухого Хераскова“...

Пушкинымъ—объ этомъ самъ онъ подробно разсказалъ въ своемъ обзорѣ русской литературы за 1841 годъ: переходъ этотъ былъ эволюціей отъ Державина къ Пушкину черезъ Жуковскаго. (Замѣтимъ въ скобкахъ, что къ этому-же времени относится сильное вліяніе на юношу Бѣлинскаго сочиненій кн. В. Одоевскаго: чтеніе ихъ было для Бѣлинскаго „нравственнымъ ударомъ“, оставившемъ въ его душѣ „самыя благодатныя слѣдствія“)... „Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть,—вспоминаетъ Бѣлинскій,—и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина... Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго державинскою поэзіею на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простою, слишкомъ кроткою и лишенною всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи“. И разумѣется, въ пушкинской поэзіи на юношу-Бѣлинскаго наиболѣе сильное впечатлѣніе должны были произвести его первыя поэмы и стихотворенія; когда въ 1827 г. появилась въ печати сцена изъ „Бориса Годунова“ (Пименъ и Григорій), то Бѣлинскій встрѣтилъ ее „непривѣтно“, по воспоминанію тогдашняго наставника Бѣлинскаго, М. Попова, одного изъ учителей пензенской гимназіи. Этотъ же учитель (впослѣдствіи видный чиновникъ знаменитаго III отдѣленія) разсказываетъ, что Бѣлинскій и въ то время не поддавался на чужія мнѣнія; не соглашаясь съ какимъ-либо изъ критическихъ мнѣній, онъ или отмалчивался, или говорилъ: „дайте, подумаю; дайте еще прочту; если же

соглашался, то отвѣчалъ съ страшной увѣренностію: „совершенно справедливо!“ Съ страшной увѣренностію:—это удивительно мѣткое опредѣленіе остается всецѣло примѣнимымъ рѣшительно ко всѣмъ критическимъ сужденіямъ всей дѣятельности великаго критика.

Такъ развивались литературные взгляды, вкусы и мнѣнія юноши Бѣлинскаго. Само собою разумѣется, что въ это же время онъ пробовалъ свои силы и въ различныхъ „сочиненіяхъ“, прежде всего—въ стихотворныхъ опытахъ. „Еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго“,—вспоминалъ впослѣдствіи Бѣлинскій въ цитированной выше рецензіи 1835 года; но и значительно раньше, въ письмѣ къ извѣстному намъ М. Попову (отъ 30 апрѣля 1830 г.), студентъ Бѣлинскій говоритъ, какъ о давно прошедшемъ, о томъ времени, когда онъ „бывши во второмъ классѣ гимназіи (это было въ 1826—1827 гг.—И.-Р.) писалъ стихи и почиталъ себя опаснымъ соперникомъ Жуковскаго“... Къ сожалѣнію, изъ этихъ раннихъ опытовъ Бѣлинскаго до насъ не дошло ни одного [6]); изъ позднѣйшей эпохи его студенчества сохранилось одно очень слабое стихотвореніе, напечатанное въ 1831 году („Русская быль“). Бѣлинскій пробовалъ перейти къ „смиренной прозѣ“, сталъ писать повѣсти, тоже не дошедшія до насъ; но все это у него „не клеилось“, „шло туго“, по выраженію его учителя М. Попова. И Бѣлинскій, вѣроятно, вскорѣ самъ созналъ безплодность этихъ своихъ юношескихъ попытокъ; онъ созналъ, что ему прежде всего нужно „ученье, ученье и ученье“... И вотъ онъ бросаетъ въ концѣ 1828 года пензенскую гимназію и ѣдетъ въ Чембаръ, чтобы тамъ на свободѣ подготовиться къ вступительному университетскому экзамену. А тѣмъ временемъ его уже оффиціально исключаютъ въ мартѣ 1829 г. изъ гимназіи „за нехожденіе въ классъ“.

Не легко было Бѣлинскому осуществить эту свою мечту о поѣздкѣ въ Москву и поступленіи въ университетъ: „съ боль-

шимъ грѣхомъ удалось мнѣ съѣхать",—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ родителямъ (отъ начала сентября 1829 г.). Наибольшимъ препятствіемъ было, разумѣется, отсутствіе денежныхъ средствъ у родителей Бѣлинскаго; обращаясь нѣсколько позднѣе къ отцу съ просьбой о высылкѣ 12—13 рубл. (54 р. ассигн.), Бѣлинскій пишетъ: „конечно, (эта) сумма для васъ не маловажная" (письмо отъ 2 окт. 1829 г.). При такихъ условіяхъ много трудностей надо было преодолѣть юношѣ Бѣлинскому, много униженій испытать; и самъ онъ говоритъ, что часто въ его умѣ „невольнымъ образомъ вертѣлся стихъ Долгорукова: о, бѣдность, горько жить съ тобой!"

Но какъ бы то ни было, всѣ препятствія были, наконецъ, преодолѣны и Бѣлинскому удалось выѣхать въ Москву въ серединѣ августа 1829 года, вмѣстѣ со своимъ богатымъ родственникамъ Владыкинымъ, за лакея котораго Бѣлинскому разъ пришлось себя выдавать... Памятникомъ этого путешествія остался веденный Бѣлинскимъ „журналъ моей поѣздки въ Москву и пребываніе въ оной" [7]); въ немъ Бѣлинскій разсказываетъ между прочимъ, что по пути ему встрѣтилась цыганка, предложившая „поворожить", на что онъ „отъ скуки и для смѣха" согласился; „между многими глупостями, которыя обыкновенно врутъ сіи пророчицы,—пишетъ Бѣлинскій,—меня чрезвычайно удивили слѣдующія слова: люди почитаютъ и уважаютъ тебя за разумъ, только языкомъ не сшибайся. Ты ѣдешь получить и получишь, хотя и сверхъ чаянія"... И если Бѣлинскій ѣхалъ за славой,— а кто изъ юношей не ѣдетъ за ней?— то онъ дѣйствительно получилъ ее, „хотя и сверхъ чаянія", такъ какъ Бѣлинскому тогда, вѣроятно, и въ голову не приходила ожидающая его дорога...

II.

Послѣ разныхъ огорченій и недоразумѣній Бѣлинскій, наконецъ, сталъ студентомъ московскаго университета. „...Я теперь студентъ, — съ восторгомъ сообщаетъ Бѣлинскій своимъ родителямъ въ сентябрѣ 1829 года,—состою въ XIV классѣ, имѣю право носить шпагу и треугольную шляпу!“ Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскому удалось попасть въ число „казеннокоштныхъ“ студентовъ и помѣститься въ общежитіи; въ первое время онъ былъ въ восторгѣ отъ этого обстоятельства, обезпечивавшаго ему жизнь въ Москвѣ. Онъ начинаетъ усердно посѣщать театръ, восторгается Мочаловымъ въ роли Отелло и Карла Моора, восхищается Щепкинымъ; въ отвѣтъ на увѣщевательныя письма родителей—не ходить въ театръ, а обойти всѣ церкви Москвы—онъ пишетъ (въ январѣ 1830 г.), что, во-первыхъ, „шататься по церквамъ“ ему некогда, такъ какъ у него „чрезвычайно много другихъ, гораздо важнѣйшихъ дѣлъ, которыми должно заниматься“, и что, во-вторыхъ, театръ ему необходимъ: „я пошелъ по такому отдѣленію, которое требуетъ, чтобы имѣть познаніе и толкъ во всѣхъ изящныхъ искусствахъ“... Врядъ ли онъ думалъ при этомъ о критической дѣятельности; вѣроятнѣе, что онъ мечталъ о лаврахъ автора, произведенія котораго, быть можетъ, будутъ исполняться на подмосткахъ того же театра... И дѣйствительно, въ концѣ этого же 1830 года Бѣлинскій, подъ обаяніемъ „лестной сладостной мечты о пріобрѣтеніи извѣстности“, пишетъ „драматическую повѣсть“ въ пяти дѣйствіяхъ—„Дмитрій Калининъ“...

Не одно „стремленіе къ славѣ“ побудило Бѣлинскаго взяться за перо драматическаго писателя; онъ питалъ надежды

„разжиться казною“ через эту свою трагедію и благодаря этому „сорваться съ казеннаго кошта“, который уже къ концу 1830 года сталъ ненавистенъ Бѣлинскому. „Ежели моя трагедія будетъ имѣть успѣхъ, — писалъ Бѣлинскій въ началѣ января 1831 года, — то вырученныя за оную деньги употреблю на освобожденія себя отъ проклятаго, адскаго казеннаго кошта... Ежели первая моя надежду не сбудется, то я погибъ безъ возврата!.. Лучше соглашусь живой провалиться въ адъ и достаться на завтракъ чертямъ, нежели страдать на казенномъ коштѣ“... И вотъ въ концѣ 1830 года Бѣлинскій заканчиваетъ свою трагедію, начатую, повидимому, значительно раньше. Въ это время въ Москвѣ свирѣпствовала холера, университетъ былъ закрытъ и „казеннокоштные“ были заперты въ немъ съ сентября по декабрь въ строгомъ карантинѣ. „Для разсѣянія отъ скуки,—разсказываетъ въ томъ же письмѣ Бѣлинскій,—я и еще человѣкъ съ пять затворниковъ составили маленькое литературное общество. Еженедѣльно было у насъ собраніе, въ которомъ каждый изъ членовъ читалъ свое сочиненіе. Это общество, кончившееся седьмымъ засѣданіемъ, принесло мнѣ ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедію, которая безъ этого едва ли бы когда-нибудь была написана“.. Но теперь Бѣлинскій ее закончилъ, прочелъ своимъ товарищамъ; съ ихъ помощью трагедія была переписана начисто и представлена авторомъ въ цензуру. Съ самыми радужными надеждами ожидалъ Бѣлинскій цензурнаго разрѣшенія, чтобы немедленно напечатать эту пьесу; онъ разсчитывалъ, что публика „расхватаетъ въ мѣсяцъ“ его трагедію, что это дастъ ему „тысячъ шесть“ денегъ, что произведеніе его „надѣлаетъ шуму“; его тѣшила „лестная, сладостная мечта о пріобрѣтеніи извѣстности“... Дѣйствительно, трагедія его была напечатана, но не въ 1831 году, а ровно черезъ шестьдесятъ лѣтъ, въ „Сборникѣ Общества Любителей Россійской Словесности“ 1891 года.

Причина этого — въ совершенной „нецензурности“ пьесы

по николаевскимъ временамъ. „Въ этомъ сочиненіи—говоритъ Бѣлинскій въ письмѣ къ отцу (отъ 17 фер. 1831 г.),—со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовью къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ довольно живой и вѣрной представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ“... Но этого мало: вся пьеса испещрена самыми „безнравственными“ (съ точки зрѣнія николаевской цензуры) сентенціями, въ родѣ того, что „права происхожденія, предки, суть не что иное, какъ предразсудки, постыдные для человѣчества“, что церковный бракъ есть „ничтожное условіе, изобрѣтенное людьми для собственнаго своего мученія“, что любовь пренебрегаетъ „пустыми обрядами“, что „когда законы противны правамъ природы и человѣчества, правамъ самаго разсудка, то человѣкъ можетъ и долженъ нарушать ихъ“... Чего стоило, по николаевскимъ временамъ, хотя бы одно послѣднее оправданіе всякой „революціи!“ Все второе дѣйствіе посвящено довольно яркому изображенію помѣщичьяго „тиранства“; на сцену выведена помѣщица Лѣсинская, которая говоритъ сама о себѣ: „не больно люблю баловать проклятое хамово поколѣнье; у меня всякая вина виновата“; стоя въ церкви, она озабочена „житейскими“ мыслями: „то нужно дастать хорошую плетку для дѣвокъ, то надо отпороть кого-нибудь изъ лакеевъ“... *) Она нехотя оказываетъ скудную помощь бѣдной „благородной и достойной лучшаго пріема женщинѣ“, и тутъ же щедро одаряетъ и оставляетъ гостить у себя двухъ монахинь. Она твердо убѣждена, что „богатые князья не могутъ быть низкими людьми“ и что съ хамами надо „тиранствовать“, а не то они „на шею сядутъ да поѣдутъ“... Ея „тиранства“, подробно описываемыя въ пьесѣ, вызываютъ гнѣвный монологъ героя драмы, Дмитрія

*) Въ обрисовкѣ типа Лѣсинской замѣтно вліяніе Фонвизина (Простакова) и Екатерины II („О, время“—Ханжахина).

Калинина: „кто далъ это гибельное право — однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змiевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы“?..

Достаточно этихъ немногихъ цитатъ, чтобы убѣдиться, что не только пьеса эта не могла въ свое время попасть въ печать, но даже должна была такъ или иначе повредить молодому автору: вѣдь нѣсколькими годами ранѣе отдали же въ солдаты Полежаева за его „безнравственную“ поэму „Сашка“. Въ драмѣ Бѣлинскаго мы тоже находимъ достаточное количество „безнравственныхъ“ (хотя и въ другомъ смыслѣ) сентенцій и положеній, а рѣзкое обличеніе крѣпостного права, „тиранства“ господъ и вообще все „протестующее“ настроеніе этой драмы дѣлали ее совершенно „нецензурной“ въ 1831 году.

Бѣлинскому не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ, „волнуясь и спѣша“, высказалъ эти свои самыя завѣтныя упованія, выразилъ свои самыя мучительныя сомнѣнія въ не увидѣвшей тогда свѣта трагедіи. Впервые опубликованная двадцать лѣтъ тому назадъ, трагедія эта единогласно была признана замѣчательной попыткой протеста противъ крѣпостного права. И это, дѣйствительно, яркій и рѣзкій протестъ и противъ самаго института рабства, и противъ „тирановъ-помѣщиковъ“,—„этихъ змiевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ какъ воду, ихъ кровь и слезы“... Эти соціальные мотивы юно-

шеской трагедіи Бѣлинскаго, дѣйствительно занимающіе въ ней, какъ мы могли убѣдиться, видное мѣсто, почему-то заслоняли собою отъ глазъ изслѣдователей другіе параллельные мотивы, не менѣе важные и составляющіе весь смыслъ, весь „паѳосъ“ этого юношескаго произведенія. На ряду съ мотивами соціальными мы найдемъ въ этой драмѣ не менѣе яркіе мотивы философскіе и религіозные. Юноша Бѣлинскій рѣшалъ въ этой своей трагедіи вопросъ не только о соціальномъ злѣ, но и о „міровомъ злѣ“, онъ ставилъ вопросъ не только о „тиранѣ-человѣкѣ“, но также о „тиранѣ-Богѣ“. Какъ можетъ существовать, зачѣмъ существуетъ—если существуетъ—„Премудрая Благость“, „Божественный Промыслъ“ на ряду съ соціальнымъ и индивидуальнымъ зломъ? Въ этомъ вопросѣ—главный „паѳосъ“ юношеской трагедіи Бѣлинскаго, а быть можетъ и трагедіи всей его жизни.

Содержаніе этой драмы очень не сложно и въ общихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Дмитрій Калининъ—пылкій и „неистовый“ юноша, „съ душою возвышенною, со страстями благородными“, какъ говоритъ онъ самъ о себѣ; „человѣкъ пылкій, со страстями дикими и необузданными“—какъ рекомендуетъ его самъ Бѣлинскій въ цитированномъ выше письмѣ къ отцу. Этотъ Дмитрій—сынъ дворовыхъ людей, но съ дѣтства воспитывавшійся въ семьѣ своего „владѣльца“ помѣщика Лѣсинскаго, и пользующійся за это ненавистью всѣхъ другихъ членовъ семьи, жены Лѣсинскаго и двухъ его сыновей,—этотъ Дмитрій любитъ дочь своего пріемнаго отца Лѣсинскаго, Софью, и любимъ ею. „Воспламененные любовію“, они не думали о „пустыхъ обрядахъ“ и отдались другъ другу; осталось соединиться въ глазахъ свѣта, путемъ „пустыхъ обрядовъ“. Дмитрій собирается „упасть къ ногамъ“ отца Софьи, своего пріемнаго отца: „я упаду къ его ногамъ, признаюсь ему въ моей винѣ, и онъ, тронутый моимъ раскаяніемъ, моими просьбами, соединитъ мою руку съ рукою дочери“; но эти его мечтанія прерываются извѣстіемъ о смерти

его пріемнаго отца, объ уничтоженіи „отпускной“ Дмитрія семьей умершаго и о приказаніи Дмитрію вернуться изъ Москвы въ деревню Лѣсинскихъ, такъ какъ Софья будто бы выходитъ замужъ за князя, „и такъ какъ... недостаетъ лакеевъ для служенія при свадебномъ столѣ“. Дмитрій, въ отчаяніи и бѣшенствѣ, появляется на балу у Лѣсинскихъ и въ происшедшей ссорѣ убиваетъ за оскорбленія—за слово „рабъ“—одного изъ братьевъ Софьи, жестокаго и злого мучителя крѣпостныхъ. Заключенный въ тюрьму, Дмитрій бѣжитъ, чтобы еще разъ повидаться съ Софьей; она уговариваетъ его умереть вмѣстѣ съ нею. Послѣ колебанія, онъ закалываетъ ее; но передъ тѣмъ какъ убить себя, онъ узнаетъ изъ оставленнаго ему пріемнымъ отцомъ письма, что этотъ „пріемный отецъ“ былъ его роднымъ отцомъ, что онъ, Дмитрій,—побочный сынъ Лѣсинскаго. И вотъ Дмитрій Калининъ, кровосмѣситель, братоубійца, убійца своей сестры-супруги — проклинаетъ память своего отца, проклинаетъ весь міръ и закалывается.

Уже изъ этого краткаго изложенія драмы ясно, что сущность ея—вовсе не въ обличеніи „тиранства“, что драма эта ставитъ не столько соціальный, сколько этическій, философскій и религіозный вопросъ. Этотъ вѣчный вопросъ: кто виноватъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти намѣчается Бѣлинскимъ уже въ эпиграфѣ ко всей драмѣ:

И всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Но разумѣется, это не отвѣтъ, это не рѣшеніе: пусть отъ судебъ защиты нѣтъ, это оправдываетъ человѣка; но оправдываетъ ли это Бога? И вотъ мы видимъ, какъ въ душѣ юноши-Бѣлинскаго борются два рѣшенія, двѣ мысли, двѣ вѣры: вѣра въ правосуднаго Бога и мысль, что „милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу“, какъ говоритъ герой драмы, Дмитрій Калининъ. Вотъ два отвѣта на вопросъ „кто виноватъ“, два рѣшенія, которыя проходятъ черезъ всю драму. Первое рѣшеніе: пре-

ступленія Дмитрія Калинина объясняются „злонравіемъ“ самихъ людей. Ударъ судьбы падаетъ на семью отца Дмитрія—и этотъ отецъ первый, хотя и невольный виновникъ всѣхъ преступленій сына. „...Я проклинаю тебя, низкій сластолюбецъ!—восклицаетъ Дмитрій по адресу давно умершаго отца:—проклинаю тебя и этотъ бѣдственный даръ, эту преступную жизнь, которою тебѣ обязанъ! Я убійца, я кровосмѣситель!.. Я осужденъ на позорную казнь—и всѣмъ этимъ одолженъ тебѣ, мой отецъ!“ И онъ спрашиваетъ себя: „неужели я былъ орудіемъ Божьяго мщенія отцу моему?“ Итакъ — вотъ первый виновникъ всего—отецъ Дмитрія; второй виновникъ—самъ Дмитрій, „человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными; его мысли вольны, поступки бѣшены и слѣдствіемъ ихъ была его гибель“ (изъ письма Бѣлинскаго къ отцу отъ 17 февр. 1831 г.). Вотъ первый отвѣтъ, первое рѣшеніе: кто виноватъ?—виноватъ человѣкъ, а, слѣдовательно, Богъ оправданъ. Вторая вѣра, второе рѣшеніе: виноватъ Богъ, и, слѣдовательно, оправданъ человѣкъ. Виноватъ Богъ, ибо онъ есть рокъ, судьба, а „отъ судебъ защиты нѣтъ“. И Дмитрій Калининъ готовъ проклясть за это Бога: „...Ты, Существо Всевышнее, скажи мнѣ—насытилось ли моими страданіями, натѣшилось ли моими муками, навеселилось ли моими воплями, упилось-ли моими кровавыми слезами?... Кто сдѣлалъ меня преступникомъ? Можетъ-ли слабый смертный избѣжать опредѣленной ему участи? А кѣмъ опредѣляется эта участь? О, я понимаю эту загадку!“ Что-же понимаетъ Дмитрій Калининъ? Мы уже знаемъ это: онъ думаетъ, что міромъ правитъ не Богъ, а дьяволъ... „Вотъ какъ играетъ безпощадная судьба слабыми смертными!—восклицаетъ Дмитрій:—нѣтъ, видно, милосердный Богъ нашъ отдалъ свою несчастную землю на откупъ дьяволу, который и распоряжается ею истинно-по-дьявольски!“ А отсюда — „хула на Бога, какъ на тирана, который утѣшается воплями своихъ жертвъ, который упивается ихъ слезами“. Но вѣдь это бу-

квально то самое, что нѣсколько выше говорилъ Бѣлинскій о тиранахъ-помѣщикахъ! И въ области соціальной, и въ области религіозной Бѣлинскій видѣлъ передъ собою „крѣпостное право“, тиранство человѣка человѣкомъ и тиранство человѣка Богомъ. Правда, въ послѣднемъ вопросѣ онъ еще колебался и заставилъ добродѣтельнаго „резонера“ трагедіи сказать много хорошихъ словъ о „довѣренности къ Промыслу“, о Премудрой Благости. Значительная часть третьей картины драмы посвящена столкновенію этихъ двухъ точекъ зрѣнія на Бога, на міръ и на жизнь; Сурскій, резонеръ драмы, добродѣтельный товарищъ Дмитрія, доказываетъ, что „хотя земля и есть поприще страданій большей части людей, однако въ этомъ виноватъ не Богъ, а сами люди“, что „ежели они (люди) претерпѣваютъ горести, то для того, чтобы живѣе ощущать радости“, и что, наконецъ, истинно благородные и великодушные люди должны „терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ“. Въ отвѣтъ на все это Дмитрій, предвосхищая мысли и слова Ивана Карамазова, „съ бѣшенствомъ“ восклицаетъ: „терпѣть... терпѣть здѣсь, чтобы вѣчно наслаждаться тамъ! Вотъ истинно-превосходная и вмѣстѣ преутѣшительная философія!... Какъ!... Неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого-же оно приходитъ!“ („...Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ!“—воскликнетъ черезъ полвѣка Иванъ Карамазовъ). И въ отвѣтъ на всѣ другіе доводы Сурскаго Дмитрій упорно отвѣчаетъ отрицаніемъ, „довѣренности къ Промыслу“ и даже „хулою на Бога, какъ на тирана, который упивается ихъ слезами“... Но такой Богъ очевидно, уже не Богъ, а дьяволъ, которому міръ отданъ на откупъ Богомъ...

Но какъ же рѣшаетъ эту вѣчную тяжбу между человѣкомъ и Богомъ самъ юноша-Бѣлинскій? Кто онъ—Сурскій или Калининъ? И кто-же виноватъ—Богъ или человѣкъ? Калининъ такъ и не рѣшилъ этого вопроса; онъ идетъ съ этимъ

вопросомъ о винѣ Бога на судъ къ самому Богу. Но Калининъ—не Бѣлинскій, хотя Бѣлинскій и придалъ своему неистовому герою цѣлый рядъ чертъ своего характера; Бѣлинскаго, очевидно, тоже мучили „мрачныя сомнѣнія“, но все же, повидимому, онъ еще склонялся оправдать Бога и обвинить человѣка въ вѣчной тяжбѣ между ними. Къ проклятіямъ Богу въ „революціонныхъ“ монологахъ Калинина Бѣлинскій дѣлаетъ слѣдующіе подстрочное примѣчаніе: „такъ говоритъ дерзкое безуміе, неистовое отчаяніе человѣка, не упитаннаго чистыми струями религіи и нравственности“... Эту простодушную оговорку вызвали, разумѣется, цензурныя соображенія, но не они одни: Бѣлинскій дѣйствительно, какъ мы уже сказали, склонялся къ „оправданію Бога“ т.-е. къ признанію въ мірѣ вѣчной истины, вѣчной правды, вѣчной справедливости. Онъ съ чистымъ сердцемъ могъ заявить (въ цитированномъ письмѣ къ отцу), что это его сочиненіе „не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности и что цѣль его есть самая нравственная“; Бѣлинскій не сказалъ бы этого, если бы считалъ „дерзкое безуміе“ своего героя непобѣжденнымъ въ самой драмѣ. И въ предисловіи къ драмѣ Бѣлинскій прямо говоритъ читателямъ, что авторъ взялся за перо только „изъ чистаго, безкорыстнаго побужденія выразить этотъ внутренній міръ самого себя, этотъ міръ собственныхъ мыслей и чувствованій, возбуждаемыхъ въ немъ созерцаніемъ этой чудесной, гармонической, безпредѣльной вселенной, въ которой онъ обитаетъ, назначеніемъ, судьбою человѣка; сознаніемъ его нравственнаго величія“... А если такъ, то ясно, кто такой самъ Бѣлинскій въ этой драмѣ: по характеру, по темпераменту онъ Калининъ, по взглядамъ на жизнь и на міръ онъ—Сурскій, или хочетъ быть имъ... Но не менѣе ясно, что и „дерзкое безуміе“, и „мрачное отчаяніе“ и „преступныя сомнѣнія“ Калинина были порою очень и очень знакомы Бѣлинскому.

Мы такъ подробно остановились на юношеской драмѣ Бѣлинскаго потому, что видимъ въ ней удивительно яркое и

полное предвосхищеніе всѣхъ трехъ основныхъ взглядовъ Бѣлинскаго тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Мы увидимъ еще, что въ первомъ періодѣ своей критической дѣятельности, въ „московскомъ періодѣ“ (1834 — 1840 гг.) — Бѣлинскій все болѣе и болѣе, все ревностнѣе и горячѣе отстаивалъ вѣру въ благость Промысла, вѣру въ гармоничность міра и жизни, и тѣмъ самымъ „оправдывалъ Бога“, признавая разумнымъ все существующее. Но затѣмъ, въ началѣ „петербургскаго періода“ своей жизни и дѣятельности (1840—1842 гг.) Бѣлинскій потерялъ эту свою вѣру, впалъ въ „мрачное отчаяніе“, и сталъ повторять съ гораздо большей силой то, что нѣкогда вложилъ въ уста Дмитрія Калинина. И если въ 1830-31 г. Бѣлинскій заставлялъ этого своего героя утверждать, что „міръ на откупу у дьявола“, то десять лѣтъ спустя, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 г. Бѣлинскій заявляетъ почти дословно это же самое уже отъ своего имени: „я изъ числа людей, которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола—и это кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру“... Въ послѣднемъ Бѣлинскій не ошибся: еще долго продолжалъ онъ на многомъ видѣть „хвостъ дьявола“, хотя вмѣстѣ съ этимъ въ душѣ его скоро зародилась новая вѣра въ новаго Бога—въ „соціальность“, въ новыя, свободныя формы общественнаго устройства; эта новая вѣра была только широкимъ развитіемъ тѣхъ соціальныхъ мотивовъ, которые впервые прозвучали у Бѣлинскаго въ его юношеской драмѣ. И, какъ видимъ, соціальные, философскіе и религіозные мотивы этой драмы являются поистинѣ „лейтъ-мотивами“ драмы всей жизни Бѣлинскаго; удивительно, что до сихъ поръ на это не обращали достаточнаго вниманія и не видѣли, что „Дмитрій Калининъ“ является тѣмъ зерномъ, въ которомъ in potentia заключено все дальнѣйшее развитіе міровоззрѣнія Бѣлинскаго.

III.

Возвращаемся однако къ юношѣ-Бѣлинскому и къ судьбѣ этой его драмы, отправленной въ началѣ января 1831 г. въ московскій цензурный комитетъ... О послѣдовавшемъ надо разсказать словами самого Бѣлинскаго изъ цитированнаго выше письма къ отцу: „что-же вышло? Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензуровалъ Л. А. Цвѣтаевъ, заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ. Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій! Не буду много распространяться, скажу только, что... мое сочиненіе... признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ подаваться особенныя донесенія"... И, разумѣется, это было еще сравнительно благополучнымъ окончаніемъ наивной юношеской затѣи и надежды провести черезъ николаевскую цензуру такую пьесу, какъ „Дмитрій Калининъ", пьесу насквозь пропитанную „революціоннымъ", протестующимъ настроеніемъ ея главнаго героя. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что профессора-цензоры порядкомъ распекли Бѣлинскаго и пригрозили ему лишеніемъ правъ состоянія, ссылкой въ Сибирь, а можетъ быть даже каторгой или солдатчиной [8]); это такъ потрясло Бѣлинскаго, что онъ въ тотъ же день слегъ въ университетскую больницу. Черезъ немного лѣтъ Бѣлинскій самъ радовался, что его юношеская драма не увидѣла свѣта;

въ 1836 году въ рецензіи на „сочиненіе С. Темнаго“ („Ночь“), Бѣлинскій выразился такъ: „замѣтно, что эта Ночь есть произведеніе молодого человѣка съ душою, съ пыломъ, но еще не созрѣвшаго для мысли, еще не умѣющаго отдавать самому себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, а уже сгорающаго желаніемъ написать и издать въ свѣтъ что-нибудь, непремѣнно написать и издать... О, если бы каждый молодой человѣкъ, не лишенный чувства и сгорающій желаніемъ печататься, издавалъ всѣ плоды своей фантазіи, сколько бы дурныхъ книгъ бросилъ онъ въ свѣтъ и сколько бы раскаянія приготовилъ себѣ въ будущемъ!.. Мы говоримъ это отъ чистаго сердца, говоримъ даже по собственному опыту, потому что имѣемъ причины благодарить обстоятельства, которыя помѣшали намъ пріобрѣсть жалкую, эфемерную извѣстность мнимыми произведеніями искусства и занять мѣсто въ забавномъ ряду литературныхъ рыцарей печальнаго образа“... И, разумѣется, говоря такъ, Бѣлинскій былъ правъ; драма его имѣетъ теперь для насъ громадное значеніе для пониманія внутренней борьбы міровоззрѣній, происходившей въ юношѣ-Бѣлинскомъ, но какъ литературное произведеніе эта „драматическая повѣсть“ крайне слаба. Написана она въ приподнятомъ стилѣ псевдо-романтическихъ произведеній Марлинскаго, переполнена трескучими монологами героя, патетическими діалогами; художественное творчество не было доступно Бѣлинскому. Восемь лѣтъ спустя онъ еще разъ попытался написать пьесу для театра—на этотъ разъ попавшую на театральные подмостки, дважды исполнявшуюся въ московскомъ театрѣ и напечатанную въ „Московскомъ Наблюдателѣ“ 1839 года; пьеса эта—пяти-актная драма „Пятидесятилѣтній дядюшка или странная болѣзнь“ — окончательно убѣдила Бѣлинскаго въ томъ, что художественное творчество—не его область.

Дѣло о „Дмитріи Калининѣ“ кончилось для Бѣлинскаго сперва сравнительно благополучно; „невзгода на меня, кажется, проходитъ и я начинаю дышать свободнѣе,—сообщалъ Бѣлинскій

родителямъ въ письмѣ отъ 24 мая 1831 г.:—начальство обо мнѣ забыло и думать"... Но тутъ же онъ прибавлялъ: „правда, при первомъ случаѣ оно не умедлитъ напомнить мнѣ, что знаетъ меня"... Говоря такъ, Бѣлинскій оказался пророкомъ; дѣйствительно, университетское начальство „не умедлило напомнить" Бѣлинскому о себѣ: полтора года спустя, воспользовавшись первымъ удобнымъ предлогомъ—долговременной болѣзнью Бѣлинскаго и пропускомъ экзаменовъ,—начальство это, въ сентябрѣ 1832 года, исключило Бѣлинскаго изъ университета „по слабому здоровью и притомъ по ограниченности способностей"... Могъ ли университетскій инспекторъ Щепкинъ, обезсмертившій свое имя этой характеристикой, могъ-ли онъ предполагать, какъ ядовито посмѣется надъ нимъ будущее!

Исключенный „по ограниченности способностей" изъ университета, въ тискахъ нужды, безъ поддержки и опоры, Бѣлинскій все-таки не палъ духомъ. Сообщая отцу объ этомъ исключеніи, Бѣлинскій просилъ отца не торопиться судить и осудить своего сына: „конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди,—писалъ Бѣлинскій:—только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ онъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще"... (письмо отъ 21 мая 1833 г.). „Я нигдѣ и никогда не пропаду",—писалъ Бѣлинскій отцу четырьмя мѣсяцами позднѣе; и онъ имѣлъ право на всѣ эти дышащія силою и увѣренностью заявленія. Немедленно послѣ исключенія изъ университета, Бѣлинскій лихорадочно началъ искать занятій, работы; съ сентября по декабрь 1832 года онъ, „не слѣзая съ мѣста", переводилъ съ французскаго романъ, надѣясь продать свой переводъ рублей за триста, но удалось ему продать его только за 25 рубл. серебр.—три мѣсяца усидчивой работы! По этому примѣру можно видѣть, какъ нуждался Бѣлинскій и какъ онъ работалъ. Весною 1833 года Бѣлинскому удалось познако-

миться съ издателемъ „Телескопа“ и „Молвы“—извѣстнымъ Надеждинымъ; въ этихъ журналахъ Бѣлинскій сталъ помѣщать сперва свои переводы съ французскаго, а затѣмъ, вѣроятно, и небольшія рецензіи. Въ 1834 году, благодаря этимъ переводамъ и полученнымъ частнымъ урокамъ (между прочимъ, одинъ изъ этихъ уроковъ—Кавелину), дѣла Бѣлинскаго уже настолько поправляются, что онъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ около 15—20 рубл. на наши деньги (64 р. асс.) и сумма эта кажется ему громадной... Наконецъ, осенью 1834 года онъ печатаетъ въ „Молвѣ“ свои знаменитыя „Литературныя Мечтанія“, составившія эпоху въ русской критикѣ—и послѣ этого становится главнымъ критикомъ и рецензентомъ „Телескопа“ и „Молвы“, получая за это отъ Надеждина по 60 рублей въ мѣсяцъ (3000 р. асс. въ годъ): это уже цѣлое богатство! „И на моей улицѣ настанетъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ!“—восклицаетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ 1834 года.

Какимъ образомъ однако совершилось это чудесное превращеніе: „недоучившійся студентъ“, исключенный въ 1832 году „по ограниченности способностей“ изъ университета, сразу становится въ 1834 году самымъ выдающимся русскимъ критикомъ своего времени—и не только своего времени?—Университетъ ничего не могъ дать Бѣлинскому. Университетомъ, въ которомъ будущій великій критикъ сформировалъ свое міровоззрѣніе, для Бѣлинскаго былъ, какъ извѣстно, кружокъ Станкевича, хотя нельзя не замѣтить, что очень часто вліяніе на Бѣлинскаго этого кружка сильно преувеличиваютъ. Въ 1829—1832 годы—годы пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ—вмѣстѣ съ нимъ тамъ начинали или кончали курсъ ученія будущіе друзья по кружку: Станкевичъ, Константинъ Аксаковъ, поэты Клюшниковъ и Красовъ, Ефремовъ, Петровъ, Невѣровъ, и др.; въ это же время въ университетѣ былъ и Герценъ, вокругъ котораго группировался другой кружокъ, вскорѣ подвергшійся преслѣдованію правительства. Ближе всего

Бѣлинскій сошелся съ К. Аксаковымъ и со Станкевичемъ; нѣсколько позднѣе, въ 1835—1836 году въ кружокъ вошли В. Боткинъ, впослѣдствіи близкій другъ Бѣлинскаго, и М. Бакунинъ, ставшій въ 1837—1840 году главою кружка, вмѣсто уѣхавшаго за-границу и вскорѣ умершаго Станкевича. Бакунинъ внесъ въ этотъ дружескій кружокъ нѣкоторыя черты специфической „кружковщины", о чемъ мы еще скажемъ ниже; что же касается до кружка Станкевича первой половины тридцатыхъ годовъ, то это былъ просто дружескій кружокъ молодежи, объединенной страстной любовью къ искусству, къ поэзіи, и музыкѣ, театру, и совокупными силами вырабатывавшей себѣ „міровоззрѣніе". Сущность этого міровоззрѣнія была заранѣе предопредѣлена: Станкевичъ находился въ близкомъ знакомствѣ съ профессоромъ Павловымъ, у котораго онъ жилъ; а Павловъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей русскихъ „любомудровъ" двадцатыхъ годовъ, сторонниковъ нѣмецкой натурфилософіи вообще и ученія Шеллинга въ частности. Напомнимъ также, что выше уже мы указывали на сильное вліяніе произведеній кн. В. Одоевскаго на юношу Бѣлинскаго; а кн. Одоевскій былъ единомышленникомъ Павлова и вѣрнымъ ученикомъ Шеллинга. Такимъ образомъ, почва была уже подготовлена. Станкевичъ тоже сдѣлался шеллингистомъ; въ письмахъ 1833 года онъ излагаетъ свой взглядъ на жизнь и на міръ („Моя философія") и взглядъ этотъ является варіаціями на шеллингистскія темы. Нѣсколько позднѣе, въ 1836 году, Станкевичъ перешелъ къ Фихте и увлекъ его ученіемъ Бакунина; а еще черезъ годъ Бакунинъ перешелъ къ Гегелю и нашелъ союзника въ Катковѣ, въ то время студентѣ, и другихъ членахъ кружка [9]).

Какое же положеніе занималъ въ этомъ кружкѣ Бѣлинскій?—Кружокъ этотъ несомнѣнно сыгралъ для него роль университета, ввелъ Бѣлинскаго въ кругъ философской мысли Запада, далъ фундаментъ его эстетическимъ построеніямъ; Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка и воспринималъ философію

Шеллинга, Фихте и Гегеля только отъ Станкевича, позднѣе— отъ Бакунина, еще позднѣе — отъ Каткова. Въ кружкѣ онъ былъ ученикомъ, другіе были учителями; поэтому отношеніе къ Бѣлинскому было хотя и дружелюбное, но покровительственное, что ни одинъ разъ прорывается въ письмахъ даже мягкаго Станкевича, не говоря уже о Бакунинѣ. Но кромѣ того, равенства отношеній не могло быть еще и потому, что Бѣлинскій былъ единственнымъ бѣднякомъ разночинцемъ въ кругу обезпеченныхъ дворянъ-помѣщиковъ; въ трудныя минуты ему приходилось обращаться къ нимъ за денежной поддержкой, какъ это ни было для него мучительно. Къ тому же Станкевичъ довольно пренебрежительно относился къ журналистикѣ, считая себя стоящимъ выше этого поля дѣятельности; и это снисходительно-пренебрежительное отношеніе впослѣдствіи передалось даже мягкосердечному Грановскому, который уже въ 1842 году пишетъ Бѣлинскому покровительственное письмо, съ заключеніемъ: „читай, Виссаріонъ, а не то черезъ годъ тебѣ трудно будетъ писать“... Извѣстенъ также фактъ, что въ 1838 году Бакунинъ, К. Аксаковъ и Боткинъ заявили Бѣлинскому, что онъ не имѣетъ права писать и печататься—по недостатку „объективнаго наполненія“... Извѣстно также, что уже много времени спустя послѣ смерти Бѣлинскаго, его другъ и товарищъ Боткинъ заявлялъ, что каждый изъ членовъ кружка „клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, которою была критика Бѣлинскаго“.

Цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ далъ возможность нѣкоторымъ историкамъ литературы переоцѣнить вліяніе кружка Станкевича на Бѣлинскаго, въ которомъ главной стороной имъ кажется „великое сердце“, а не пытливыя исканія разума (С. Венгеровъ). Такое мнѣніе намъ представляется крайне одностороннимъ, такъ какъ сильное вліяніе кружка замѣтно только въ одномъ очень непродолжительномъ періодѣ жизни и критической дѣятельности Бѣлинскаго; „великое серце“ остается при Бѣлинскомъ, но не въ этомъ главное значеніе дѣятельно-

сти великаго критика. Необходимо отмѣтить прежде всего упорную самостоятельность юноши Бѣлинскаго при выработкѣ своего міровоззрѣнія. Еще въ университетѣ сошелся онъ съ кружкомъ Станкевича, въ 1833 году онъ уже былъ близокъ со всѣми его членами, что видно изъ переписки Станкевича; осенью 1833 года Бѣлинскій пишетъ брату о своей дружбѣ и связи со многими „отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ молодыми людьми"; и однако Бѣлинскій не спѣшилъ примкнуть къ основной вѣрѣ Станкевича и его друзей—къ шеллингизму. Мы уже приводили мѣткое наблюденіе его гимназическаго учителя Попова, что Бѣлинскій, вообще говоря, „не скоро поддавался на чужое мнѣніе", но зато, если съ чѣмъ соглашался, то выражалъ свое убѣжденіе „со страшною увѣренностію". Такъ было и теперь. Уже три или четыре года Бѣлинскій былъ знакомъ со Станкевичемъ, который несомнѣнно проповѣдывалъ и ему свою философію — шеллингіанство; но Бѣлинскій не принималъ этой новой вѣры, не подавался на доводы Станкевича. Въ чемъ была тогда вѣра Бѣлинскаго—мы теперь не знаемъ съ достаточной опредѣленностью: быть можетъ этой вѣрой была философія энциклопедистовъ XVIII вѣка, быть можетъ это были отзвуки ученія Руссо, какъ можно заключить по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ „Дмитрія Калинина". Какъ бы то ни было, но до середины 1834 года Бѣлинскій не раздѣлялъ философской вѣры Станкевича; какъ онъ пришелъ къ ней — намъ тоже неизвѣстно; быть можетъ этому способствовало близкое знакомство въ 1833-44 г. съ такимъ сильнымъ умомъ, какъ Надеждинъ, который выросъ на системахъ нѣмецкой философіи. Такъ или иначе, но фактъ тотъ, что только передъ самыми „Литературными Мечтаніями" Бѣлинскій обратился въ новую вѣру и сталъ исповѣдывать ее, какъ всегда, „со страшною увѣренностію". Онъ сообщилъ о своемъ переходѣ Станкевичу и тотъ отвѣчалъ ему въ октябрѣ 1834 г.: „не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовле-

творитъ тебя не болѣе старой“... Мы видимъ, какъ все это не похоже на обычное толкованіе идейной зависимости Бѣлинскаго отъ кружка Станкевича.

Но вотъ Бѣлинскій обращается въ 1834 году въ эту новую вѣру, въ „шеллингіанство“ и начинаетъ „со страшною увѣренностію“ исповѣдывать и проповѣдывать его въ своихъ статьяхъ. Съ этого времени, дѣйствительно, начинается для Бѣлинскаго періодъ невольной идейной зависимости отъ членовъ кружка Станкевича: онъ не зналъ нѣмецкаго языка и долженъ былъ отъ своихъ друзей узнавать о тѣхъ или иныхъ частностяхъ философскихъ системъ. Но и тутъ Бѣлинскій, обладавшій (по извѣстному отзыву кн. В. Одоевскаго) „философской организаціей“, преломлялъ получаемыя свѣдѣнія и своеобразно отражалъ ихъ въ своихъ статьяхъ. Такъ совершилъ онъ, подъ руководствомъ друзей, свое философское развитіе отъ шеллингіанства черезъ фихтіанство къ гегеліанству; но тутъ, съ 1838 года, онъ рѣшительно пошелъ по своему пути, далъ свою интерпретацію гегеліанства, вынесъ на этой почвѣ борьбу съ Бакунинымъ, отстаивалъ свои взгляды въ письмахъ къ Станкевичу, жестоко поссорился съ Герценомъ: много ли во всей русской литературѣ примѣровъ такой духовной самостоятельности? Одинокимъ переѣхалъ Бѣлинскій въ концѣ 1839 года въ Петербургъ; здѣсь, годъ спустя, онъ перенесъ жестокій идейный и религіозный кризисъ, перешелъ къ новой вѣрѣ, къ вѣрѣ въ „соціальность“ и быстро подчинилъ новымъ своимъ взглядамъ почти всѣхъ окружающихъ, а въ томъ числѣ и того самаго Боткина, который позднѣе желалъ представить критику Бѣлинскаго какимъ-то общимъ складочнымъ мѣстомъ мнѣній всѣхъ друзей. Лучшимъ доказательствомъ фантастичности этой мысли Боткина является переписка между нимъ и Бѣлинскимъ въ 1840—1843 гг.: слишкомъ чувствуется въ ней превосходство Бѣлинскаго надъ Боткинымъ. Если въ рѣдкихъ случаяхъ Бѣлинскій и бралъ какую-нибудь мысль Боткина въ свою статью, то почти всегда это была мысль самаго Бѣлинскаго—быть мо-

жетъ только лучше выраженная. Но гораздо чаще Бѣлинскій отвѣчалъ своему другу: а о такомъ-то предметѣ ты врешь, хотя и мило врешь...

Все предыдущее — не защита самостоятельности Бѣлинскаго (въ такой защитѣ онъ не нуждается), а простое установленіе факта, что періодъ вліянія кружка Станкевича на Бѣлинскаго былъ весьма непродолжителенъ и длился только съ 1835 по 1838 годъ; но и въ этотъ періодъ такое вліяніе относилось главнымъ образомъ къ области философіи и теоріи эстетики. Часто указываютъ на вліяніе Станкевича и въ области чисто литературно-критической: Станкевичъ отрицательно относился къ Бенедиктову, къ Кукольнику, къ Ершову („Конекъ-Горбунокъ")—и Бѣлинскій „раздѣлялъ" эти мнѣнія. Не вѣроятнѣе ли предположить, что въ той области, которая была главной спеціальностью Бѣлинскаго, въ области критики и исторіи литературы, не на него оказывали вліяніе, а самъ онъ оказывалъ вліяніе на своихъ друзей? И ужъ въ крайнемъ случаѣ такое вліяніе могло быть только взаимнымъ, обоюднымъ. Да наконецъ и самъ Станкевичъ съ удивленіемъ отвергалъ слухи, будто Бѣлинскій находится подъ его литературнымъ вліяніемъ; въ этой области—прибавлялъ Станкевичъ—я самъ радъ у Бѣлинскаго поучиться... И если Бѣлинскій вносилъ что-нибудь „свое" въ кружокъ Станкевича и его друзей, то это могли быть именно историко-литературныя и критическія сужденія. Часто указываютъ, что многія изъ этихъ сужденій были высказаны въ печати еще задолго до „Литературныхъ Мечтаній" Бѣлинскаго; но дѣло не въ этихъ отдѣльныхъ сужденіяхъ, а въ той общей широкой картинѣ, которую Бѣлинскій сдѣлалъ изъ исторіи русской литературы XVIII и начала XIX вѣка. Бѣлинскій въ сущности былъ Колумбомъ этой области, былъ первымъ историкомъ этой эпохи русской литературы.

„Литературными Мечтаніями" началась въ концѣ 1834 года серьезная критическая дѣятельность Бѣлинскаго въ журналахъ

Надеждина, „Телескопѣ“ и „Молвѣ“, закончилась она къ концу 1836-го года статьей Бѣлинскаго о книжкѣ „Опытъ системы нравственной философіи“. Впослѣдствіи, уже на исходѣ „московскаго“ періода своей жизни, въ концѣ 1839 года, Бѣлинскій, самъ указывая въ письмѣ къ Станкевичу на „смѣшныя стороны своего телескопскаго ратованія“, все же подчеркивалъ, что эти смѣшныя и слабыя стороны (главнымъ образомъ приподнятость и гиперболичность) не могутъ заслонить собою тѣхъ истинъ, которыя находились въ этихъ статьяхъ. „Мнѣ сладко думать,—пишетъ Бѣлинскій,—что я, лишенный не только наукообразнаго, но и всякаго образованія, сказалъ первый нѣсколько истинъ, тогда какъ премудрый университетскій синедріонъ поролъ дичь“...*). Бѣлинскій съ жаромъ отдался журнальной дѣятельности, особенно усилившейся съ середины 1835 года, когда Надеждинъ уѣхалъ за-границу и передалъ на время своего отсутствія веденіе своихъ журналовъ Бѣлинскому. Станкевичъ въ письмѣ къ Невѣрову сообщалъ, что Надеждинъ „отдалъ намъ Телескопъ“; но вскорѣ Станкевичъ созналъ, что это подчеркнутое „намъ“ слишкомъ напоминаетъ извѣстное „мы пахали“, и въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ сообщилъ, что „Надеждинъ передаетъ свой „Телескопъ“ Бѣлинскому“ и что остальные друзья будутъ только „помогать“ ему. И тутъ же Станкевичъ прибавлялъ: „разумѣется, что я не стану тратить времени на „Телескопъ“... Такимъ образомъ Бѣлинскій сталъ полноправнымъ редакторомъ „Телескопа“ и почти цѣлый годъ посвящалъ ему всѣ свои силы. Вернувшійся къ 1836 году изъ-за границы Надеждинъ остался, повидимому, доволенъ веденіемъ дѣла въ его отсутствіе, далъ возможность Бѣлинскому отдохнуть въ теченіе

*) Въ этихъ словахъ—лишнее доказательство полной идейной самостоятельности Бѣлинскаго той эпохи: онъ не подчеркивалъ бы въ письмѣ къ Станкевичу свой пріоритетъ, если бы считалъ себя обязаннымъ за эти истины Станкевичу. Да и самъ Станкевичъ писалъ, что „въ мнѣніяхъ всегда готовъ съ нимъ (Бѣлинскимъ) посовѣтоваться и очень часто послѣдовать его совѣтамъ“...

осени, которую Бѣлинскій провелъ въ деревнѣ Бакуниныхъ,— и вообще собирался еще энергичнѣе приступить съ помощью Бѣлинскаго къ изданію своихъ журналовъ. Но какъ-разъ осенью этого года Надеждинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ знаменитое „Философическое письмо“ Чаадаева, за которое журналъ подвергся полному разгрому, а самъ Надеждинъ— ссылкѣ (въ февралѣ 1837 года). Бѣлинскій, возвращавшійся изъ Прямухина, деревни Бакуниныхъ, въ Москву (15 ноября 1836 года) былъ арестованъ на заставѣ, „представленъ“ въ полицію и подвергнутъ обыску, причемъ однако въ его бумагахъ „ничего сумнительнаго не оказалось“, и онъ былъ освобожденъ.

Такъ закончился „телескопскій“ періодъ жизни и дѣятельности Бѣлинскаго, періодъ характеризуемый шеллингіанствомъ; начиналась новая полоса развитія Бѣлинскаго, характеризуемая его „фихтіанствомъ“, проявленіе котораго мы видимъ уже въ послѣдней статьѣ Бѣлинскаго, напечатанной въ „Телескопѣ“ (объ „Опытѣ системы нравственной философіи“). Но немедленно вслѣдъ за этой статьей литературная дѣятельность Бѣлинскаго прервалась на полтора года и возобновилась тогда, когда Бѣлинскій сталъ уже послѣдователемъ „гегеліанства“. Эти три фазиса его развитія въ лонѣ нѣмецкой философіи объединяются однако единой и глубокой его вѣрой въ міръ, въ жизнь, въ Бога. Великія исканія Дмитрія Калинина теперь довели его, казалось, до окончательной и пламенной вѣры, проявленія которой мы находимъ и въ статьяхъ и въ письмахъ Бѣлинскаго. Мы обратимся здѣсь къ его письмамъ.

IV.

Начиная свою журнальную дѣятельность, Бѣлинскій уже твердо стоялъ на точкѣ зрѣнія резонера изъ „Дмитрія Калинина“. Еще разъ повторяю: удивительно, до чего полно предвосхищены въ этомъ юношескомъ произведеніи Бѣлинскаго почти всѣ мучительныя исканія его послѣдующей жизни! Драму свою онъ написалъ въ 1830 г. и послѣ нея еще 3-4 года пребывалъ въ мукахъ сомнѣнія и въ состояніи неудовлетворенности отъ своего воззрѣнія на міръ. Какое это было воззрѣніе? — Мы этого точно не знаемъ, а можемъ строить только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Но за то мы навѣрное знаемъ, что все это время въ душѣ Бѣлинскаго безпрерывно продолжался процессъ исканія истины. И къ концу 1834 года ему показалось, что онъ ее нашелъ навсегда. Онъ обратился въ новую вѣру, и вѣрой этой, какъ извѣстно, было шеллингіанство. Въ немъ для Бѣлинскаго соединялось философское и эстетическое оправданіе и принятіе міра и жизни; міръ и жизнь для него теперь не „крѣпостная система“, а „дыханіе единой, вѣчной идеи — мысли единаго, вѣчнаго Бога“; Богъ для него теперь не „тиранъ“, отдавшій міръ на откупъ дьяволу, а „Премудрая Благость“, „Божественный Промыслъ“. Словомъ, побѣдило воззрѣніе резонера изъ юношеской трагедіи Бѣлинскаго, и это радостно успокаивающее воззрѣніе росло и ширилось въ эпоху шеллингіанства, и фихтіанства, и гегеліанства Бѣлинскаго. Самодовлѣющее искусство, какъ „выраженіе великой идеи Вселенной“, какъ отблескъ божественной силы, цѣлесообразной и разумной— вотъ истина, къ которой Бѣлинскій пришелъ послѣ мучитель-

ныхъ исканій; а что исканія были дѣйствительно мучительны— мы знаемъ это по „Дмитрію Калинину“, произведенію юношескому, незрѣлому, но поистинѣ написанному „кровью сердца и сокомъ нервовъ“.

Когда Бѣлинскій обратился въ эту новую вѣру и повѣдалъ объ этомъ обращеніи своему другу Станкевичу, то послѣдній — это мы уже отмѣтили—скептически отвѣчалъ ему: „не знаю, радоваться ли твоему обращенію. Новая система, вѣроятно, удовлетворитъ тебя не болѣе старой“... Какъ видимъ, Станкевичъ хорошо зналъ и понималъ своего друга. Orlando furioso, — какъ въ кружкѣ друзей называли Бѣлинскаго. Достигнутая, постоянная, „статическая“ истина не была его удѣломъ; истина въ процессѣ выработки, „динамическая“ истина только и была ему свойственна. И когда въ 1834—1839 г.г., Бѣлинскій переживалъ процессъ такого динамическаго развитія истины въ лонѣ абсолютной нѣмецкой философіи, то все-же въ этомъ процессѣ—очень сложномъ и уже довольно подробно изученномъ историками литературы — одна истина была для постоянной, ненарушимой и, казалось ему, прочно и навсегда пріобрѣтенной: это была „истина“ о Божественномъ Промыслѣ, о Премудрой Благости, разумно управляющей міромъ и жизнью. Могъ ли думать тогда Бѣлинскій, что пройдетъ еще два-три года — и истина эта станетъ для него нестерпимой ложью?

Такъ случилось въ началѣ сороковыхъ годовъ; но пока, въ тридцатыхъ годахъ, Бѣлинскій готовъ былъ за эту истину отдать свое счастье, отдать свою жизнь. Да и то сказать, „истина“ эта помогала Бѣлинскому нести грузъ тяжелой и трудной жизни. Денежная необезпеченность, почти нищета, вѣчные долги, несчастная любовь къ А. А. Бакуниной—вотъ жизнь Бѣлинскаго въ тридцатыхъ годахъ: вѣрить въ Разумный Промыселъ, ведущій къ опредѣленной цѣли, было легче, чѣмъ не вѣрить въ него. И Бѣлинскій вѣрилъ, старался вѣрить. „Духъ вѣчной истины, молюсь и поклоняюсь тебѣ, и съ

трепетомъ, съ слезами на глазахъ отнынѣ предаю тебѣ судьбу мою: устрой ее по разумной волѣ своей, и если суждено мнѣ на землѣ высшее блаженство—отъ тебя приму я его, или никогда не узнаю его!" Такъ восклицаетъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ конца тридцатыхъ годовъ [10]).

Вотъ во что обратились былые вопросы Дмитрія Калинина „Существу Всевышнему"; прежде Бѣлинскій съ отчаяніемъ восклицалъ: „отъ судебъ защиты нѣтъ", а теперь онъ не одинъ разъ повторяетъ въ письмахъ народную мудрость: „все въ волѣ Божіей—я вѣрю этой мысли, она есть догматъ моей религіи"... [11]). Прежде Бѣлинскій, устами Дмитрія Калинина, обвинялъ Бога въ „тиранствѣ" по отношенію къ людямъ; теперь онъ въ этомъ „тиранствѣ" видитъ простую муштровку, необходимую и полезную для человѣка. „Я солдатъ у Бога, онъ командуетъ, я марширую. У меня есть свои желанія, свои стремленія, которыхъ онъ не хочетъ удовлетворить, какъ ни кажутся они мнѣ законными; я ропщу, клянусь, что не буду Его слушаться, а между тѣмъ слушаюсь и часто не понимаю, какъ все это дѣлается"... [12]).

Вѣра въ объективную цѣлесообразность бытія, вѣра въ объективную осмысленность міра составляла теперь для Бѣлинскаго, какъ видимъ, святое святыхъ его міровоззрѣнія. Мятущееся отчаяніе Дмитрія Калинина исчезло—и какъ будто безъ слѣда; его мѣсто заступила радостная вѣра въ благую цѣлесообразность міра, въ благое высшее Провидѣніе, царящее надъ міромъ. Вѣра эта стала удѣломъ Бѣлинскаго еще съ начала его шеллингіанства; съ выраженіемъ ея мы встрѣчаемся еще и въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ", и въ другихъ статьяхъ начала тридцатыхъ годовъ, и въ письмахъ Бѣлинскаго той эпохи. „Все къ лучшему!"... „И все то благо, все добро!"—восклицаетъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ и письмахъ. И эту мысль онъ повторяетъ даже въ то время, когда самъ находится въ невыносимомъ положеніи, когда самъ „пьетъ горькую чашу, которая съ каждымъ днемъ переполняется черезъ края

новыми ядовитѣйшими зельями“; даже въ это время Бѣлинскій утѣшаетъ себя мыслью, что, быть можетъ, „всѣ настоящія несчастія суть не что иное, какъ зерна, изъ коихъ должны нѣкогда вырасти и расцвѣсти благоухающіе цвѣты счастія... Все къ лучшему!“... (изъ письма къ брату Константину отъ 19 іюля 1833 г.).

Однимъ словомъ, всѣ исканія Бѣлинскаго остановились теперь на признаніи объективной цѣлесообразности всего сущаго, то-есть, говоря иными словами, на полномъ „принятіи міра“ Бѣлинскимъ. Невѣріе и отчаяніе Дмитрія Калинина повидимому окончательно побѣждены; надъ всей жизнью Бѣлинскаго теперь царитъ радостная вѣра въ объективную разумность міра и жизни. Страданія и муки отдѣльныхъ личностей, частныхъ индивидуальностей тонутъ въ этомъ абсолютно цѣлесообразномъ развитіи міра—саморазвитіи и самопознаніи Абсолютнаго Духа. „Es herrschet eine Allweise Güte über die Welt“ — надъ міромъ царитъ Премудрая Благость: недаромъ это было любимой фразой еще Станкевича. И когда тотъ же Станкевичъ первый изъ друзей перешелъ къ изученію философіи Гегеля, то въ ней и онъ нашелъ прочную опору для подобнаго „принятія міра“. Передъ мыслью о развитіи Общаго, о самопознаніи Абсолютнаго Духа—стушевывались всѣ вопросы о мукахъ и страданіяхъ живой человѣческой личности: „я никогда почти не дѣлаю себѣ такихъ вопросовъ,—пишетъ Станкевичъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ.—Въ мірѣ господствуетъ Духъ, Разумъ: это успокаиваетъ меня насчетъ всего“... Именно такую вѣру и высказывалъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ и письмахъ второй половины тридцатыхъ годовъ.

Вотъ какъ все хорошо устроилось. Ядовитые вопросы Дмитрія Калинина умолкли передъ этой вѣрой Бѣлинскаго въ Премудрую Благость. А вѣдь вѣра въ абсолютную истину исключаетъ уже всякія исканія, кромѣ тѣхъ исканій, которыя безсознательно и исподволь ведутъ подкопъ „аршиномъ глубже“ этой самой абсолютной истины. И первый признакъ, что под-

копъ уже ведется, что въ глубинѣ души Бѣлинскаго идетъ тайная борьба между абсолютной истиной и новыми исканіями— первый признакъ этого процесса въ томъ, что Бѣлинскій начинаетъ горячо убѣждать себя: „я вѣрю, я вѣрую!“ И чѣмъ горячѣе онъ убѣждаетъ себя и другихъ, тѣмъ яснѣе, что вѣра его наканунѣ жестокаго перелома. Тотъ, кто твердо вѣритъ, не нуждается въ самоубѣжденіяхъ.

Огонь вспыхиваетъ передъ концомъ горѣнія, передъ тѣмъ, какъ потухнуть. Такъ было и съ послѣдней вспышкой вѣры Бѣлинскаго. Осенью 1838 года умерла молодая и прекрасная Л. А. Бакунина, бывшая невѣстой Станкевича. Съ семьей Бакуниныхъ Бѣлинскій былъ тогда тѣсно связанъ различными нитями и больно почувствовалъ эту утрату. „Все въ волѣ Божіей“, „Богъ командуетъ, человѣкъ маршируетъ“: этимъ Бѣлинскій себя теперь не утѣшаетъ. Теперь ему надо понять, теперь ему надо знать, для чего жила, для чего умерла Лидія Бакунина? И Бѣлинскій пытается убѣдить себя, что это разумно, что такъ надо, что это къ благу, къ лучшему. Вслушайтесь въ эти самоубѣжденія, въ эту пылкую проповѣдь и вы услышите въ ней новыя ноты, почувствуете „подкопъ аршиномъ глубже“, который ведется гдѣ-то въ глубинѣ души Бѣлинскаго. „Боже,— восклицаетъ онъ,—не имѣла ли она всѣхъ правъ на жизнь, на счастіе, на блаженство? Кто же достоинъ всего этого, если не она? И что же? Она-то и выпила всю чашу страданій и мукъ. Гдѣ же справедливость? Умъ оскорбляется, сердце возмущается“... И тутъ же, непосредственно рядомъ — самоутѣшенія: „нѣтъ, не обманчивы таинственныя предчувствія сердца: она живетъ и блаженствуетъ! Смерть была для нея не прекращеніемъ страданій, но наградою за нихъ, новою, лучшею жизнью“...[13]). И Бѣлинскій не устаетъ развивать на всѣ лады эту обычную аргументацію, стараясь убѣдить себя, что онъ вѣритъ, что этой вѣрою жива его душа; и по прежнему новыя ноты звучатъ въ этихъ самоубѣжденіяхъ, и по прежнему чувствуется, что это уже одна изъ послѣднихъ вспышекъ вѣры.

„Зачѣмъ былъ на землѣ этотъ свѣтлый ангелъ? Неужели только для того, чтобы научить людей страдать съ терпѣніемъ? Люди отъ этого въ выигрышѣ, а она? Живетъ общее, гибнутъ индивиды. Но что же такое это общее? Сатурнъ, пожирающей дѣтей? Нѣтъ, безъ личнаго безсмертія духа, жизнь—страшный призракъ. Нѣтъ, она жива и блаженна, и мы будетъ нѣкогда живы и блаженны. Мишель, не думай, чтобы я предавался крайности. Нѣтъ, понимаю цѣну здѣшней жизни. Жизнь вездѣ одна и та же. Вопросъ не во времени, не въ мѣстѣ, а въ конечности или безконечности. Если мое *я* вѣчно — для меня нѣтъ страданій, нѣтъ обманутыхъ надеждъ; не т а м ъ, но в с е г д а—вотъ въ чемъ мое вознагражденіе... И кто здѣсь, на землѣ, исчерпаетъ всю жизнь, по крайней мѣрѣ въ той возможности, какая дана ему? А гдѣ мѣра этой возможности? Безконечное—безконечно въ буквальномъ смыслѣ. Нѣтъ старца, который бы взялъ съ жизни полную дань. Что же юноша?—Цвѣтокъ, еще не распустившійся. И будто его жизнь кончилась? К о н ч и л а с ь!—ничто не кончается, но безконечно развивается, безконечно углубляется въ жизнь. Нѣтъ смерти! Только мертвые хоронятъ мертвыхъ. Воскресеніе Христа не есть же символъ чего-нибудь другого, а не воскресенія. Наша конечность боится этихъ вопросовъ и оставляетъ ихъ въ сторонѣ! Чего мы не постигаемъ, то для насъ—темныя мѣста въ Евангеліи. Нѣтъ, тамъ каждая буква есть міръ мысли, и скорѣе прейдетъ земля и небо, нежели одна іота изъ книги жизни. Я вѣрю и вѣрую!.. Чего мы еще не постигли, то должно быть свято: придетъ время—прозримъ, и непонятное будетъ понятно, и неестественное—естественно. Да, живъ Богъ—жива душа моя!“ [14]).

Во всемъ этомъ много увлеченія, много страсти, но нѣтъ, казалось бы, только одного: возможности дальнѣйшаго развитія этой точки зрѣнія. Достигнутая абсолютная истина и исканіе новой истины — это два полюса: „волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой“... И

для того, чтобы пойти впередъ, надо отвернуться отъ старой истины, въ ея абсолютности увидѣть ложь, въ ея неподвижности—приговоръ надъ ней. Это почти всегда очень тяжелый внутренній процессъ и безконечно тяжелымъ сталъ онъ для Бѣлинскаго, который каждую истину принималъ въ свое сердце, сростался съ нею не умомъ, а чувствомъ. Голая логическая истина оставляла его всегда холоднымъ. „У меня, — писалъ Бѣлинскій, — всѣ убѣжденія сильны, потому что я не умѣю вполовину предаваться имъ. Иная мысль живетъ во мнѣ полчаса, но какъ живетъ? Такъ, что, если сама не оставитъ меня, то ее надо оторвать съ кровью, съ нервами“ [15]). Что же сказать о той истинѣ нѣмецкой абсолютной философіи, соединенной съ истиной церковной вѣры, которая жила въ Бѣлинскомъ не полчаса, а больше пяти лѣтъ? Не только съ кровью и нервами вырвалъ онъ ее, но и съ частью собственнаго сердца: Апатія, страданіе, отчаяніе—вотъ внутренняя жизнь Бѣлинскаго въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ послѣ разрыва съ абсолютной истиной нѣмецкой философіи и русской церковности. Но именно это страданіе, это очаяніе открывало путь новымъ исканіямъ неистоваго и въ ненависти, и въ любви Виссаріона.

Трудно сказать, когда именно сквозь кору абсолютныхъ истинъ сталъ снова пробиваться голосъ Дмитрія Калинина. Казалось, что герой юношеской драмы Бѣлинскаго навсегда похороненъ подъ грузомъ абсолютныхъ истинъ и придавленъ сверху вѣрой въ Премудрую Благость. Но въ дѣйствительности неистовый и протестующій Дмитрій Калининъ всегда жилъ въ Виссаріонѣ Бѣлинскомъ. Еще въ самомъ разгарѣ своей вѣры въ высшую разумность жизни и смерти всякаго человѣка, Бѣлинскій испытывалъ вполнѣ не мирящіяся съ этимъ „довѣріемъ къ Промыслу“ чувства; противорѣчія терзали его душу. „Чудная вещь жизнь человѣческая, любезный Мишель!—писалъ какъ-то разъ Бѣлинскій своему другу Бакунину:—никогда такъ не стремилась къ ней душа моя и никогда такъ не ужасалась ея. Въ одно и то же время я вижу въ ней и очаровательную

дѣвушку, и отвратительный скелетъ. И хочется жить, и страшно жить, и хочется умереть, и страшно умереть. Могила то манитъ меня къ себѣ прелестью своего безпробуднаго покоя, то леденитъ ужасомъ своей могильной сырости, своихъ гробовыхъ червей, ужаснымъ запахомъ тлѣнія“ [26]). И подобныя противорѣчія, показатели вѣчнаго исканія, вѣчно были удѣломъ Бѣлинскаго—даже въ періодъ его, казалось бы, спокойной и твердой вѣры. Голосъ Дмитрія Калинина никогда не былъ заглушенъ окончательно въ Бѣлинскомъ, „страсти роковыя“ всегда роднили Бѣлинскаго съ героемъ его трагедіи.

Кстати сказать: „страсти роковыя“, быть можетъ, первыя толкнули Бѣлинскаго въ гущу подлинной жизни, столь далекой отъ теорій и идеаловъ нѣмецкой философіи. Разорвавъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ съ Дмитріемъ Калининымъ, Бѣлинскій все же оставался „романтикомъ“ до конца этого десятилѣтія. Общеизвѣстна та романтическая теорія любви, которой держались тогда Бѣлинскій и его друзья. Любовь это—религіозный экстазъ, заполняющій собою жизнь; женщина это—ангелъ на землѣ, которой надо поклоняться, какъ воплощенію красоты, непосредственнаго чувства, женственности; найдя родную себѣ душу, надо убѣдиться, что она предназначена именно тебѣ, что твое чувство достойно ея. Все это дѣлало любовь романтиковъ тридцатыхъ годовъ мучительнымъ процессомъ анализа, „рефлексіи“, сомнѣнія, колебаній, даже въ томъ случаѣ если „она“ и „онъ“ глубоко любили другъ друга. Такъ было со Станкевичемъ и Лидіей Бакуниной, такъ было съ Боткинымъ, такъ было и съ Бѣлинскимъ; но послѣднему пришлось тяжелѣе всѣхъ: А. А. Бакунина, которую онъ полюбилъ—чувствомъ надуманнымъ и вымученнымъ—не отвѣчала ему взаимностью. Бѣлинскій сомнѣвался, надѣялся, мучился, приходилъ въ отчаяніе, умиралъ и воскресалъ, и, наконецъ, измученный и изстрадавшійся, „падалъ“, снова „возставалъ“,—и снова начиналось повтореніе da capo al fine.

Біографы Бѣлинскаго обходятъ эти „паденія“ молчаніемъ,

говорятъ о нихъ намеками, вскользь. А между тѣмъ именно эти „паденія“ были однимъ изъ первыхъ протестовъ неистовой натуры Бѣлинскаго противъ узкихъ путъ абсолютной философіи; „страсти роковыя“ доказывали, что Бѣлинскій былъ подлинно живымъ человѣкомъ даже въ тѣ годы, когда онъ тщетно стремился сдѣлать изъ себя какое-то „абстрактное совершенство“. Нельзя безъ глубокаго волненія читать тѣ письма Бѣлинскаго, въ которыхъ онъ ярко и откровенно описываетъ сцены своего „паденія“, не бичуя себя за нихъ, а требуя сочувствія и пониманія; передъ нами встаетъ не безплотный и иконописный Бѣлинскій, а Бѣлинскій съ кровью и плотью, не способный удовлетвориться сухимъ и холоднымъ „абстрактнымъ совершенствомъ“, но предпочитающій лучше упасть въ грязь. Къ сожалѣнію, многое изъ этихъ писемъ никогда, вѣроятно, не станетъ достояніемъ печати; но и по приводимымъ нѣсколько ниже отрывкамъ можно видѣть, что по искренности, силѣ и страсти въ русской литературѣ нѣтъ другихъ подобныхъ человѣческихъ документовъ. „Страсти роковыя“ вѣчно жили въ романтикѣ Бѣлинскомъ и изъ „абстрактнаго совершества“ дѣлали его живымъ человѣкомъ.

И самъ Бѣлинскій хотѣлъ, чтобы друзья и знакомые его видѣли его въ истинномъ свѣтѣ—не ходульнаго героизма, а человѣческой сущности. Когда Бакунинъ или Боткинъ преклонялись предъ „великой субстанціей“ души Бѣлинскаго, послѣдній всегда расхолаживалъ ихъ, подчеркивая простыя человѣческія свойства своей натуры и выражая (въ концѣ тридцатыхъ годовъ) свою глубокую ненависть къ былому надуманному и искусственному романтизму. „Ты—писалъ онъ Боткину—становишься на колѣни передъ моими глубокими интересами; я тебѣ скажу ихъ : жажда блаженства въ любви—вотъ всѣ мои глубокіе интересы. Знаю, что есть и другіе, столь же сильные, но въ нихъ для меня видна какая-то ясность, противоположная таинству жизни“... [17]). Это еще изъ эпохи романтизма; года два спустя, въ письмѣ къ М. Бакунину,

Бѣлинскій въ экстазѣ самобичеванія выражается еще ярче и сильнѣе: „меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ; меня не увѣришь, что я страдаю отъ того, что теперь все человѣчество страдаетъ: что общаго между мною и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а сукинъ сынъ. Я понимаю страданія какого-нибудь Штрауса, котораго всякое мгновеніе было жизнью въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкретномъ) и было жизнью дѣятельною: это человѣкъ великій, геніальный; моей ли рожѣ тянуться до него—высоко, не достанешь. Я страдаю отъ гнуснаго воспитанія, оттого, что резонерствовалъ въ то время, когда только чувствуютъ; былъ безбожникомъ и кощуномъ, не бывши еще религіознымъ; толковалъ о любви, когда еще у меня и ....; сочинялъ, не умѣя писать по линейкамъ; мечталъ и фантазировалъ, когда другіе учили вокабулы; не былъ пріученъ къ труду, какъ къ святой, объективной обязанности, къ порядку, какъ единственному условію не безплоднаго труда, а сдѣлавшись самъ себѣ господинъ, не пріучалъ себя ни къ тому, ни къ другому, не развилъ въ себѣ элемента воли. Ко всему этому присоединилась несправедливость судьбы, глубоко оскорбившая во мнѣ самыя священныя права индивидуальнаго человѣка“... [18]).

За этимъ сознаніемъ „несправедливости судьбы“, всегда слѣдовало возстаніе Бѣлинскаго противъ всѣхъ „абсолютныхъ началъ“. Конечно, при этомъ нельзя буквально понимать и принимать все то, что Бѣлинскій говорилъ о себѣ въ порывахъ самоосужденія; но порывы эти въ высшей степени характерны для души вѣчно ищущей, никогда не успокаивающейся. Нельзя, напримѣръ, буквально принять слѣдующій отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину: „обращаясь назадъ, я вижу въ своей жизни одни страданія, апатію, паденіе, возстаніе, грѣхъ, покаяніе и все это вслѣдствіе отвлеченности, идеальности, пошлаго шиллеризма, натянутости, претензій на геніальность, боязни быть простымъ добрымъ ма-

лымъ. Но я хватился за умъ—и теперь за поцѣлуй, за улыбку охотно плюну на философію, на науку, журналъ, мысль и на все. Ощущеній, волнованія, жизни—это главное; а тамъ можно и пофилософствовать—этакъ, какъ выкинется—иногда прозою, а иногда и стишками"... [19]). Уже одна послѣдняя шутливая цитата изъ Гоголя заставляетъ не вполнѣ серьезно отнестись ко всему этому исповѣданію въ его цѣломъ; но сущность его глубоко правдива: Бѣлинскому дѣйствительно было душно въ надуманномъ напускномъ романтизмѣ, и эстетическомъ, и философскомъ, и религіозномъ; онъ безпрестанно искалъ выхода въ сферу „ощущеній, волнованія, жизни". Этотъ выходъ онъ долго не умѣлъ найти теоретически; его „паденія", его „страсти роковыя" были практическимъ отвѣтомъ неистовой натуры, сжатой въ несвойственныхъ ей тискахъ.

Такъ продолжалось до начала сороковыхъ годовъ, до переѣзда Бѣлинскаго изъ Москвы въ Петербургъ. И даже послѣ переѣзда многое въ этомъ, въ первое время, еще болѣе обострилось...

V.

Первые годы жизни въ Петербургѣ были для Бѣлинскаго годами тяжелаго идейнаго кризиса, но кризиса этого жаждалъ самъ Бѣлинскій, лишь бы выйти изъ того романтическаго тупика, въ который завели его исканія абсолютной истины, абсолютнаго совершенства. Еще въ 1837 году Бѣлинскій восклицалъ въ одномъ изъ писемъ къ М. Бакунину: „Какъ прежде просилъ или желалъ я блаженства счастливой любви (увы! не заслуживши его), семейственнаго счастія и пр. и пр., такъ прошу и жажду я теперь страданія. Въ Петербургъ, въ Петербургъ—тамъ мое спасеніе! Мнѣ надо войти въ себя, разлучиться со всѣмъ, что мило и страдать“ [20]). Два года спустя этотъ планъ осуществился: Бѣлинскому пришлось переѣхать въ Петербургъ, перенестись въ самую гущу жизни изъ замкнутаго дружескаго кружка, и перенести тяжелыя духовныя страданія, которыя были въ сущности только процессомъ роста новыхъ исканій, новыхъ вѣрованій и убѣжденій. Но старыя вѣрованія, старыя убѣжденія Бѣлинскому пришлось вырывать изъ своего сердца съ кровью и нервами, и когда онъ началъ вырывать ихъ—имъ овладѣло отчаяніе, то застывавшее въ апатіи, то вспыхивавшее въ „оргіяхъ“, по слову самого Бѣлинскаго. Къ тому-же и внѣшняя сторона его жизни была далеко не налажена: нищета, долги, болѣзнь—продолжали давить и изнурять великаго искателя и великаго мученика жизни.

Сама жизнь заставила Бѣлинскаго покинуть кружокъ московскихъ друзей: „Московскій Наблюдатель“, издававшійся этимъ кружкомъ подъ редакціей Бѣлинскаго въ 1838—1839 г., прекратился, и Бѣлинскій, въ серединѣ 1839 года, опять

остался не у дѣлъ, обремененный долгами, безъ журнала, безъ работы. А между тѣмъ въ Петербургѣ Краевскій уже второй годъ издавалъ „Отечественныя Записки“, не имѣя никого для веденія критическаго и библіографическаго отдѣла. Несмотря на это, онъ не приглашалъ Бѣлинскаго въ свой журналъ и пробовалъ обойтись „своими средствами“, предоставивъ мѣсто перваго критика въ „Отеч. Запискахъ“ бездарному Межевичу, впослѣдствіи сотруднику „Сѣверной Пчелы“. Еще въ 1838 году Краевскій говорилъ Кольцову про Бѣлинскаго, что это „большой негодяй“, „пишетъ чортъ знаетъ что...“ „Онъ мнѣ прислалъ двѣ статьи,—передаетъ слова Краевскаго Кольцовъ,—просилъ помѣстить въ журналъ, и чтобъ участвовать сотрудникомъ. Но его статьи никуда негодны. Человѣкъ началъ писать о томъ, повелъ рѣчь вовсе о постороннемъ, потомъ завлекся, что и не поймешь. Сдѣлалъ мнѣ предложеніе, чтобы въ журналѣ быть въ родѣ панибрата. Я ему пишу, что въ этомъ журналѣ хозяинъ я,—а другого нипочему не надобно, и я, братъ, въ тебѣ не нуждаюсь...“ (Письмо Кольцова къ Бѣлинскому отъ 21 февр. 1838 года). Вскорѣ однако Краевскій увидѣлъ, что дальше дѣло не можетъ такъ идти. На журналѣ его было уже около десяти тысячъ рублей долгу (39.000 р. ассигнаціями); и если что могло поднять „Отеч. Записки“ надъ конкурирующей съ ними „Библіотекой для Чтенія“ Сенковскаго, то это только выдержанный, цѣльный и серьезный критическій отдѣлъ. Умный, ловкій и оборотливый Краевскій понялъ, наконецъ, что все спасеніе и вся надежда его журнала—въ „негодяѣ“ Бѣлинскомъ. Но и для Бѣлинскаго—все спасеніе было въ „Отеч. Запискахъ“, иначе грозила либо жизнь на хлѣбахъ у друзей, либо сотрудничество у Сенковскаго и Булгарина, либо голодная смерть; разумѣется, Бѣлинскій выбралъ бы послѣднее. „Отеч. Записки“ были выходомъ, спасеніемъ; и какъ ни хотѣлось Бѣлинскому остаться въ Москвѣ, какъ ни угнетала его мысль о переѣздѣ въ чуждый Петербургъ, однако избѣжать этого было невозможно. Напеча-

тавъ въ „Отеч. Запискахъ“ нѣсколько небольшихъ рецензій и статей, начиная съ августа 1839 года, Бѣлинскій получилъ отъ Краевскаго предложеніе постояннаго сотрудничества—и сталъ собираться въ Петербургъ. Въ началѣ октября 1839 года Бѣлинскій писалъ Станкевичу: „недѣли черезъ двѣ послѣ отправленія этого письма ѣду въ Питеръ на житье. Зачѣмъ?

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться.

...Знаю, что только теперь наступила пора полнаго развитія (духовныхъ силъ) и что еще долго они будутъ идти возрастая... Чтобы привести въ исполненіе (намѣренія), мнѣ надо оторваться отъ своего родного круга, мнѣ—робкой, запертой въ самой себѣ натурѣ—надо перенестись въ сферу чуждую, враждебную; страшно подумать, а время близко!.. Москва погубила меня, въ ней нечѣмъ жить и нечего дѣлать, а разстаться съ нею—тяжелый опытъ“... И вотъ въ концѣ октября Бѣлинскій уже въ Петербургѣ. Краевскій встрѣтилъ его какъ избавителя: свидѣтель первой ихъ встрѣчи, Изм. Срезневскій (впослѣдствіи извѣстный профессоръ) разсказываетъ, что еще до пріѣзда Бѣлинскаго Краевскій говорилъ, что „вся его надежда на Бѣлинскомъ“. „Бѣлинскій пріѣхалъ изъ Москвы и явился къ Краевскому при Срезневскомъ, — записалъ со словъ послѣдняго впослѣдствіи Добролюбовъ, въ своемъ дневникѣ отъ 7 янв. 1857 г.:—Краевскій побѣжалъ къ нему на встрѣчу, съ восклицаніемъ: наконецъ-то, спаситель! и при немъ опять повторилъ, что только Бѣлинскій можетъ поднять и поддержать его журналъ“... [21]) Началась работа Бѣлинскаго въ журналѣ Краевскаго; не прошло и двухъ-трехъ лѣтъ, какъ „Отеч. Записки“ стали первымъ по распространенности русскимъ журналомъ. Работа эта продолжалась болѣе шести лѣтъ; за это время Краевскій сталъ богатымъ издателемъ, а Бѣлинскій надорвалъ и окончательно погубилъ свое здоровье „каторжнымъ“ трудомъ подневольнаго журналиста...

Начался „петербургскій періодъ“ жизни Бѣлинскаго—и начался окончательнымъ сведеніемъ счетовъ съ былымъ „москводушіемъ“, съ былой „кружковщиной“; для того, чтобы войти въ „дѣйствительность“, нужно было отказаться отъ многихъ былыхъ грезъ и мечтаній. Бѣлинскаго радушно встрѣтили въ Петербургѣ новые друзья—Панаевъ и его знакомые; его „обласкалъ“ кн. В. Одоевскій, радостно встрѣтилъ Краевскій—и все же Петербургъ произвелъ на Бѣлинскаго самое тяжелое впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что Бѣлинскій слишкомъ сжился съ кружкомъ своихъ московскихъ друзей и въ новой обстановкѣ чувствовалъ себя какъ рыба, вынутая изъ воды; кромѣ того житейская „обыденность“ предстала передъ нимъ во образѣ Греча, Булгарина и К^0, предстала съ такой стороны, которую Бѣлинскій уже не въ силахъ былъ отождествить съ „разумной дѣйствительностью“. Цѣлый рядъ писемъ Бѣлинскаго конца 1839-го и начала 1840 года показываетъ намъ, какъ тяжело ему было тогда; и нѣтъ сомнѣнія, что именно эти мелкія петербургскія впечатлѣнія впервые поколебали въ Бѣлинскомъ психологическія основы его вѣры въ разумную цѣлесообразность всего окружающаго. „Питеръ навелъ на меня апатію, уныніе и чортъ знаетъ что,—писалъ Бѣлинскій въ началѣ 1840 года другу своего дѣтства, Д. Иванову:—счастливъ, кто можетъ жить въ Москвѣ и особенно не жить въ Петербургѣ“... Темнымъ петербургскимъ впечатлѣніямъ Бѣлинскій хотѣлъ противопоставить вѣру въ объективную разумность всего, вѣру въ саморазвитіе Абсолютнаго Духа, вѣру въ безсмертіе души—вообще „религію“, которой можно было спасти свое міровоззрѣніе отъ ударовъ окружающей жизни. „Въ Питерѣ только поймешь,—пишетъ Бѣлинскій Боткину 22 ноября 1839 года,—что религія есть основа всего, и что безъ нея человѣкъ—ничто, ибо Питеръ имѣетъ необыкновенное свойство оскорбить въ человѣкѣ все святое и заставить въ немъ выдти наружу все сокровенное. Только въ Питерѣ человѣкъ можетъ узнать себя—человѣкъ онъ, полу-человѣкъ или скотина: если будетъ

страдать въ немъ — человѣкъ, если Питеръ полюбится ему— будетъ или богатъ или дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ"... И въ письмѣ отъ 3 февр. 1840 г. Бѣлинскій снова возвращается къ вопросу о безсмертіи, заявляя, что „объективный міръ страшенъ" (а вѣдь еще недавно онъ былъ для Бѣлинскаго объективно разуменъ и цѣлесообразенъ!), и что „Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству"... Тяжело, видно, приходилось Бѣлинскому. Въ письмѣ отъ 1 марта 1840 г. онъ снова убѣждаетъ себя и Боткина, что „Евангеліе—абсолютная истина, а безсмертіе индивидуальнаго духа есть основной его камень... Да, надо читать чаще Евангеліе—только отъ него и можно ожидать полнаго утѣшенія"; а когда Боткинъ отвѣтилъ, что къ вопросу о личномъ безсмертіи онъ равнодушенъ, то Бѣлинскій снова пишетъ: „погоди, придетъ время, не то запоешь. Увидишь, что этотъ вопросъ—альфа и омега истины и что въ его рѣшеніи— наше искупленіе" (5 сент. 1840 г.). Къ этому времени Бѣлинскій узналъ о смерти Станкевича—и это еще больнѣе ударило по его колеблющейся вѣрѣ въ объективную разумность міра. „...Меня теперь всего поглотила—пишетъ Бѣлинскій Боткину 4 окт. 1840 г.—идея достоинства человѣческой личности и ея горькой участи—ужасное противорѣчіе! М. Бакунинъ пишетъ, что Станкевичъ вѣрилъ личному безсмертію, Штраусъ и Вердеръ вѣрятъ. Но мнѣ отъ этого не легче; все такъ же хочется вѣрить и все такъ же не вѣрится"...

Какъ видимъ, въ душѣ Бѣлинскаго происходитъ какая-то тяжелая борьба. Спасаясь отъ своихъ петербургскихъ настроеній и впечатлѣній, Бѣлинскій пытается схватиться уже не за философскую доктрину русскаго гегельянства объ объективной цѣлесообразности сущаго, а за религіозную вѣру; это значитъ, что философская доктрина перестала или переставала быть для него религіозной вѣрой. „Дѣйствительность" показала свое лицо—и Бѣлинскій въ ужасѣ сталъ въ первый моментъ искать спасенія отъ открывавшейся передъ нимъ истины; истина же

эта состояла въ томъ, что объективная цѣлесообразность сущаго, въ которую вѣрилъ московскій кружокъ друзей Бѣлинскаго, есть миѳъ, что для человѣка міръ является объективно безсмысленнымъ или, по-крайней мѣрѣ, неосмысленнымъ. Вотъ борьба, происходившая въ душѣ Бѣлинскаго; и вскорѣ онъ сумѣлъ отчетливо сознать ее и попытался взглянуть прямо въ лицо суровой истинѣ. Тяжело ему было: „Я не знаю свѣтлыхъ минутъ,—писалъ онъ Боткину 3 февр. 1840 г.;—самое страданіе посѣщаетъ меня въ рѣдкія, очень рѣдкія минуты. Въ душѣ моей сухость, досада, злость, желчь, апатія, бѣшенство и проч., и проч. Вѣра въ жизнь, въ Духа, въ дѣйствительность — отложена на неопредѣленный срокъ, до лучшаго времени, а пока въ ней—безвѣріе и отчаяніе... отчаяніе и ожесточеніе... Петербургъ былъ для меня страшною скалою, о которую больно стукнулось мое прекраснодушіе. Это было необходимо, и лишь бы послѣ стало лучше — я буду благословлять судьбу, загнавшую меня на эти гнусныя финскія болота. Но пока это невыносимо, выше всякой мѣры терпѣнія... Насъ губилъ китаизмъ... Мы весь божій свѣтъ видѣли въ своемъ кружкѣ... (а) китаизмъ хуже прекраснодушія... Вообще, если бы я побывалъ у васъ, вамъ показалось бы, что я нюхнулъ петербургскаго душку и захватилъ его холодку, но вы ошиблись бы: я только поумнѣлъ, хотя отъ этого сталъ не счастливѣе, а несчастнѣе. Самая убивающая истина лучше радостной лжи; я глубоко сознаю, что неспособенъ быть счастливымъ черезъ ложь, какую бы ни было, и лучше хочу, чтобы сердце мое разорвалось въ куски отъ истины, нежели блаженствовало ложью“... Малыя причины рождаютъ, какъ извѣстно, большія слѣдствія; такъ и здѣсь, мелкая пошлость и подлость нѣкоторыхъ петербургскихъ литературныхъ круговъ была для Бѣлинскаго поводомъ пересмотрѣть уже поколебавшуюся въ его душѣ былую вѣру въ „разумную дѣйствительность“. Въ этомъ отношеніи Петербургъ былъ для Бѣлинскаго дѣйствительно скалою, о которую разбилась его московская кружковая

теорія. Въ Москвѣ Бѣлинскій жилъ „на необитаемомъ островѣ“ кружковщины, а „въ Петербургѣ, съ необитаемаго острова я—пишетъ Боткину Бѣлинскій—очутился въ столицѣ, журналъ поставилъ меня лицомъ къ лицу съ обществомъ,—и Богу извѣстно, какъ много перенесъ я! Для тебя еще не совсѣмъ понятна моя вражда къ москводушію, но ты смотришь на одну сторону медали, а я вижу обѣ. Меня убило это зрѣлище общества, въ которомъ властвуютъ и играютъ роли подлецы и дюжинныя посредственности, а все благородное и даровитое лежитъ въ позорномъ бездѣйствіи на необитаемомъ островѣ“ (13 іюня 1840 г.). И какъ ни тяжело было Бѣлинскому, но все же мало-по-малу онъ примирялся съ Петербургомъ именно за то, что жизнь въ этомъ городѣ открыла ему, Бѣлинскому, глаза на жизнь вообще. Въ этомъ же письмѣ къ Боткину онъ заявляетъ: „къ Питеру притерпѣлся. Спасибо ему. Я уже не знаю себя и вижу ясно, что надо въ себѣ бить: это его дѣло“... А три мѣсяца спустя (5 сент. 1840 г.) Бѣлинскій снова восклицаетъ: „какъ немного времени и какъ много я измѣнился! А все Питеръ—спасибо ему! Безъ него я и теперь былъ бы восторженнымъ дуракомъ“... Наконецъ, три года спустя, въ письмѣ отъ 1 окт. 1843 г. къ своей будущей женѣ, М. В. Орловой, Бѣлинскій уже противопоставляетъ „петербургскихъ жителей“— „москвичамъ, татарамъ и калмыкамъ“ и замѣчаетъ: „я слово человѣкъ употребляю какъ антитезъ москвичу“... Еще нѣсколько позже Бѣлинскій въ особой статьѣ развилъ свои мысли о Петербургѣ и Москвѣ; въ статьѣ этой мы найдемъ много отзвуковъ изъ приведенныхъ выше писемъ.

Вѣроятно читателю ясно, что „Петербургъ“ и „Москва“ являлись во все это время для Бѣлинскаго символами опредѣленныхъ душевныхъ переживаній, опредѣленныхъ философскихъ построеній. „Москва“—это романтизмъ, прекраснодушіе, блаженная вѣра въ Премудрую Благость, въ философію благодушнаго Сурскаго (вспомните юношескую пьесу Бѣлин-

скаго); „Петербургъ“—это суровая дѣйствительность, невѣріе въ объективную осмысленность міра, нахожденіе всюду „хвоста дьявола“, философія Дмитрія Калинина. Въ 1840—1841 г.г. снова столкнулись въ душѣ Бѣлинскаго эти два міропониманія—и ему уже не удалось отдѣлаться отъ мучительныхъ вопросовъ Калинина утѣшительною философіею Сурскаго; а вѣдь мѣсто Сурскаго занималъ теперь въ душѣ Бѣлинскаго не кто иной какъ „великій діалектикъ“ Гегель! Самопознаніе Абсолютнаго Духа; развитіе Общаго; Премудрая Благость, царящая надъ міромъ; разумная дѣйствительность сущаго; объективная осмысленность жизни:—все это не могло въ душѣ Бѣлинскаго выдержать тяжести одного маленькаго вопроса, — вопроса о мукахъ и страданіяхъ реальной человѣческой личности. Зачѣмъ, за что страдаетъ человѣкъ? и не человѣкъ „вообще“, а именно „вотъ этотъ“, опредѣленный, реальный человѣкъ, чувствующая боль и муку индивидуальность? Гдѣ оправданіе этихъ страданій? Въ чемъ ихъ объективный смыслъ? Неужели же въ „развитіи“ Общаго? Но не слишкомъ ли дорого окупается тогда это развитіе? Не дорого ли платитъ человѣчество за входъ въ міровую гармонію? Эти и подобные имъ вопросы снова проснулись въ душѣ Бѣлинскаго; а вѣдь, казалось, какъ твердо были они придавлены идеалистической нѣмецкой философіей! Съ тѣхъ поръ какъ Бѣлинскій, въ концѣ 1834 года, „увѣровалъ“ въ шеллингіанство, а затѣмъ перешелъ черезъ Фихте къ Гегелю—съ этихъ поръ Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сталъ вѣрнымъ рыцаремъ Премудрой Благости, „разумной необходимости“. И вдругъ—старые вопросы и сомнѣнія снова оживаютъ, снова возвышаютъ голосъ, требуютъ отвѣта у Премудрой Благости за каждую страдающую человѣческую личность! Это былъ явный „бунтъ“—и Бѣлинскій сперва испугался. Мы видѣли, какъ онъ пробовалъ найти спасеніе въ неразсуждающей вѣрѣ въ „безсмертіе индивидуальнаго духа“: это было отвѣтомъ на вопросъ о смыслѣ мукъ страдающей личности. Мы пом-

нимъ, что уже Сурскій этимъ же утѣшалъ Дмитрія Калинина, но вспомнимъ также и негодующій отвѣтъ Дмитрія: „неужели вѣчное блаженство непремѣнно покупается цѣною ужаснѣйшихъ страданій? Дорого же оно приходитъ“! И теперь, въ 1840 году, Бѣлинскій уже всецѣло присоединился къ дерзкому негодованію своего бывшаго героя. Правда, онъ попытался бороться съ нимъ; онъ попытался отстоять „разумную дѣйствительность“ сущаго въ области не только личной, но и общественной жизни. Въ „Отеч. Запискахъ“ конца 1839-го и начала 1840 года онъ помѣстилъ рядъ блестящихъ статей, защищающихъ „разумную дѣйствительность“ даже русской дѣйствительности того времени; яростная защита Бѣлинскимъ „разумной дѣйствительности“ въ области соціальной и общественной была только отчаянной попыткой отстоять вообще объективную осмысленность міра. Но ни то, ни другое не удалось Бѣлинскому, ему не удалось заглушить того скептическаго голоса, который заговорилъ въ немъ о мученіяхъ реальной человѣческой личности. И Бѣлинскій вскорѣ пересталъ бороться; болѣе того—отъ посмѣлъ взглянуть прямо въ лицо представшей предъ нимъ суровой истинѣ; и еще болѣе того—онъ сдѣлался пылкимъ ея провозвѣстникомъ.

Все это мы найдемъ почти исключительно в ъ п и с ь м а х ъ, а не въ статьяхъ Бѣлинскаго 1840-го и ближайшихъ слѣдующихъ годовъ. Правда, и въ статьяхъ мы находимъ яркую проповѣдь п р а в ъ л и ч н о с т и, но мы не найдемъ въ нихъ характернаго теперь для Бѣлинскаго невѣрія въ объективный смыслъ жизни, отрицанія разумной цѣлесообразности міра. Этого мало: въ статьяхъ своихъ Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь тѣхъ „святыхъ истинъ“, въ которыя онъ больше не вѣритъ! Этотъ удивительный фактъ, на который до сихъ поръ такъ мало обращали вниманія, настоятельно требуетъ объясненія. А фактъ неопровержимъ: мы сейчасъ увидимъ, к а к ъ отзывался Бѣлинскій о жизни и о мірѣ въ своихъ письмахъ 1840—1841 г.г., и пусть читатели сравнятъ съ этимъ про-

повѣдь Бѣлинскаго изъ его статей той же эпохи! Всѣ письма Бѣлинскаго за это время—сплошной вопль отчаянія человѣка, теряющаго вѣру, вѣру въ міръ и жизнь; а въ статьяхъ своихъ онъ продолжаетъ восхваленіе „разумной дѣйствительности“, принятіе жизни, оправданіе міра. Умираетъ послѣ долгихъ страданій черкешенка Бэла („Герой нашего времени“), — и Бѣлинскій въ своей статьѣ признаетъ эти страданія „разумными“ и объективно осмысленными: „диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ!“. И полугодомъ позже Бѣлинскій снова повторяетъ въ статьѣ, что „въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ“. Убитъ удалой боецъ Кирибѣевичъ, погибъ „смертью лютою, позорною“ купецъ Калашниковъ, а Бѣлинскій возглашаетъ осанну этимъ человѣческимъ страданіямъ: пусть погибли люди, но зато остался подвигъ, осталась великая могила, вдохновившая поэта... „И потому, да перемѣнится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ“... Все это въ статьяхъ; а въ письмахъ...—мы сейчасъ увидимъ, что́ въ это же время говорилъ въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій о „диссонансахъ“ жизни, о страданіяхъ человѣческихъ, о частномъ и объ общемъ...*)

Въ письмахъ Бѣлинскаго—особенно со времени его переѣзда въ Петербургъ—все больше и больше проявляется полная потеря Бѣлинскимъ вѣры въ былую объективную осмысленность жизни. „Жизнь ловушка, а мы — мыши; инымъ удается сорвать приманку и выдти изъ западни, но большая часть гибнетъ въ ней, а приманку развѣ понюхаетъ... Глупая комедія, чортъ возьми! Будемъ-же пить и веселиться, если можемъ; нынѣшній день нашъ—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва. Живетъ одно общее, а мы—китайскія

*) Всѣ нижеслѣдующія неоговоренныя цитаты—изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину.

тѣни, волны океана; океанъ одинъ, а волнъ много было, много есть и много будетъ, и кому дѣло до той и другой?“ (9 февр. 1840 г.). Здѣсь еще нѣтъ разрыва съ абсолютной нѣмецкой философіей; здѣсь просто—горькое признаніе факта, съ которымъ нѣтъ возможности бороться. И въ отвѣтъ на самоутѣшеніе, на попытки вѣры въ трансцендентное будущее, Бѣлинскій самъ же съ горечью отвѣчаетъ: „въ жизни — ни...; помучусь, поколочусь, какъ собака, а тамъ издохну, т. е., погружусь въ міровую субстанцію, и въ ней заживу на славу. Лестная перспектива впереди!“ (16 апр. 1840 г.). Однако, несмотря на все свое наростающее безвѣріе и отчаяніе, Бѣлинскій все же чувствовалъ, что переживаемый имъ душевный процессъ приводитъ его къ чему-то новому, что это процессъ не омертвенія, а перерожденія: „въ душѣ холодъ, апатія, лѣнь непобѣдимая. И не люблю, и не страдаю. Однако жъ внутри что-то дѣется само собою“... (ibid.). Тяжелъ и мучителенъ былъ однако этотъ процессъ.

А тутъ еще пришло извѣстіе о смерти Станкевича—и было послѣдней каплей, переполнившей чашу. Куда дѣвалась провозглашаемая имъ въ статьяхъ вѣра въ значеніе „великой могилы“, вѣра въ значеніе вѣчной памяти о героѣ, вѣра въ разумно-осмысленную трагедію человѣческой жизни! Бѣлинскій больше не хочетъ вѣрить въ эти утѣшенія—довольно съ него! Онъ поднимаетъ теперь знамя возстанія противъ былой своей „преутѣшительной философіи“, противъ абсолютныхъ философскихъ системъ, противъ Общаго; въ замѣчательномъ письмѣ отъ 12 августа 1840 года Бѣлинскій горько высмѣиваетъ былую вѣру въ грядущее блаженство на лонѣ міровой субстанціи. Счастливы были вѣровавшіе: они „плакали и взывали“, но они-же и надѣялись,—„а теперь молча и гордо, твердымъ шагомъ идутъ въ ненасытимое жерло смерти, и съ улыбкой отрываютъ отъ сердца лучшія его стремленія и чистѣйшія привязанности. Трагическое положеніе—воскликнешь ты съ улыбкой торжества. Дитя, полно тебѣ играть въ

понятія, какъ въ куклы! Твое трагическое — безсмыслица, злая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ человѣчествомъ...“ И далѣе Бѣлинскій съ горькой ироніей говоритъ о томъ, что для осуществленія „трагическаго“ избирается самою жизнью „герой, благороднѣйшій сосудъ духа, какъ самый жирный баранъ для закланія“; для осуществленія „нравственнаго закона“ герою этому приходится либо принести свое сердце въ жертву „долгу“, а значитъ страдать, либо быть побѣжденному своей страстью,—т.-е. опять-таки страдать подъ гнетомъ „нравственнаго закона“ *). „Стоитъ ли жить въ томъ и другомъ случаѣ! Я, Боткинъ, я не герой, но люблю героевъ и въ иныя минуты мнѣ кажется, что я пожертвовалъ-бы тысячью жизнями въ ознаменованіе моей безконечной любви и безконечнаго умиленія къ благородной жертвѣ долга, всегда предпочту ея безмолвное страданіе беззаконному, хотя и божественному, блаженству; но законъ-то, осуждающій на страданіе повинующагося ему, также какъ и не повинующагося, законъ-то этотъ, о, Боткинъ! я и ненавижу... и презираю... Общее—это палачъ человѣческой индивидуальности. Оно опутало ее страшными узами: проклиная его, служишь ему невольно“... Впослѣдствіи Бѣлинскій измѣнилъ свой взглядъ на „трагическое“, признавъ его субъективную осмысленность, но теперь онъ ясно видѣлъ всю объективную безсмысленность всякой „трагедіи“ человѣческаго духа. „Я не понимаю,—продолжаетъ онъ въ томъ же письмѣ,—къ чему все это и зачѣмъ: вѣдь всѣ умремъ и сгніемъ — для чего жъ любить, вѣрить, надѣяться, страдать, стремиться, страшиться? Умираютъ люди, умираютъ народы, умретъ и планета наша, Шекспиръ и Гегель будутъ ничто. Извѣстіе о смерти Станкевича только утвердило меня въ этомъ состояніи. Смерть Станкевича показалась мнѣ тѣмъ болѣе естественна и необходима, чѣмъ святѣе, выше, геніальнѣе его личность:

*) Наглядный примѣръ перваго—Коріоланъ, второго—Макбетъ.

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

Все вздоръ — калейдоскопическая игра китайскихъ тѣней. О чемъ же жалѣть!..“

Замѣтьте: смерть Станкевича Бѣлинскій готовъ оправдать „разумной дѣйствительностью“, ибо смерть эта „естественна и необходима“—но необходима только въ нашемъ мірѣ объективной безсмысленности; а потому сама „разумная дѣйствительность“, которою можно все оправдать,—сама она не имѣетъ оправданія. И когда Боткинъ въ отвѣтъ на это письмо, попробовалъ отстоять „разумную дѣйствительность“, то Бѣлинскій грустно отвѣтилъ: „другъ, это все слова и фразы, это тотъ дымъ, которымъ испарилась наша молодость. Ты переживаешь себя, заживо умираешь, а все по старой привычкѣ кричишь о разумности жизни“... И снова возвращаясь къ смерти Станкевича, Бѣлинскій восклицаетъ: „нѣтъ, я такъ не отстану отъ этого Молоха, котораго философія назвала Общимъ, я буду спрашивать у Него: куда дѣлъ ты его и что съ нимъ стало? Ты говоришь—страшна потеря любимаго человѣка! А почему страшна она? потому что она—потеря, потому что уже нѣтъ и не будетъ больше потеряннаго. А должно ли въ жизни быть что-нибудь страшное?“ Заканчивается это письмо новымъ выпадомъ противъ разумной дѣйствительности: „бѣдный Кольцовъ, какъ глубоко страдаетъ онъ. Его письмо потрясло мою душу. Все благородное страждетъ—одни скоты блаженствуютъ, но и тѣ и другіе равно умрутъ: таковъ вѣчный законъ Разума. Ай да Разумъ!“ (5 сент. 1840 г.).

VI.

Такое настроеніе, такое міровоззрѣніе абсолютнаго нигилизма глубоко захватило Бѣлинскаго; всѣ его письма 1840—41 гг. говорятъ все объ одномъ, объ одномъ и томъ же. „Мое теперешнее состояніе — пишетъ Бѣлинскій Ефремову 23 авг. 1840 г.—можно характеризовать такъ: вѣры нѣтъ, знанія и не бывало, а сомнѣнія превратились въ убѣжденія"... Вѣра въ „разумную дѣйствительность" исчезла—Бѣлинскій увидѣлъ, что нѣтъ объективной осмысленности въ жизни; а вмѣстѣ съ этимъ рухнула и вѣра его въ разумность „россійской дѣйствительности": такъ тѣсно была связана у Бѣлинскаго перемѣна его общественныхъ и философскихъ взглядовъ. Интересно въ этомъ отношеніи письмо Бѣлинскаго къ К. Аксакову отъ 23 авг. 1840 г.: „мнѣ все кажется,—пишетъ Бѣлинскій,— что жизнь слишкомъ ничтожна для того, чтобы стоило труда жить; а между тѣмъ и живешь, и страдаешь, и любишь, и стремишься, и желаешь. Станкевичъ умеръ—и что послѣ него осталось? трупъ съ червяками. Однимъ словомъ, такъ или иначе, только результатъ одинъ и тотъ же:

И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка.

Да и какая намъ жизнь-то еще? Въ чемъ она, гдѣ она? Мы люди внѣ общества, потому что Россія не есть общество! У насъ нѣтъ ни политической, ни религіозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатія, томленіе въ безплодныхъ порывахъ — вотъ наша жизнь... Гадко, гнусно, ужасно! Нѣтъ больше силъ, нѣтъ терпѣнія"... Не будемъ оста-

навливаться на праздномъ вопросѣ, что было причиной и что слѣдствіемъ въ мучительномъ отрицаніи Бѣлинскаго—философія или общественность; мы знаемъ, что поводомъ, послѣднимъ толчкомъ были во всякомъ случаѣ петербургскія впечатлѣнія Бѣлинскаго. Мы полагаемъ, однако, что поводъ этотъ оказался бы совершенно недостаточнымъ, если бы въ душѣ Бѣлинскаго не начинался уже мучительный процессъ сомнѣнія и отрицанія былого „пріятія жизни". Какъ бы то ни было, но къ концу 1840 года въ душѣ Бѣлинскаго погасла уже всякая вѣра въ разумность „дѣйствительности" и въ соціальномъ и въ философскомъ смыслѣ. Въ письмѣ къ Боткину отъ 26 дек. 1840 г. мы читаемъ: „жизнь страшно надула меня, безсовѣстно и предательски: назади—фантазіи, въ настоящемъ—медленная смерть, впереди—гніеніе и смрадъ. Гадко! Зачѣмъ не умеръ я хоть за полгода передъ этимъ, когда еще могъ мечтать—и о чемъ же?—о дѣйствительности!" Но теперь уже никакихъ мечтаній, никакихъ иллюзій въ его душѣ не осталось, теперь онъ готовъ былъ вернуться къ горькому пессимизму своего былого героя, Дмитрія Калинина, который десятью годами ранѣе провозгласилъ, что міръ отданъ Богомъ на откупъ дьяволу. „Я изъ числа людей—пишетъ Бѣлинскій Боткину 1 марта 1841 г., — которые на всѣхъ вещахъ видятъ хвостъ дьявола — и это, кажется, мое послѣднее міросозерцаніе, съ которымъ я и умру"... Въ послѣднемъ Бѣлинскій ошибался — ему суждено было пережить еще одну полосу новой вѣры; но пока онъ дѣйствительно видѣлъ въ жизни только одну черную сторону, видѣлъ на всемъ „хвостъ дьявола" и боялся только одного — быть обмороченнымъ жизнью (по позднѣйшему выраженію Ренана). Въ письмѣ къ Боткину отъ 13 марта 1841 г., говоря о былыхъ кружковыхъ терминахъ и теоріяхъ добровольнаго отреченія отъ жизни и смиренія передъ жизнью, Бѣлинскій заявляетъ: „у меня теперь нѣтъ ни Entsagung, ни Resignation,—и я не хочу ни того, ни другого, не видя въ нихъ нужды. То и другое есть отрицаніе

себя для Общаго, а я ненавижу общее, какъ надувателя и палача бѣдной человѣческой личности. Но я думаю, что человѣку надо быть себѣ на умѣ на счетъ жизни, и больше всего опасаться придавать ей важность... Одинаковая причина иногда рождаетъ различныя слѣдствія: ежели, съ одной стороны, минуты нашего бѣднаго существованія такъ кратки и подвержены надувательству, что намъ надо быть осторожными въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ, то, съ другой стороны, жизнь наша такъ коротка и дрянна, что если мы будемъ гадать — четъ или нечетъ, то она пронесется мимо носу, а мы останемся съ четомъ или нечетомъ"...

Весь этотъ мучительный и сложный процессъ невѣрія въ жизнь вмѣстѣ со страстной любовью къ жизни, процессъ разрыва съ былой вѣрой, былыми убѣжденіями—часто приводилъ Бѣлинскаго къ тѣмъ „оргіямъ", о которыхъ пришлось уже упомянуть выше.

Въ этихъ „оргіяхъ" Бѣлинскій искалъ не выхода, а только минутнаго забвенія: отчаяніе было слишкомъ тяжело. Кружковщина, „китаизмъ", романтическое прекраснодушіе, пошлость окружающей жизни, отсутствіе женской любви, одиночество— вотъ что видѣлъ Бѣлинскій въ своей жизни, потерявъ свою былую успокоительную вѣру въ Премудрую Благость. Въ результатѣ — „это свыше силъ; глубоко оскорбленная натура ожесточается, внутри что-то реветъ звѣремъ и хочетъ оргій, оргій и оргій, самыхъ безчинныхъ, самыхъ гнусныхъ: вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва" [22]). И съ напускнымъ беззаботнымъ цинизмомъ Бѣлинскій уже черезъ два года снова повторяетъ въ письмахъ къ тому же Боткину эти мысли о трагическомъ распутствѣ: „трагическое распутство! Звучите бокалы и стаканы, раздавайтесь нестройные клики пьяной радости, буйнаго веселья—вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва! Эй, ты, милая—...да ну, безъ нѣжностей..... вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва" [23]). И полгода спустя, снова разсказывая съ напускнымъ циниз-

момъ о своихъ частыхъ „приключеніяхъ то на Невскомъ, то на улицѣ, то на канавѣ, то чортъ знаетъ гдѣ“, Бѣлинскій прибавляетъ: „я объ этомъ никому не говорю, и не люблю, чтобы меня объ этомъ разспрашивали. Это развратъ отчаянія. Его источникъ: вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва“ [24]).

Только безкровный, засушенный моралистъ можетъ съ легкимъ сердцемъ осудить Бѣлинскаго за эту одну сплошную „оргію отчаянія“. И самъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину, цитированныхъ выше, бравурно и съ дѣланной беззаботностью разсказывая своему другу о своихъ приключеніяхъ и похожденіяхъ, совершенно невозможныхъ для печати, заканчиваетъ свой разсказъ горестнымъ воплемъ: „Боткинъ, Боткинъ! не сердись и не презирай, но пойми“... А когда другой его другъ, М. Бакунинъ, „не понялъ“ и осудилъ такое паденіе Бѣлинскаго въ грязь „пошлой дѣйствительности“, то Бѣлинскій отвѣтилъ ему сильнымъ и яркимъ письмомъ, рѣзко отрицая въ немъ свое „примиреніе“ со всякой дѣйствительностью. „Съ чего ты взялъ, что моя дѣйствительность—пошлая, повседневная, грязная, и до того несчастная, что надъ нею даже мальчишки подсмѣиваются? [25])! Правда, моя дѣйствительность—не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была такая, какою ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живою, горячею кровью, свидѣтельствуютъ, что ты—лжесвидѣтельствуешь на ближняго... Ты говоришь, что въ оргіяхъ я ищу выхода. Тутъ двѣ неправды: въ оргіяхъ я ищу не выхода, а минутнаго самозабвенія, ищу отрѣшенія не отъ страданія, а отъ отчаянія, отъ сухой, мертвящей апатіи. Потомъ—я не способенъ возвыситься даже до оргіи—судьба и въ этомъ отказала мнѣ“ [26]).

Такъ мучительно проявлялся въ жизни великаго искателя кризисъ былой вѣры; но даже тогда, когда Бѣлинскій говорилъ о своей апатіи, въ душѣ его попрежнему горѣлъ огонь исканій, не находящій себѣ исхода, попрежнему онъ „горе-

стно и трудно“ любилъ, попрежнему неистово ненавидѣлъ. Но теперь онъ начиналъ любить то, что ненавидѣлъ раньше и ненавидѣть то, что раньше любилъ. И прежде всего ненависть эта проявлялась къ „расейской дѣйствительности“, къ общественному и соціальному порядку, который еще не такъ давно восхвалялся Бѣлинскимъ. Въ интереснѣйшемъ письмѣ къ Кетчеру, Бѣлинскій обрушивается на эту „расейскую дѣйствительность“ всею тяжестью ѣдкихъ сарказмовъ. „Литература наша—иронизируетъ Бѣлинскій—процвѣтаетъ, ибо явно уклоняется отъ гибельнаго вліянія лукаваго Запада, дѣлается до того православною, что пахнетъ мощами и отзывается пономарскимъ звономъ, до того самодержавною, что состоитъ изъ однихъ доносовъ, до того народною, что не выражается иначе, какъ по-матерну. Уваровъ торжествуетъ и, говорятъ, пишетъ проектъ, чтобы всю литературу и всѣ кабаки отдать на откупъ Погодину. Носятся слухи, что Погодинъ (вмѣстѣ съ Бурачкомъ, Ѳ. Н. Глинкою, Шевыревымъ и Загоскинымъ) будетъ произведенъ во святители россійскихъ странъ... Однимъ словомъ, будущность блеститъ всѣми семью цвѣтами радуги...“ Продолжая въ такомъ же духѣ горько шутить надъ „расейской дѣйствительностью“, Бѣлинскій заканчиваетъ: „вообще, душа моя, Тряпичкинъ, много жизни—не изжить; возблагодаримъ же Создателя и подадимъ другъ на друга доносы. Аллилуйя!“ 27).

Въ письмѣ этомъ—все что угодно, кромѣ апатіи: съ ней несовмѣстима эта жгучая ненависть. Но дѣло не въ этомъ, а въ рѣзкомъ контрастѣ съ былымъ, умиротвореннымъ взглядомъ на окружающую дѣйствительность, такъ еще недавно восхвалявшуюся Бѣлинскимъ. Теперь, въ этотъ періодъ кризиса,— не то: теперь Бѣлинскій ненавидитъ „глупцовъ“, составляющихъ опору „дѣйствительности“, и ненависть эта принимаетъ тѣ „неистовыя“ формы, которыя такъ дороги въ Виссаріонѣ Бѣлинскомъ: въ иныя минуты,—пишетъ онъ, напримѣръ, однажды про представителей „расейскаго общества“,—хотѣ-

лось бы потонуть въ ихъ крови, наслать на нихъ чуму и тѣшиться ихъ муками. Ей Богу, это не фраза, бываютъ такія минуты“ [28]). А такъ какъ старыя, отживающія формы „дѣйствительности“ находятъ себѣ защитниковъ чаще всего въ отживающемъ поколѣніи, то именно на него обрушивается вдругъ поистинѣ неистовый въ вспышкѣ своего чувства Бѣлинскій: „когда читаю въ газетахъ, что такой-то дѣйствительный статскій совѣтникъ въ преклонныхъ лѣтахъ отъиде ко праотцамъ—мнѣ становится отрадно и весело. Всѣхъ стариковъ перевѣшать!“ [29]).

Какъ видимъ, это уже безконечно далеко отъ былого преклоненія передъ „Премудрой Благостью“, а потому кризисъ, происходящій въ Бѣлинскомъ, имѣетъ далеко не одинъ общественный смыслъ: это, повторяю, прежде всего кризисъ философской и религіозной мысли, неудовлетворенной прежней умиротворяющей вѣрой въ высшую абсолютную разумность и справедливость. Голосъ Дмитрія Калинина, воскресшаго и возмужавшаго, все сильнѣе и сильнѣе звучитъ въ письмахъ Бѣлинскаго 1840—1842 гг.; съ ненавистью разрушаетъ теперь Бѣлинскій, гдѣ только можетъ, „блаженное счастье непосредственности“—слѣпую, некритическую, успокоительную вѣру. Прежде Бѣлинскій считалъ святотатствомъ усомниться въ „Премудрой Благости“ Абсолютнаго Духа, правящаго міромъ и жизнью; теперь онъ съ жаромъ проповѣдуетъ противоположное. „Я ругалъ тебя—пишетъ онъ Боткину—за Кульчицкаго, что ты оставилъ его въ теплой вѣрѣ въ (Зевса-Громовержца), который......... свою силу считаетъ правомъ, а свои громы и молніи—разумными доказательствами. Мнѣ было отрадно, въ глазахъ Кульчицкаго, плевать ему въ его гнусную бороду“ [30])... Прежде Бѣлинскій, узнавъ о смерти Лидіи Бакуниной, старался убѣдить себя въ разумности этого факта, восторженно взывая: „я вѣрую и вѣрю!... Живъ Богъ, жива душа моя!“ Двумя годами позднѣе, при извѣстіи о смерти Станкевича, Бѣлинскій написалъ замѣчательное письмо къ Боткину (отъ

12 авг. 1840 г.), въ которомъ выражалъ уже свою ненависть къ „закону“ Абсолютнаго Духа, присуждающему къ казни и покорнаго и непокорнаго, и праваго и виноватаго. Прошло еще полтора-два года, умерла молодая женщина, жена Краевскаго—и съ удесятеренной ненавистью отзывается Бѣлинскій о слѣпой судьбѣ: „великъ Брама—ему слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Онъ порождаетъ, онъ и пожираетъ, все изъ него и все въ него—бездна, изъ которой все и въ которую все! Леденѣетъ отъ ужаса бѣдный человѣкъ при видѣ его! Слава ему, слава: онъ и бьетъ-то насъ, не думая о насъ, а такъ—надо жъ ему что-нибудь дѣлать. Наши мольбы, нашу благодарность и наши вопли—онъ слушаетъ ихъ съ цыгаркою во рту, и только поплевываетъ на насъ, въ знакъ своего вниманія къ намъ“ [31]). Вслушайтесь и сравните: не то ли же самое говорилъ когда-то Дмитрій Калининъ о Богѣ-тиранѣ и рабовладѣльцѣ?

Мысль Бѣлинскаго завершила свой кругъ: въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ безъ колебаній и оговорокъ высказалъ то, что десятью годами ранѣе заставлялъ говорить героя своей юношеской драмы. Но на этомъ пути дальше двигаться некуда: отказавшись отъ былой вѣры въ Премудрую Благость, надо строить свою жизнь на иныхъ основаніяхъ, надо идти иными путями. Безсознательные поиски, инстинктивныя порыванія и исканія безпрерывно свершались въ душѣ Бѣлинскаго въ эти тяжелые годы его духовнаго кризиса; мало-помалу создавался и обозначался тотъ новый путь, по которому теперь можно было идти.

Но—пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ. Въ мукахъ исканія, въ мукахъ отчаянія задыхался Бѣлинскій въ своемъ, казалось бы, безнадежномъ нигилизмѣ, прорывался въ письмахъ, таилъ черную правду отъ читателей. Въ двухъ письмахъ 1841 года къ Николаю Бакунину какъ бы подводится итогъ всѣмъ переживаніямъ Бѣлинскаго этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, двухъ первыхъ лѣтъ жизни въ Петер-

бургѣ. „Я—пишетъ Бѣлинскій—уже не та экстатическая „прекрасная душа“, которая, обливаясь кровавыми слезами, избичеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ. Опытъ сорвалъ покровъ съ жизни—и я увидѣлъ румяна на очаровательныхъ щекахъ этого призрака, увидѣлъ, что объ руку съ нимъ идетъ смерть и тлѣніе,—противорѣчіе. Она хороша для тѣхъ, для кого хороша, и только на то время, когда хороша. Для меня она никогда не была добра, и я безкорыстно курилъ ей ѳиміамъ, какъ Донъ-Кихотъ своей Дульцинеѣ. Теперь полно быть дюпомъ...“ [32]). Во второмъ письмѣ Бѣлинскій между прочимъ говоритъ, что для него ужасна мысль—„остаться у жизни въ дуракахъ, быть ея дюпомъ“, но что несмотря на это, онъ еще пробуетъ вѣрить въ жизнь, оправдать ее. „Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній;... но сознаніе мое покоряетъ сердце...; для моего же сознанія жизнь равна смерти, смерть—жизни, счастіе—несчастію и несчастіе—счастію, потому что все это призраки, создаваемые субъективною настроенностію нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы—исчезающія волны рѣки, тѣни преходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ и не способенъ измѣнить имъ; я смѣшнѣе Донъ-Кихота: тотъ, по крайней мѣрѣ, отъ души вѣрилъ, что онъ рыцарь, что онъ сражается съ великанами, а не мельницами, и что его безобразная и толстая Дульцинея—красавица; а я знаю, что я не рыцарь, а сумасшедшій—и все-таки рыцарствую; что я сражаюсь съ мельницами—и все-таки сражаюсь; что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна—а все-таки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности“... [33]).

Въ послѣднихъ словахъ—ключъ къ разгадкѣ противорѣчія между письмами и статьями Бѣлинскаго 1840—41 гг. Причины этого противорѣчія лежали глубоко въ душѣ Бѣлинскаго,

но онъ ихъ не высказывалъ, таилъ ихъ про себя. Первая сокровенная причина заключалась въ опредѣленномъ пониманіи Бѣлинскимъ своего нравственнаго долга какъ журналиста, своего писательскаго призванія: это призваніе, этотъ долгъ—„будить высокое“ въ сердцахъ читателей, учить добру, открывать глаза на истину. Но какъ быть, если для писателя „высокое“ пало въ грязь, „добро“ стало зломъ, а „истина“ явилась въ образѣ скелета съ оскаленными зубами? А вѣдь такъ это было для Бѣлинскаго 1840—41 гг. Неужели проповѣдывать эти новыя, страшныя истины? Бѣлинскій предпочелъ бы совсѣмъ бросить писать, если-бы онъ даже и могъ провозглашать эти тяжелыя истины на страницахъ журнала. И дѣло тутъ вовсе не въ цензурныхъ затрудненіяхъ: могъ же Пушкинъ напечатать своего „Фауста“, „Даръ напрасный“ и другія подобныя стихотворенія, а Лермонтовъ—цѣлый рядъ еще болѣе опредѣленныхъ въ этомъ направленіи; нѣтъ, Бѣлинскій *нравственно* не считалъ себя въ правѣ, если бы даже и могъ фактически, печатать въ статьяхъ то, что онъ писалъ для одного себя, что онъ повѣрялъ только ближайшимъ друзьямъ. Противорѣчіе между своими подлинными чувствами и проповѣдью статей Бѣлинскій самъ сознавалъ и не скрывалъ его. Въ письмѣ къ Боткину отъ 9 февр. 1840 г., говоря о своемъ отчаяніи, о потерѣ вѣры въ жизнь, о пустотѣ своей души, Бѣлинскій прибавляетъ: „а дня черезъ два надо приниматься за статью о дѣтскихъ книжкахъ, гдѣ я буду говорить о любви, о благодати, о блаженствѣ жизни, какъ полнотѣ ея ощущенія,—словомъ, обо всемъ, чего и тѣни, и призрака нѣтъ теперь въ пустой душѣ моей“... Но почему же надо говорить о томъ, чего нѣтъ въ душѣ, чему не вѣришь?—Потому, что писатель долженъ „будить высокое“, а не соблазнять „малыхъ сихъ“ отрицаніемъ разумности міра и жизни; и если онъ самъ для себя дошелъ до такого взгляда, если онъ даже пишетъ объ этомъ своимъ ближайшимъ друзьямъ, то все же онъ *не долженъ*, онъ *не смѣетъ* обращаться съ проповѣдью этихъ взглядовъ къ жажду-

щимъ „поученія“ людямъ. Вѣдь писатель—„учитель“, онъ долженъ „будить высокое“ въ душахъ читателей; если даже—думаетъ онъ—горькія строки срываются съ моего пера, то—

. . . . . этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...

Писатель не хочетъ,—

Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ...
О, нѣтъ!—преступною мечтою
Не ослѣпляя жизнь мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

Такъ говорилъ Лермонтовъ—такъ думалъ Бѣлинскій. И вотъ почему, горько издѣваясь въ письмахъ надъ всѣмъ „идеальнымъ“ и „высокимъ“, Бѣлинскій въ то же самое время считаетъ за „великое счастіе“—своими статьями „пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ“; вотъ почему, яростно возставая въ своихъ письмахъ противъ „Общаго“, отрицая объективную осмысленность жизни изъ-за ея „диссонансовъ“—въ статьяхъ того же времени Бѣлинскій продолжаетъ проповѣдь принятія „жизни“, подчиненія Общему; въ письмахъ своихъ онъ „вопитъ“, какъ раненый звѣрь, а въ статьяхъ онъ продолжаетъ учить и проповѣдывать принятіе міра. „Писатель подобенъ раненой тигрицѣ, прибѣжавшей въ свое логовище къ дѣтенышамъ. У нея стрѣла въ спинѣ, а она должна кормить своимъ молокомъ безпомощныя существа, которымъ дѣла нѣтъ до ея роковой раны“,—говоритъ именно по поводу Бѣлинскаго Л. Шестовъ, впервые подчеркнувшій это противорѣчіе между письмами и статьями Бѣлинскаго (Л. Шестовъ, „Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше“, преди-

словіе). Прошло три четверти вѣка со времени скрытыхъ мукъ „отрицанія“ и явной проповѣди „утвержденія“ жизни и Бога Бѣлинскимъ; теперь писатели уже не считаютъ своимъ долгомъ „учить“ или „молчать“; мы видимъ, какъ въ современной литературѣ многіе изъ нихъ „вопятъ“, точно раненые звѣри... Но это не мѣшаетъ намъ понять психологію Бѣлинскаго и, не раздѣляя ея, преклониться передъ его высокимъ (хотя и ошибочнымъ) пониманіемъ призванія и обязанности писателя [34]).

Была однако и другая причина, по которой Бѣлинскій не рѣшался высказывать въ своихъ статьяхъ то, что говорилъ въ своихъ письмахъ, о чемъ думалъ „наединѣ съ своей душой“. Дѣло въ томъ, что всю свою мучительную „рефлексію“ 1840—41 гг., Бѣлинскій все время считалъ только переходомъ къ нѣкоторому еще неизвѣстному ему „высшему синтезу“; о томъ, что такое состояніе можетъ быть постояннымъ, что ему можетъ не быть исхода—Бѣлинскій боялся и думать: характернымъ доказательствомъ этого является отношеніе Бѣлинскаго къ типу Печорина, въ которомъ Бѣлинскій хочетъ видѣть тоже воплощеніе „мучительной рефлексіи“, которую надо преодолѣть. И въ своихъ письмахъ этой эпохи онъ не разъ подчеркиваетъ эту вѣру въ преходящность своей „мучительной рефлексіи“, своего отрицанія объективной осмысленности міра и жизни. Мы уже сказали, что отчасти Бѣлинскій былъ въ этомъ правъ: дѣйствительно, скоро пришла новая вѣра, пришелъ „синтезъ“; но и послѣ него Бѣлинскій не избавился всецѣло отъ своей „мучительной рефлексіи“—кто разъ увидѣлъ наложенную на міръ „лапу дьявола“, тотъ никогда не вернется больше къ былой безпечальной и радостной вѣрѣ. Но все это осталось глубоко скрытымъ въ душѣ Бѣлинскаго подъ слоемъ новаго „синтеза“, новой вѣры; Бѣлинскій, повторяемъ, былъ правъ, надѣясь, что на смѣну отчаянію и непріятію міра придетъ снова вѣра въ міръ и жизнь. А потому и въ статьяхъ своихъ 1840—41 гг. онъ продолжалъ учить и

проповѣдывать, чему онъ теперь уже не вѣрилъ, но на что еще надѣялся вѣрить въ будущемъ. И, наконецъ, ключемъ ко всему этому противорѣчію является уже приведенное выше признаніе Бѣлинскаго, что противорѣчіе эту лежало въ самой глубинѣ его души; онъ видѣлъ всѣ ужасы, всѣ неоправданныя страданія жизни—и все же любилъ эти самую жизнь, онъ отвергалъ ее—и принималъ ее. „Знаю, что Дульцинея моя (жизнь) безобразна и гнусна, а всетаки люблю ее, на зло здравому смыслу и очевидности“,—говоритъ Бѣлинскій Н. Бакунину и прибавляетъ: „но вы не поймете этого“... Но это необходимо понять—такъ какъ безъ этого непонятны всѣ душевныя переживанія Бѣлинскаго въ эти тяжелые для него 1840—42 годы. Бѣлинскій возненавидѣлъ безобразную и гнусную дѣйствительность—россійскую дѣйствительность въ частности и всю міровую дѣйствительность вообще, такъ какъ увидѣлъ въ ней только неоправданныя муки, только безсмысленныя страданія, только безжалостное подавленіе частнаго, индивидуальнаго Общимъ; но въ то же время онъ страдальчески полюбилъ эту индивидуальность, эту обреченную на погибель человѣческую личность, полюбилъ ея обреченную, осужденную, но многообразную жизнь. Такъ онъ отвергалъ—и принималъ, ненавидѣлъ—и любилъ. И любовь эта дѣйствительно стала ступенью къ его новой вѣрѣ: черезъ любовь къ отдѣльной индивидуальности, реальной человѣческой личности, Бѣлинскій пришелъ къ соціальности, которая и стала его новой страстной вѣрой.

VII.

„Жизнь—ловушка, а мы—мыши:—глупая комедія, чортъ возьми! Будемъ же пить и веселиться, если можемъ, нынѣшній день нашъ, вѣдь нигдѣ на нашъ вопль нѣту отзыва!“ Такъ восклицалъ Бѣлинскій въ разгарѣ своего отчаянія. Два года спустя, снова говоря о своемъ отчаяніи, о своемъ „трагическомъ распутствѣ“, снова повторяя излюбленную цитату изъ „Крейслеріаны“ Гофмана о воплѣ безъ отзыва, Бѣлинскій колеблется въ своемъ отвѣтѣ на вѣчный вопросъ: „неужели-же жизнь и въ самомъ дѣлѣ ловушка? Неужели она до того противорѣчитъ себѣ, что даетъ требованія, которыхъ выполнить не можетъ? Не довели-ли мы своего байроническаго отчаянія до послѣдней крайности, съ которой долженъ начаться переломъ къ лучшему? Все это вопросы, которые я могу тебѣ предложить, но не разрѣшить. По крайней мѣрѣ, мнѣ становится какъ-то легче — можетъ быть, оттого, что въ Питерѣ теперь часто свѣтитъ весеннее солнце и небо часто безоблачно“ [35]). Но дѣло было не въ петербургской веснѣ: весна расцвѣтала въ измученной исканіями душѣ Бѣлинскаго, солнце новой горячей вѣры разгоняло сумракъ тяжелаго кризиса. Мѣсто абсолютно совершенной, безличной, объективной истины понемногу занимала въ душѣ Бѣлинскаго реальная человѣческая личность, великая въ своихъ несовершенствахъ, въ своей субъективности.

Поднявъ знамя возстанія противъ обезличивающаго „Общаго“, Бѣлинскій провозгласилъ взамѣнъ этого права личности. Можно было думать, что личность и станетъ тѣмъ новымъ „синтезомъ“, который воскреситъ душу Бѣлинскаго, вырветъ

его изъ путъ „мучительной рефлексіи“: пусть въ мірѣ нѣтъ для человѣка никакой объективной цѣнности, цѣлесообразности, и осмысленности, но сама человѣческая личность является такой цѣнностью, а міръ и жизнь являются для нея субъективно осмысленными, субъективно цѣлесообразными. И Бѣлинскій былъ близокъ къ этому: именно на почвѣ провозглашенія правъ личности и произошелъ разрывъ Бѣлинскаго съ гегеліанствомъ, съ вѣрою въ „Общее“, въ Премудрую Благость. Прежде Бѣлинскій вѣрилъ въ „разумную дѣйствительность“ міра, въ цѣлесообразность человѣческихъ гекатомбъ для саморазвитія Абсолютнаго Духа, „Общаго“; а теперь онъ восклицаетъ: „о, пропадай это ненавистное Общее, этотъ Молохъ, пожирающій жизнь!“ И еще: „проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностію!.. Для меня теперь человѣческая личность выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“... Для меня—такъ человѣческая природа есть оправданіе всего. Событіе—вздоръ, чортъ съ нимъ... Важна личность человѣка, надо дорожить ею выше всего“ (письма къ Боткину отъ 4-го и 25-го окт. 1840 г.). И притомъ—мы это уже подчеркивали—важна не личность вообще, не человѣкъ вообще, а „вотъ эта“ личность, „вотъ этотъ“ каждый реальный, чувствующій, страдающій человѣкъ. На этой почвѣ, разумѣется, былъ неизбѣженъ разрывъ со всякими теоріями „разумной дѣйствительности“ міра, которыя всегда строятся на костяхъ реальныхъ страдающихъ людей; прежде всего это былъ, конечно, разрывъ съ Гегелемъ. Въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій съ громадной силой и страстью высказываетъ эти свои новые взгляды—одновременно и „непріятія міра“, оправдываемаго абсолютной философіей, и признанія человѣческой личности „выше общества, выше человѣчества“... Я давно уже подозрѣвалъ,—пишетъ Бѣлинскій,—что философія Гегеля только моментъ, хотя и великій, но что абсолютность ея результатовъ—ни къ..., что лучше умереть, чѣмъ помириться съ ними... Глупцы врутъ,

говоря, что Гегель превратилъ жизнь въ мертвыя схемы; но это правда, что онъ изъ явленій жизни сдѣлалъ тѣни, сцѣпившіяся костяными руками и пляшущія на воздухѣ, надъ кладбищемъ. Субъектъ у него не самъ себѣ цѣль, но средство для мгновеннаго выраженія общаго, а это Общее является у него въ отношеніи къ субъекту Молохомъ, ибо, пощеголявъ въ немъ (въ субъектѣ), бросаетъ его какъ старые штаны... Ты, я знаю, будешь надо мною смѣяться, о, лысый! но смѣйся какъ хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности, важнѣе судебъ всего міра и здравія китайскаго императора (т.-е. гегелевской Allgemeinheit). Мнѣ говорятъ: развивай всѣ сокровища своего духа для свободнаго самонаслажденія духомъ, плачь, дабы утѣшиться, скорби, дабы возрадоваться, стремись къ совершенству, лѣзь на верхнюю ступень лѣствицы развитія, а споткнешься—падай—чортъ съ тобою—таковскій и былъ сукинъ сынъ... Благодарю покорно, Егоръ Θедорычъ*)—кланяюсь вашему философскому колпаку; но, со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ, честь имѣю донести вамъ, что если бы мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣствицы развитія,—я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайностей, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою. Я не хочу счастія и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови, костей отъ костей моихъ и плоти отъ плоти моея. Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить своею участью идею дисгармоніи“... [36]).

Эти удивительныя слова Бѣлинскаго слишкомъ общеизвѣстны, они слишкомъ часто повторяются и треплются; и не-

*) Т.-е. Гегель (Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ).

смотря на это—до сихъ поръ не утратили они всей своей глубины, всего своего неизмѣримаго значенія. Вѣдь что, въ сущности, значитъ весь этотъ бурный протестъ Бѣлинскаго? въ чемъ его главный смыслъ?—въ рѣзкомъ отказѣ удовлетвориться когда бы то ни было какой бы то ни было теоріей „оправданія міра“, признанія „разумной дѣйствительности“ міра и жизни; это mutatis mutandis тотъ самый „бунтъ“, который былъ возобновленъ тридцать-сорокъ лѣтъ спустя Иваномъ Карамазовымъ. Бѣлинскій заявляетъ, что онъ останется гордо и навсегда непримиримымъ: не нужно ему „дыма фантазій“ и утѣшеній въ абсолютномъ значеніи человѣческой муки; человѣческія муки не имѣютъ оправданія. А если нѣтъ имъ оправданія, то нѣтъ оправданія и Премудрой Благости: „не міра я не принимаю, а Творца этого міра не принимаю и не могу согласиться принять“,—такъ бы могъ перевернуть Бѣлинскій слова Ивана Карамазова. Но развѣ можетъ человѣкъ жить безъ Бога? Что человѣкъ безъ Бога? — писалъ Бѣлинскій 28 ноября 1842 г. Н. Бакунину, и писалъ (замѣтьте это) уже въ эпоху ясно выраженнаго своего „атеизма“:—что человѣкъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ“... И Бѣлинскій заключаетъ рядъ этихъ мыслей типично-фейербаховской фразой: „а что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?“ Когда Бѣлинскій вѣрилъ въ „абсолютную философію“—его Богомъ была eine Allweise Güte, міровая объективная разумность; когда вѣра эта погибла—Бѣлинскій поставилъ выше всего („выше исторіи, выше общества, выше человѣчества“) человѣческую личность, въ которой для него теперь было и воскресеніе, и смерть, и страданіе, и блаженство. Если бы Бѣлинскій остановился на этомъ, сдѣлалъ бы своимъ Богомъ человѣческую личность—это значило бы, что онъ принимаетъ міръ, прекрасно сознавая въ то же время отсутствіе въ немъ всякой объективной цѣлесообразности, наличность только субъективнаго смысла [37]). Это было бы тяжело, мучи-

тельно; Бѣлинскій жаждалъ „объективнаго“ Бога—и потому незамѣтно переходилъ отъ Бога къ личности, а отъ личности—къ „человѣку“, „гражданину вселенной“...

Процессъ этотъ—процессъ замѣны Бога человѣкомъ—совершался въ Бѣлинскомъ мало-по-малу, постепенно, незамѣтно. Десятки мѣстъ изъ писемъ Бѣлинскаго могли бы служить иллюстраціей этого медленнаго и постепеннаго процесса; я ограничусь немногими, до сихъ поръ еще не бывшими въ печати. Еще въ пору своего преклоненія передъ „міровымъ разумомъ“ Бѣлинскій вѣрно и мѣтко охарактеризовалъ самъ себя, подчеркивая свою неспособность удовлетвориться „чѣмъ-нибудь“ отъ милостей свыше. „Человѣкъ, которому природа, какъ проклятіе, дала слишкомъ большія требованія на жизнь, чтобы ихъ могло удовлетворить что-нибудь легко получаемое и который изо всѣхъ силъ рвался къ счастью—и зналъ одно горе, одно страданіе. Это исторія моей жизни“... И нѣсколько ранѣе: „до сихъ поръ я говорилъ—лучше хоть немножко чего-нибудь, чѣмъ совсѣмъ ничего; теперь я говорю: лучше совсѣмъ ничего, чѣмъ немножко чего-нибудь. Да, я теперь ясно вижу, что я не понималъ себя, не былъ къ себѣ справедливъ—нѣтъ, что-нибудь никогда не удовлетворитъ требованій моего духа. Нагибаясь до чего-нибудь, я самъ всегда дѣлался ничѣмъ“ [38]). И Бѣлинскій созналъ, что такимъ онъ дѣлался, когда заставлялъ человѣка (и самого себя) довольствоваться крохами со стола „Общаго“, Абсолютнаго; онъ созналъ, что субъективное „все“ безконечно превышаетъ объективное „что-нибудь“, слабое отраженіе общаго въ жизни личной. „Героемъ новой трагедіи сталъ человѣкъ, какъ субъективная личность,—замѣчаетъ Бѣлинскій и прибавляетъ:—смѣшно и досадно: любовь Ромео и Юліи есть общее, а потребность любви или любовь читателя есть частное и призрачное (такъ слѣдовало по руссифицированному гегеліанству Бѣлинскаго и его друзей. И.-Р.). Жизнь въ книгахъ, а въ жизни—ничто. Вотъ тутъ Грановскій улыбнется и скажетъ, что я поумнѣлъ;

а я ему скажу на это, что онъ дуракъ: не хочу нѣмецкой жизни въ книгѣ, но французской, которая бы параллельна была нѣмецкимъ книгамъ, или совсѣмъ никакой...“ [39]). Иначе говоря, Бѣлинскій жаждалъ кипучей личной жизни, построенной на твердомъ базисѣ строгаго и опредѣленнаго міровоззрѣнія. Ненависть его къ „нѣмецкой книгѣ“, къ голымъ абстрактнымъ умозаключеніямъ, къ теоретической „субстанціальности“—неуклонно возрастала съ начала сороковыхъ годовъ. Съ какимъ неподражаемымъ сарказмомъ, напримѣръ, высмѣиваетъ Бѣлинскій одного второстепеннаго гегеліанца Ретшера, который и всю жизнь, и все искусство сводилъ къ мертвымъ словеснымъ схемамъ. „Не было человѣка пишущаго,—восклицаетъ въ одномъ письмѣ Бѣлинскій,—который бы такъ глубоко оскорбилъ меня своею пошлостью, какъ этотъ нѣмецкій Шевыревъ! Если бы Ретшеръ нашелъ у Шекспира или Гете драму, состоящую въ томъ, что проститутки прибили „честную женщину“, а полиція передрала бы за это проститутокъ—онъ такъ бы написалъ о ней: субстанціальное право проститутства, оскорбленное субстанціальною стихіею честности, разрѣшилось въ коллизію драки, которая, оскорбивъ субстанціальную власть полиціи, была наказана розгами, послѣ чего все пришло въ гармонію примиренія...“ [40]). Это мѣткая пародія на вербальныя мертвыя схемы „гегелятъ“ (по презрительному выраженію Бѣлинскаго) завершаетъ возстаніе Бѣлинскаго противъ „нѣмецкой книги“; но, повторяю, еще гораздо раньше, въ началѣ своего кризиса, онъ не менѣе ярко высказывалъ новыя мысли, выступая апологетомъ и проповѣдникомъ правъ живого личнаго человѣка противъ всякой схемы и идеи, противъ всякаго „Общаго“, какъ бы оно тамъ ни называлось. Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Бѣлинскій требовалъ жизни въ жизни, а не жизни въ книгахъ, онъ уже выступилъ за права личнаго человѣка: „кто говоритъ,—писалъ онъ,—что надо стремиться къ Общему, надо страдать, и трудиться, и бороться, чтобы почитать себя въ правѣ на

личное блаженство,—того я буду слушать, передъ тѣмъ я обвиню себя въ тяжкихъ грѣхахъ, въ совершенномъ недостоинствѣ; но кто бы сталъ доказывать мнѣ, что жить должно только въ Общемъ, презирая личное и субъективное—я сказалъ бы тому, что онъ поросенокъ, котораго мнѣ, старому борову, слушать неприлично и смѣшно..." [41]). Нѣсколькими недѣлями позже Бѣлинскій снова возвращается къ мысли о величіи человѣка, какъ человѣка; онъ вспоминаетъ, какъ, въ періодъ своего романтическаго прекраснодушія, онъ и его друзья боялись видѣть въ себѣ только людей, и старались быть еще кѣмъ-то или чѣмъ-то. „Къ чорту героизмъ и ходули!—восклицаетъ теперь Бѣлинскій:—я увѣренъ, что и великіе люди казались себѣ совсѣмъ не великими: такъ намъ ли смотрѣть на себя свысока, прикидываться героями и искать для своихъ знакомствъ и дружбы только героевъ. Для меня поэтъ и герой выше человѣка, но объективно, а когда онъ захочетъ со мною сблизиться, я попрошу его сбросить съ себя поэзію и героизмъ, и прежде всего быть просто человѣкомъ. Святое и великое титло!..." [42]). Прошло еще немного времени, и Бѣлинскій сталъ признавать величіе этого „титла" безъ всякихъ оговорокъ; въ душѣ его съ неуклонной постепенностью происходилъ процессъ замѣны Бога человѣкомъ.

Бѣлинскій самъ не ясно сознавалъ, какъ это случилось, какъ это могло случиться; но фактъ тотъ, что именно въ разгаръ этого мучительнаго кризиса, въ эпоху отчаянія, апатіи, безвѣрія—Бѣлинскій увидѣлъ себя обладателемъ новой вѣры, новой цѣнности: мѣсто Бога занялъ человѣкъ. „Странное дѣло!—воскликнулъ какъ-то Бѣлинскій:—жизнь моя—сама апатія, зѣвота, лѣнь, стоячее болото, но на днѣ этого болота пылаетъ огненное море. Я все боялся, что съ лѣтами буду умирать—выходитъ наоборотъ. Я во всемъ разочаровался, ничему не вѣрю, ничего и никого не люблю, и однако жъ интересы прозаической жизни все менѣе и менѣе занимаютъ меня, и я все болѣе—гражданинъ вселенной. Безумная жажда любви

все болѣе и болѣе пожираетъ мою внутренность, тоска тяжелѣе и упорнѣе. Это мое, и только это мое. Но меня сильно занимаетъ и не мое. Личность человѣческая сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума..." [43]).

Гражданинъ вселенной и апологетъ правъ личности человѣческой - такъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ теперь себя самъ Бѣлинскій. Уже съ давнихъ поръ требовалъ онъ для личности всего и высоко цѣнилъ эту полную несовершенствъ и горя жизнь человѣческую; еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ Бѣлинскій именно въ „несовершенствахъ" жизни видѣлъ ея величіе. „Право существованія,—писалъ онъ,—должно купить дорогою цѣною (страданія). Въ этомъ я вижу доказательство того, что жизнь есть великое благо. Что достается легко, то ничего и не стоитъ..." [44]). Съ жизнью этой надо бороться, надо брать отъ нея ту полноту, которую она не всѣмъ даетъ добровольно. „Въ самомъ дѣлѣ,—писалъ онъ тогда же,—если скупая жизнь не даетъ ничего—надо вырвать у нея хоть что-нибудь, насладиться хоть чѣмъ-нибудь... (Мы знаемъ, что почти въ то же время Бѣлинскій созналъ, что человѣкъ долженъ требовать отъ жизни все, а не что-нибудь. И.-Р.). И самая чувственность, выходящая изъ полноты жизни, представляется мнѣ таинствомъ, отъ котораго трепещетъ душа моя, жадная упоенія. Богата жизнь, много сокровищъ скрываетъ она, да не всѣмъ даетъ ихъ,—такъ отнимемъ же у нея хоть что-нибудь. А результаты, а раскаяніе?—А, чортъ возьми! все, все давай сюда, все возьмемъ на себя, все понесемъ, только бы жить, чортъ возьми, жить!.." [45]). Какъ видимъ, полноту жизни Бѣлинскій проповѣдывалъ еще задолго до своего кризиса; но только теперь, къ 1841—1842 году, онъ окончательно пришелъ къ сознанію, что эта полнота жизни человѣческой личности недостижима внѣ элемента общественности, соціальности; сознавъ это, онъ созналъ себя гражданиномъ вселенной: начался періодъ его „соціальности", вскорѣ принявшей формы соціализма. Бѣлинскій понялъ, что

полнота жизни человѣка возможна только въ человѣчествѣ, когда человѣкъ одновременно сознаетъ себя и самоцѣльной личностью, и гражданиномъ вселенной. Такъ Бѣлинскій отъ Бога пришелъ къ человѣку, тѣсно связанному съ человѣчествомъ; это былъ новый великій путь послѣ великихъ и трудныхъ исканій.

Къ признанію человѣка „гражданиномъ вселенной" Бѣлинскій подходилъ такъ же медленно и постепенно, какъ къ признанію его самоцѣльной личностью. Въ эпоху своего гегеліанства Бѣлинскій съ пренебреженіемъ относился ко всякой политической и соціальной дѣятельности; въ знаменитыхъ статьяхъ 1839 г. о „Бородинской годовщинѣ" и „Очеркахъ бородинскаго сраженія" Бѣлинскій выступилъ съ пламеннымъ панегирикомъ самодержавію, какъ явленію мистическаго порядка. Однако, въ послѣдней статьѣ главная цѣль Бѣлинскаго, по его собственному заявленію, была иная: „хотѣлось мнѣ въ ней, главное, намекнуть пояснѣе на субстанціальное значеніе идеи общества",—говоритъ онъ. Статья эта, какъ извѣстно, вызвала осужденіе среди читающей публика того времени, и Бѣлинскій негодовалъ и удивлялся этому: „досадно, что людъ божій ею недоволенъ, - писалъ онъ по этому поводу Боткину:—зарылись свиньи, какъ будто у насъ хорошихъ статей—ѣшь, не хочу; а гдѣ онѣ, въ какихъ журналахъ? Для нихъ и эта должна быть объяденьемъ..." [46]). И въ связи съ этимъ Бѣлинскій обрушивается на нашихъ россійскихъ либераловъ, которые-де всѣ „ужасные подлецы: они не умѣютъ быть подданными, они холопы; за угломъ любятъ побранить правительство, а въ лицо подличаютъ не по нуждѣ, а по собственной охотѣ. Такъ, холопъ за глаза только и дѣлаетъ, что ругаетъ барина, а при немъ не смѣетъ взглянуть смѣло..." [47]). Бѣлинскій былъ правъ: всегда были и до сихъ поръ есть такіе „либералы", увѣковѣченные въ свое время Салтыковымъ; но не одни они относились съ осужденіемъ къ статьямъ Бѣлинскаго, логическимъ выводомъ изъ которыхъ былъ застой, квіе-

тизмъ, отрицаніе соціальнаго и политическаго развитія. Какъ извѣстно, Бѣлинскій самъ очень скоро это понялъ и отъ провозглашенія „субстанціальнаго значенія идеи общества" перешелъ къ идеѣ общества, исторически развивающагося; выраженіями этой идеи переполнены всѣ письма Бѣлинскаго даже 1840—1842 годовъ. Черезъ годъ послѣ статьи объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія" Бѣлинскій уже съ горечью осуждаетъ „дичь, которую изрыгалъ въ неистовствѣ, съ пѣною у рта, противъ французовъ—этого энергическаго, благороднаго народа, льющаго кровь свою за священнѣйшія права человѣчества, этой передовой колонны au drapeau tricolore" [48]); прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и Бѣлинскій восклицаетъ: „хорошо прусское правительство, въ которомъ мы мнили видѣть идеалъ разумнаго правительства! Да что и говорить—подлецы, тираны человѣчества! Членъ тройственнаго союза палачей свободы и разума. Вотъ тебѣ и Гегель!.. Разумнѣйшее правительство въ Соед. Амер. Шт., а послѣ нихъ въ Англіи и Франціи..." [49]). Наконецъ, еще годомъ позднѣе Бѣлинскій слѣдующими словами заканчиваетъ одно, къ сожалѣнію, не дошедшее до насъ, но, повидимому, громаднаго интереса письмо къ Боткину: „тутъ нечего объяснять: дѣло ясно, что Робеспьеръ былъ не ограниченный человѣкъ, не интриганъ, не злодѣй, не риторъ, и что тысячелѣтнее царство божіе утвердится на землѣ не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами—обоюдоострымъ мечомъ слова и дѣла Робеспьеровъ и Сенжюстовъ..." [50]).

Послѣдній отрывокъ относится къ апрѣлю 1842 года. Интересно замѣтить, что какъ разъ въ апрѣльской книжкѣ „Отеч. Записокъ" этого же года появилась статья Бѣлинскаго по поводу книги Лоренца „Руководство къ всеобщей исторіи", статья, въ которой мы найдемъ цѣлый рядъ тѣхъ же мотивовъ о человѣкѣ и человѣчествѣ, но только высказанныхъ въ формѣ безобидной для николаевской цензуры. Статья эта до сихъ

поръ совершенно неизвѣстна [51]); а между тѣмъ она представляетъ значительный интересъ, какъ первое и одно изъ наиболѣе яркихъ печатныхъ выраженій новыхъ соціальныхъ и уже соціалистическихъ воззрѣній Бѣлинскаго *). Изъ этой статьи мы убѣждаемся, что, разорвавъ съ общимъ въ смыслѣ абсолютной и объективной истины, Бѣлинскій снова нашелъ „общее“ — въ человѣчествѣ, гармонически совмѣщающемъ въ себѣ полноту жизни всѣхъ отдѣльныхъ людей. Бѣлинскаго занимаютъ „не интересы сословія, но интересы общества, не интересы государства, но интересы человѣчества — словомъ, общее, въ идеальномъ и возвышенномъ значеніи слова...“ („Отеч. Зап.“, 1842 г., т. XXI, отд. V, стр. 36). Бѣлинскій указываетъ, что „чувство общественности теперь вездѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде было. Каждый живѣе чувствуетъ себя въ обществѣ и общество въ себѣ, и каждый, по крайней мѣрѣ, претендуетъ служить обществу, служа себѣ самому“... (ibid). Но этого мало: каждый чувствуетъ себя не только въ обществѣ, но и въ человѣчествѣ, которое само есть не что иное, какъ „идеальная личность“ (стр. 37); исторія развитія этой идеальной личности и есть всемірная исторія. Въ исторіи этой Бѣлинскій снова готовъ видѣть объективный смыслъ, разумный промыслъ, премудрую благость—но уже не персонифицируя все это и относя это не къ личности реальной, человѣку, а къ личности идеальной—человѣчеству. „Безъ историческаго созерцанія, безъ вѣры въ разумный промыслъ, вѣчно торжествующій надъ произволомъ и случайностью—нѣтъ истиннаго и живого знанія въ наше время“—восклицаетъ Бѣлинскій. (Ему еще не приходило въ голову, что понятіе „прогресса“ можетъ быть субъективнымъ, а не объективнымъ опредѣленіемъ). И это понятіе „прогресса“ и движенія позволяютъ Бѣлинскому съ глубокой вѣрой и надеждой ожидать лучшаго будущаго и человѣка и человѣчества. Съ восторжен-

*) Подробнѣе объ этой статьѣ—см. второе приложеніе въ настоящей книгѣ.

ной вѣрой убѣждаетъ читателей Бѣлинскій, „что современное состояніе человѣчества есть необходимый результатъ разумнаго развитія, что отъ его настоящаго состоянія можно дѣлать посылки къ его будущему состоянію, что свѣтъ побѣдитъ тьму, разумъ побѣдитъ предразсудки, свободное сознаніе сдѣлаетъ людей братьями по духу и—будетъ новая земля и новое небо“... (стр. 39). Конечно, нельзя было яснѣе, подъ дамокловымъ мечомъ цензуры, высказать свою вѣру въ соціалистическій идеалъ хиліазма, „тысячелѣтняго царства божія на землѣ“, о которомъ Бѣлинскій писалъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Боткину (въ томъ же апрѣлѣ 1842 года).

Такъ завершились пока исканія Бѣлинскаго, его муки и сомнѣнія. Бѣлинскій жаждалъ объективнаго Бога—и нашелъ его въ Человѣчествѣ: отъ человѣческой личности онъ перешелъ къ „соціальности“, а потомъ и къ соціализму. Въ 1842—1846 гг. это было „понятіемъ Бѣлинскаго о Богѣ“. Къ „соціальности“ Бѣлинскій подошелъ именно потому, что жаждалъ счастія „каждаго изъ своихъ братій по крови“... Черезъ полгода послѣ приведеннаго выше замѣчательнаго письма къ Боткину, отъ 1 марта 1841 года, Бѣлинскій сдѣлалъ этотъ шагъ въ не менѣе замѣчательномъ письмѣ. „Соціальность, соціальность—или смерть!—вотъ девизъ мой!—восклицаетъ Бѣлинскій:—что́ мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что́ мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что́ мнѣ въ томъ, что *я* понимаю идею, что мнѣ открытъ міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими ближними по Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что́ мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда бо́льшая часть и не подозрѣваетъ его возможностей?. Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями

моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ [52]). И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идіотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакѣ — и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи! Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ въ качествѣ вѣрованія волю человѣка. Отрицаніе—мой Богъ" [53]). И мы дѣйствительно знаемъ, что отрицаніе овладѣло въ эти два года душою Бѣлинскаго. Но тутъ же, въ этомъ же письмѣ Бѣлинскій, самъ того не сознавая, открываетъ намъ, что теперь его Богъ—не отрицаніе, что теперь въ его душѣ растетъ новый „синтезъ", новая вѣра—вѣра въ „соціальность", вѣра въ соціализмъ. Подчеркивая свое „отрицаніе", Бѣлинскій восторгается вѣкомъ отрицанія—XVIII-ымъ вѣкомъ, когда отрицаніе претворилось въ жизнь, когда „рубили на гильотинѣ головы аристократамъ, попамъ и другимъ врагамъ Бога, разума и человѣчности"... И вдругъ, немедленно вслѣдъ за этими строками—восторженное, убѣжденное исповѣданіе новой свѣтлой вѣры въ соціальность, въ соціализмъ, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ! „И настанетъ время—я горячо вѣрю этому—настанетъ время, когда никого не будутъ жечь, никому не будутъ рубить головы, когда преступникъ, какъ милости и спасенія, будетъ молить

себѣ казни, и не будетъ ему казни, но жизнь останется ему въ казнь, какъ теперь смерть; когда не будетъ безсмысленныхъ формъ и обрядовъ, не будетъ договоровъ и условій на чувство, не будетъ долга и обязанностей, и воля будетъ уступать не волѣ, а одной любви; когда не будетъ мужей и женъ, а будутъ любовники и любовницы, и когда любовница придетъ къ любовнику и скажетъ: я люблю другого—любовникъ отвѣтитъ: я не могу быть счастливъ безъ тебя, я буду страдать всю жизнь, но ступай къ тому, кого ты любишь,—и не приметъ ея жертвы, если по великодушію она захочетъ остаться съ нимъ, но подобно Богу скажетъ ей: милости хочу, а не жертвы... Женщина не будетъ рабою общества и мужчины, но, подобно мужчинѣ, свободно будетъ предаваться своей склонности, не теряя добраго имени, этого чудовища—условнаго понятія. Не будетъ богатыхъ, не будетъ бѣдныхъ, ни царей и подданныхъ, но будутъ братья, будутъ люди, и по глаголу апостола Павла, Христосъ дастъ свою власть Отцу и Отецъ - Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новой землею"... Тогда наступитъ золотой вѣкъ на землѣ, царство „соціализма"; тогда жизнь станетъ разумно осмысленной, тогда міръ будетъ „разумно дѣйствительнымъ", тогда воцарится Отецъ-Разумъ... И религіозно вѣря въ это грядущее счастье человѣчества, Бѣлинскій побѣждаетъ этой вѣрой свое мучительное отрицаніе; вѣра эта согрѣла его жизнь, дала ему новаго Бога.

VIII.

Итакъ, великія исканія привели къ великому результату: Бѣлинскій сталъ проповѣдникомъ мірового ученія, которому принадлежало великое будущее. Я не буду останавливаться особенно подробно на этомъ періодѣ жизни Бѣлинскаго, періодѣ его „утопическаго соціализма"; это уже во многомъ освѣщено и разработано историками литературы. Но за то, въ видѣ иллюстраціи, остановлюсь на одномъ частномъ вопросѣ, крайне существенномъ въ утопическомъ соціализмѣ Бѣлинскаго. Это вопросъ о женщинѣ вообще, о бракѣ въ частности.

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что именно вопросъ о женщинѣ, о ея роли въ обществѣ, о ея значеніи въ современномъ бракѣ, о ея правахъ и обязанностяхъ—первый натолкнулъ Бѣлинскаго на путь соціализма отъ неопредѣленной „соціальности". Еще въ одномъ изъ писемъ конца 1840 года, Бѣлинскій, возражая на мысли „гегеленка" Ретшера о бракѣ и вѣрности въ немъ хотя-бы и безъ любви, убѣжденно восклицаетъ: „для меня баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви, такъ же, какъ взглядъ сенсимонистовъ на бракъ лучше и человѣчнѣе взгляда гегелевскаго (т. е. который я принималъ за гегелевскій). Что мнѣ за дѣло, что абстрактнымъ бракомъ держится государство? Вѣдь оно держится и палачемъ съ кнутомъ въ рукахъ, однако жъ, палачъ все гадокъ"... [54]). И тутъ-же Бѣлинскій называетъ такой бракъ безъ любви „собачьимъ склещиваніемъ съ разрѣшенія церкви"... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бѣлинскій снова возвращается къ вопросу о женщинѣ и бракѣ, по поводу того же Ретшера, въ

гегеліанствѣ котораго онъ видитъ филистерство. „Его уваженіе къ субстанціальнымъ элементамъ общества (родству и браку) для меня омерзительно,—пишетъ Бѣлинскій:—...бракъ, какъ видимъ мы его ежедневно: имъ держится государство, но въ лицѣ толпы презрѣнной, черни подлой. Какъ же онъ, с. с., хочетъ, чтобы я не смѣясь и не плюя въ его филистерскую рожу, слушалъ, какъ онъ разсыпается въ гимнахъ родству и браку? Все, что́ есть, дѣйствительно, и все, что дѣйствительно, есть разумно; да не все то есть, что́ есть. [Разныя части моего тѣла] суть, но я о нихъ не говорю не только человѣчеству,—даже расейской публикѣ, хотя съ нею только о подобныхъ предметахъ и можно говорить. Твои и мои родители были обвѣнчаны въ церкви божіей, но мы съ тобою тѣмъ не менѣе—незаконныя дѣти, тогда какъ всякій сынъ любви есть законное дитя. Однимъ словомъ, къ дьяволу всѣ субстанціальныя силы, всѣ преданія, всѣ чувства и ощущенія, да здравствуетъ одинъ разумъ и отрицаніе. Французы—молодцы: у нихъ бракъ—контрактъ въ конто́рѣ нотаріуса; квакеры—молодцы: у нихъ священнослуженіе—проповѣдь въ комнатѣ; С. А. Штаты—идеалъ государства. Да здравствуетъ разумъ и отрицаніе! Къ дьяволу преданіе, формы, обряды! Проклятіе и гибель думающимъ иначе!..“ [55]).

Это страстное и неистовое отрицаніе старой истины и провозглашеніе новой—вѣчные этапы на пути великихъ исканій Бѣлинскаго. Теперь, въ началѣ 1841 года, исканія эти вели его, какъ, мы знаемъ, къ соціализму въ его утопической формѣ; выше мы слышали уже похвалу Бѣлинскаго взгляду сенсимонистовъ на бракъ. Но въ то время Бѣлинскій зналъ объ ученіи сенсимонистовъ только по наслышкѣ; по крайней мѣрѣ, уже въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ середины 1841 года онъ восклицалъ: „чортъ знаетъ, надо мнѣ познакомиться съ сенсимонистами; я на женщину смотрю ихъ глазами“... И непосредственно за этими словами слѣдуетъ бурная, страстная, неистовая тирада—объясненіе того, какъ

смотритъ теперь на женщину Бѣлинскій. Тирада эта была въ свое время изложена своими словами А. Н. Пыпинымъ: „мы не могли—замѣчаетъ Пыпинъ—передать всей рѣзкой силы, съ какою говорилъ здѣсь Бѣлинскій. Довольно сказать, что онъ не щадитъ лицемѣрія существующихъ обычаевъ и несправедливости, наносимой ими женщинѣ. Взглядъ, выраженный здѣсь, остался его послѣднимъ мнѣніемъ о женщинѣ, бракѣ и пр...“ (А. Н. Пыпинъ, „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“, изд. 2-ое, стр. 378). Но именно потому необходимо съ возможной полнотой привести эту удивительную по силѣ и страсти тираду, пожертвовавъ только отдѣльными словами изъ нея.

„Женщина—восклицаетъ Бѣлинскій—есть жертва, раба новѣйшаго общества. Честь женщины общественное мнѣніе относитъ къ ея..., а совсѣмъ не къ душѣ, какъ будто бы не душа, а тѣло можетъ грязниться. Помилуйте, господа, да тѣло можно обмыть, а душу ничѣмъ не очистишь. Замужняя женщина любитъ тебя отъ мужа, но не [отдается] тебѣ—она честна въ глазахъ общества; она [отдалась] тебѣ—и честь запятнана: какія киргизъ-кайсацкія понятія! Ты имѣешь право имѣть отъ жены сто любовницъ—тебя будутъ осуждать, но чести не лишатъ, а женщина не имѣетъ этого права. Да почему же это......., подлые и бездушные резонеры, мистики, піетисты поганые, [грязь] человѣчества?! Женщина тогда [проститутка], когда продаетъ тѣло свое безъ любви, и замужняя женщина, не любящая мужа, есть [проститутка]; напротивъ, женщина, которая въ жизнь свою [отдавалась] 500-мъ человѣкамъ не изъ выгоды, а хотя бы по сладострастію, есть честная женщина и ужъ, конечно, честнѣе многихъ женщинъ, которыя, кромѣ глупыхъ мужей своихъ никому не [отдаются]. Странная идея, которая могла родиться только въ головахъ канибаловъ—сдѣлать... престоломъ чести: если у дѣвушки......— честна, если нѣтъ—безчестна. И это калмыцкое понятіе хотятъ освящать христіанствомъ! Боже, отпусти имъ—не вѣдятъ

бо, что творятъ!—А бракъ, это что такое? Это установленіе антропофаговъ, людоѣдовъ, патагоновъ и готтентотовъ, оправданное религіею и гегелевскою философіею. Я долженъ всю жизнь любить одну женщину, тогда какъ я не могу любить ее больше году. Впрочемъ, религія позволяетъ мнѣ и не любить ее,—она требуетъ только, чтобы я исполнялъ въ отношеніи къ ней мои супружескія обязанности—т. е. одѣвалъ, поилъ, кормилъ и.... Чистое, духовное, идеальное воззрѣніе на таинство сочетаніе душъ! Я скованъ и не могу принадлежать той, которую люблю, вся жизнь моя погибла, а жизнь и безъ того такъ коротка, такъ глупа, такъ полна горемъ и муками. Но что я—я могу измѣнять моей женѣ, но женщина—что она? раба моя, вещь моя,..... моя; ея душа, ея лицо, ея красота—все это только дополненія къ...... Наша святая православная церковь лучше другихъ поняла таинство брака: она и не скрываетъ, что тутъ все дѣло въ тѣлѣ. Святѣйшій правительствующій синодъ не разведетъ тебя съ женою за несходство нравовъ, за отсутствіе любви, за любовь къ другой; но если ты докажешь или жена твоя докажетъ, что.......—васъ разводятъ. Далѣе, я знакомлюсь, ухожу, дѣлаю все, что хочу и какъ хочу; жена должна все дѣлать съ моего согласія: почему это? Превосходство мужчины? Но оно тогда законное право, когда признается сознаніемъ и любовью жены, выходитъ изъ ея свободной довѣренности ко мнѣ, иначе мое право надъ нею—кулачное право. Нѣтъ, братъ, женщина въ Европѣ столько же раба, сколько въ Турціи и въ Персіи. И мы еще можемъ фантазировать, что человѣчество стоитъ на высокой степени совершенства!..“ 56).

Многія изъ этихъ мыслей, въ настоящее время такія элементарныя и общеизвѣстныя, въ то время были поистинѣ новымъ откровеніемъ; не приходится удивляться, что именно отсюда Бѣлинскій началъ подходить къ идеаламъ утопическаго соціализма: мы видѣли, что уже дважды Бѣлинскій выражалъ свое сочувствіе сенсимонистамъ, только по наслышкѣ зная ихъ

ученіе; въ этомъ же письмѣ онъ восхищается Жоржъ Зандъ, называя ее „вдохновенной пророчицей, энергическимъ адвокатомъ правъ женщины“. Прошло еще два-три мѣсяца—и Бѣлинскій уже познакомился съ ученіемъ соціализма и сталъ неистовымъ и рьянымъ его сторонникомъ; отъ правъ женщины онъ перешелъ къ правамъ человѣка вообще, и соціализмъ сталъ для него міробъемлющимъ ученіемъ. Съ этихъ поръ насталъ для Бѣлинскаго періодъ новой свѣтлой вѣры, которою онъ вдохновлялъ и всѣхъ своихъ друзей; такъ, напримѣръ, изъ одного письма Бѣлинскаго той же эпохи мы узнаемъ, что извѣстный И. Панаевъ „восхищается Леру и бредитъ: égalité, fraternité et liberté...“ [57]). Но знаменемъ и пророкомъ будущаго „тысячелѣтняго царства божія на землѣ“ для Бѣлинскаго еще долго была Жоржъ Зандъ. „Эта женщина—восторженно восклицалъ Бѣлинскій—рѣшительно Іоанна д'Аркъ нашего времени, звѣзда спасенія и пророчица великаго будущаго...“ [58]). А мѣсяцемъ позднѣе, 5 дек. 1842 г., прочитавъ жиржъ-зандовскаго „Мельхіора“, Бѣлинскій тотчасъ же пишетъ восторженную записку Панаеву: „мы счастливцы—очи наши узрѣли спасеніе наше и мы отпущены съ миромъ владыкою—мы дождались знаменій, и поняли, и уразумѣли ихъ...“

Такъ пришелъ Бѣлинскій къ соціализму,—и мы видѣли, что подошелъ онъ къ нему именно со стороны вопроса о женщинѣ, о ея значеніи, правахъ и участи; особенно подчеркиваю это потому, что до сихъ поръ этой сторонѣ вопроса удѣлялось слишкомъ мало вниманія. А между тѣмъ это очень важно: къ соціализму, къ первымъ ступенямъ его, Бѣлинскій пришелъ не внѣшне, а отъ глубинъ своей личной жизни; я уже говорилъ выше о томъ большомъ значеніи, какое въ жизни Бѣлинскаго игралъ вопросъ о женщинѣ: сперва это была романтическая теорія любви, затѣмъ рѣзкое отрицаніе ея и, наконецъ, реалистическая постановка вопроса, придвинувшая Бѣлинскаго вплотную къ проблемамъ соціализма. А когда Бѣлинскій подошелъ къ этимъ проблемамъ, то увидѣлъ, что онѣ

рѣшаютъ и тѣ мучавшіе его вопросы „общественности", которые онъ, начиная съ 1840 года, все ставилъ и не могъ рѣшить. Такъ, съ конца 1841 года сталъ Бѣлинскій прозелитомъ новаго міробъемлющаго ученія. Великія исканія вывели его на міровую дорогу.

„Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея соціализма, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфою и омегою вѣры и знанія... Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію"... Такъ восклицаетъ Бѣлинскій въ концѣ 1841 года. Начинается восторженная, пылкая, неистовая вѣра Бѣлинскаго въ будущее устроеніе человѣчества, въ грядущій золотой вѣкъ на землѣ. Пусть это будетъ еще черезъ много-много лѣтъ, пусть—но все же и теперь „мы счастливцы; мы отпущены съ миромъ владыкою; мы дождались пророковъ нашихъ—и узнали ихъ, мы дождались знаменій—и поняли, и уразумѣли ихъ..." И эта вѣра въ будущее даетъ Бѣлинскому силу жить въ настоящемъ. „Мнѣ стало легче жить,—пишетъ Бѣлинскій Н. Бакунину 7 ноября 1842 г.:—...въ душѣ моей есть то, безъ чего я не могу жить, есть вѣра, дающая мнѣ отвѣты на всѣ вопросы. Но это уже не вѣра, и не знаніе, а религіозное знаніе и сознательная религія..." Грядущее счастье человѣчества на землѣ, вѣра въ него—согрѣла душу Бѣлинскаго; остается только узнать, какъ теперь относится Бѣлинскій къ человѣческимъ страданіямъ каждой данной минуты, къ мученіямъ „каждаго изъ своихъ братій по крови..." Вѣдь мы слышали отъ Бѣлинскаго, что онъ съ верхней ступени лѣствицы развитія бросится внизъ головою, если не получитъ отъ своего Бога „отчета во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи"; мы слышали проклятія Бѣлинскаго „Общему", этому „Молоху, пожирающему личности". Теперь у Бѣлинскаго—новая свѣтлая вѣра, сознательная религія и религіозное знаніе о блаженномъ будущемъ Человѣчества;

какъ же относится эта вѣра въ будущее блаженство человѣчества къ мученію личностей въ настоящемъ? Отвѣтъ на это даетъ самъ Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину отъ 28 іюня 1841 г., когда отъ провозглашенія правъ личности Бѣлинскій сталъ мало-по-малу переходить къ „соціальности", а затѣмъ и къ соціализму: „личность человѣческая—пишетъ Бѣлинскій—сдѣлалась пунктомъ, на которомъ я боюсь сойти съ ума. Я начинаю любить человѣчество по маратовски: чтобы сдѣлать счастливою малѣйшую часть его, я, кажется, огнемъ и мечемъ истребилъ бы остальную..." Итакъ, во имя блаженства человѣчества санкціонируются муки, страданія и гибель остальныхъ „братій по крови", за каждаго изъ которыхъ Бѣлинскій такъ еще недавно требовалъ отчета у судьбы; и такимъ образомъ „Человѣчество" становится тѣмъ самымъ „Общимъ", тѣмъ самымъ Молохомъ, для котораго личность—только средство, который является палачемъ индивидуальности и который строитъ развитіе на костяхъ страдавшихъ людей. У этого новаго Молоха Бѣлинскій уже не требуетъ отчета за страданія каждаго изъ своихъ братій по крови; онъ все прощаетъ ему—за будущее счастье людей на землѣ, за грядущій золотой вѣкъ; „соціальность" приведетъ насъ къ этому золотому вѣку,—а съ неизбѣжностью жертвъ нужно примириться. „...Съ нравственнымъ улучшеніемъ—пишетъ Бѣлинскій Боткину въ томъ же 1841 году—должно возникнуть и физическое улучшеніе человѣка. И это дѣлается черезъ соціальность. И потому нѣтъ ничего выше и благороднѣе, какъ способствовать ея развитію и ходу. Но смѣшно и думать, что это можетъ сдѣлаться само собою, временемъ, безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ крови. Да и что кровь тысячей въ сравненіи съ униженіемъ и страданіемъ милліоновъ. Къ тому же: fiat justitia—pereat mundus!" Отъ Молоха философіи Бѣлинскій пришелъ такимъ образомъ къ соціальному Молоху; вѣра въ него стала опорной точкой жизни и дѣятельности Бѣлинскаго въ 1842—1846 гг.

Такъ совершился, такъ заключился въ душѣ Бѣлинскаго

мучительный кризисъ 1840—1841 гг. Обычно его называютъ кризисомъ гегеліанства, крушеніемъ гегеліанской системы въ пониманіи Бѣлинскаго; но мы видѣли, что вопросъ необходимо поставить гораздо шире: дѣло было не въ одномъ гегеліанствѣ, а во всякомъ абсолютномъ пониманіи міра. Съ болью и съ усиліемъ отказавшись отъ такого пониманія, воплощеннаго и въ гегеліанствѣ, Бѣлинскій сперва впалъ въ абсолютный нигилизмъ, въ отрицаніе, въ мучительную „рефлексію“, преодолѣть которую ему удалось съ трудомъ, съ мученіемъ—путемъ признанія вершиной міра человѣческой личности. А отъ этого признанія Бѣлинскій вскорѣ перешелъ къ „соціальности“ и соціализму—и это стало его новой вѣрой, его высшимъ „синтезомъ“—синтезомъ былого утвержденія разумности міра съ недавнимъ отрицаніемъ его. Эта вѣра оставалась непоколебленной до 1846-года.

IX.

Мучительная борьба происходила въ душѣ Бѣлинскаго; мы видѣли, что особенно обострилась борьба эта со времени его переѣзда въ Петербургъ,—а съ внѣшней стороны жизнь Бѣлинскаго протекала въ это время въ однообразномъ руслѣ, спокойномъ и размѣренномъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ эта тусклая петербургская жизнь угнетала Бѣлинскаго, несмотря на его новую свѣтлую вѣру, а можетъ быть именно вслѣдствіе контраста съ этой свѣтлой вѣрой... Какъ бы то ни было, но Бѣлинскій освободился отъ былой нищеты, освободился отъ долговъ; „Отеч. Записки“ давали ему сперва 3500 р., а позднѣе около 5000—6000 рублей ассигн. въ годъ (около 1500 р. на теперешнія деньги). Въ Петербургѣ онъ жилъ одиноко, хотя и окруженный друзьями и почитателями; но среди этихъ новыхъ друзей не было человѣка, въ которомъ Бѣлинскій могъ бы видѣть равнаго себѣ. „Многихъ людей я отъ души люблю въ Петербургѣ,—писалъ Бѣлинскій Боткину 31 окт. 1840 г.,—многіе люди и меня любятъ тамъ больше, чѣмъ я того стою; но, мой Боткинъ, я одинъ, одинъ, одинъ! Никого возлѣ меня!..“ Эти новые друзья Бѣлинскаго—И. И. Панаевъ, М. А. Языковъ, Н. Н. Тютчевъ, М. Т. Кульчицкій, И. И. Масловъ, И. И. Ханенко, А. С. Комаровъ, Зиновьевъ и др.—были все очень милые люди, „добрые малые“; но въ обществѣ „добрыхъ малыхъ“ Бѣлинскій, разумѣется, долженъ былъ чувствовать себя одинокимъ. Къ этому же кружку принадлежалъ и К. Д. Кавелинъ—въ юные годы ученикъ Бѣлинскаго, а теперь, въ 1842 году, магистрантъ, работавшій надъ своей диссертаціей,

которую Бѣлинскій оцѣнилъ позднѣе; теперь же Бѣлинскій только подтрунивалъ надъ „молодымъ глуздыремъ", какъ онъ называлъ Кавелина. Въ кружкѣ этомъ,—разсказываетъ Кавелинъ,—Бѣлинскаго „не только нѣжно любили и уважали, но и побаивались": „это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ,... не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для (передовыхъ) идей и стремленій,... отдавался имъ страстно, наполнялъ ими свою жизнь. Прибавьте къ этому гражданскую политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ при большомъ самолюбіи—и вы поймете, почему этотъ человѣкъ царилъ въ кружкѣ самодержавно...[59]"). Но это „самодержавіе" было такое, отъ котораго Бѣлинскій радъ былъ бы отказаться. Когда онъ познакомился въ 1843 году съ И. С. Тургеневымъ, то съ видимымъ удовольствіемъ онъ писалъ про него своему другу Боткину: „это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ,—и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры..." (31 марта 1843 г.). И самому Тургеневу Бѣлинскій вскорѣ (8 іюля 1843 г.) писалъ то же самое: „если бы вы уѣхали изъ Питера, я не зналъ бы куда и дѣваться; съ вами я отводилъ душу—это не гипербола, а сущая правда..." Но Тургеневъ вскорѣ уѣхалъ за-границу, гдѣ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ и встрѣтился съ Бѣлинскимъ; впрочемъ къ тому времени, а особенно послѣ заграничной поѣздки Бѣлинскаго, между нимъ и Тургеневымъ произошло нѣкоторое охлажденіе. Другія знакомства завязались у Бѣлинскаго; онъ сблизился съ Некрасовымъ, съ Анненковымъ,—но и въ дружбѣ съ ними не было равенства между сторонами, Бѣлинскій былъ попрежнему одинокъ.

Такъ Бѣлинскій „самодержавствовалъ“ въ кругу своихъ друзей и знакомыхъ, „добрыхъ малыхъ“, среди которыхъ онъ былъ „одинъ, одинъ, одинъ“... Это гнетущее одиночество дѣлало то, что даже въ разгаръ своей новой свѣтлой вѣры, въ разгаръ восторженной проповѣди о блаженномъ будущемъ человѣчества—Бѣлинскій продолжалъ ясно видѣть „хвостъ дьявола“ на всей своей личной жизни. И если иногда онъ пытался оправдать свои муки настоящаго свѣтлой вѣрой въ блаженство будущаго, говоря, что „судьба налагаетъ на насъ схиму, мы должны страдать, чтобы нашимъ внукамъ было легче жить“ [60]),—то другой разъ его возмущала эта безчеловѣчная теорія. „Будешь видѣть на всемъ хвостъ дьявола,—восклицаетъ съ горечью Бѣлинскій,—когда видишь себя живого въ саванѣ и въ гробѣ, съ связанными назади руками. Чтó мнѣ въ томъ, что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Что мнѣ въ томъ, что моимъ или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть, чѣмъ быть живымъ трупомъ!“ [61]). И вотъ рядомъ съ радостной вѣрой въ грядущее блаженство человѣчества у Бѣлинскаго идетъ жгучее отчаяніе, горе о мукахъ личной своей жизни: „въ общемъ для меня есть еще надежды, и страсти, и жизнь; для себя—ничего. Скучно, холодно, пусто; на какое-либо личное счастье—никакой надежды. Горе! горе! Жизнь разоблачена!“ (20 апр. 1842 г.). Оставалась одна литература, одна журнальная дѣятельность—но и въ ней Бѣлинскій чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. „Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи“,—говоритъ Бѣлинскій въ одномъ изъ писемъ къ Боткину. Бѣлинскій чувствовалъ себя „трибуномъ“, политическимъ дѣятелемъ, онъ чувствовалъ въ себѣ силу глаголомъ жечь

сердца людей, проповѣдуя имъ свою новую вѣру въ соціализмъ, въ разумное устроеніе человѣчества; а обстоятельства принуждали его ограничиться областью исторіи русской литературы. Правда, и въ этой области онъ былъ трибуномъ, былъ апостоломъ новой вѣры, разума, добра и человѣчности—насколько это было возможно при „кнутобойной“ цензурѣ того времени; горькія жалобы Бѣлинскаго на эту цензуру сплошь да рядомъ встрѣчаешь въ перепискѣ Бѣлинскаго. Но и задавленный, задушенный николаевской цензурой, Бѣлинскій былъ и оставался въ литературѣ пророкомъ, будившимъ мысль, пробуждавшимъ сознаніе. „Статьи Бѣлинскаго—разсказываетъ Герценъ—судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ, съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли Отечественныя Записки; тяжелый номеръ рвали изъ рукъ въ руки. „Есть Бѣлинскаго статья?“—„Есть“*)—и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало“... („Былое и Думы“, гл. XXV). Бѣлинскій зналъ объ этомъ, онъ сознавалъ значеніе своей журнальной дѣятельности; но цензурное кнутобойство, а позднѣе и подневольность журнальнаго труда, подчиненіе Краевскому, необходимость рецензировать всякій вздоръ—„всѣ эти и другія причины огадили мнѣ русскую литературу и вранье о ней сдѣлали пыткою“,—говоритъ самъ Бѣлинскій (6 февр. 1843 г.). Такимъ образомъ и литературная дѣятельность не спасла его отъ того „хвоста дьявола“, который Бѣлинскій видѣлъ на всѣхъ проявленіяхъ своей личной жизни.

И чтобы уйти отъ этого мучительнаго сознанія, чтобы уйти отъ невыносимаго одиночества, чтобы создать себѣ хоть

---

*) Надо замѣтить при этомъ, что ни одна статья Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“ не была съ его подписью; въ отдѣлѣ критики и библіографіи всѣ статьи были безыменныя, отчего журнальные враги Бѣлинскаго и звали его „безыменнымъ критикомъ“.

иллюзію личной жизни съ ея страстью, счастіемъ, горемъ, радостью—Бѣлинскій обратился къ карточной игрѣ въ кругу „добрыхъ малыхъ“, своихъ знакомыхъ и друзей. Въ концѣ 1842-го года Бѣлинскій научился играть въ преферансъ, и сталъ дни и ночи отдавать этой „благородной игрѣ“... Видно, велико было отчаяніе, велика душевная пустота, если Бѣлинскій могъ, въ разгаръ своей радостной вѣры въ грядущее блаженство людей, предаваться этой благородной игрѣ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь, хоть какъ-нибудь заглушить свое сверлящее горе. Это сопоставленіе на первый взглядъ смѣшно: чуть ли не „міровая скорбь“ съ одной стороны и „благородная игра“ въ преферансъ—съ другой; но Бѣлинскому, сознававшему причины своей страсти къ картамъ, было не до смѣха. „Дую себѣ въ преферансъ, — пишетъ Бѣлинскій Боткину 6 февраля 1843 года,—ставлю ремизы страшные, ибо и игру знаю плохо, и горячусь, какъ сумасшедшій, — на мѣлокъ я долженъ рублей около 300, а переплатилъ мѣсяца въ два (какъ началъ играть въ преферансъ) рублей полтораста—благородная, братецъ, игра преферансъ! Я готовъ играть утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ: ты поймешь, что есть (курс. нашъ)... Надеждъ на жизнь никакихъ, ибо фантазія уже не тѣшитъ, а дѣйствительность глубоко понята“. Кавелинъ въ своихъ воспоминаніяхъ подробно разсказываетъ объ этой карточной игрѣ Бѣлинскаго въ кругу своихъ друзей; онъ и не подозрѣвалъ, что преферансъ былъ для Бѣлинскаго своего рода гашишемъ, которымъ тотъ опьянялъ себя, чтобы забыться отъ сверлящаго душу горя и найти въ игрѣ хоть иллюзію личной жизни. Кавелинъ и не подозрѣвалъ, что стоитъ за страстью Бѣлинскаго къ карточной игрѣ; этого Бѣлинскій имъ не разсказывалъ. И только въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій изливалъ свою душу, скорбѣлъ, мучился и попрежнему „вопилъ“ отъ нравственной боли, задыхаясь въ окружавшей его „расейской дѣйствительности“,

Грядущее счастье человѣчества—это хорошо и утѣшительно, слѣдуетъ работать во имя его; но не можетъ эта мысль уврачевать боль Бѣлинскаго въ настоящемъ. Новая свѣтлая вѣра не уничтожила ѣдкаго отчаянія Бѣлинскаго; вѣря въ радостное будущее людей — себѣ самому онъ иногда готовъ пожелать только смерти. Онъ завидуетъ Боткину, въ то время увлеченному своей трагикомической сердечной исторіей (такъ красочно описанной впослѣдствіи Герценомъ въ очеркѣ „Базиль и Армансъ“, изъ „Былого и Думъ“), ибо переживаніе самаго остраго, мучительнаго чувства есть все же жизнь, а не прозябаніе. „Питать какое бы то ни было чувство, какой бы то ни былъ интересъ—пишетъ Бѣлинскій Боткину — все же лучше, чѣмъ въ тоскѣ, апатіи, съ холоднымъ отчаяніемъ убивать время на преферансъ, ставить ремизы, проигрывать послѣднія деньжонки, бѣситься, дойти до мальчишескаго малодушія, сдѣлаться притчею во языцѣхъ... Есть же такіе несчастные люди,—продолжаетъ Бѣлинскій,—надъ которыми отъ рожденія тяготѣетъ проклятіе и которымъ нѣтъ удачи ни въ дѣлѣ, ни въ пустякахъ, и нѣтъ надежды на какое-либо счастіе въ жизни. Усталъ я, брате, и мысль о смерти какъ-то чаще приходитъ на умъ и какъ-то меньше прежняго леденитъ сердце, „гдѣ такъ безплатно, такъ напрасно съ враждой боролася любовь“, а умъ съ глупостью... Ждать уже нечего, и въ душѣ распространяется холодъ, сырость и смрадъ могилы. Я держался глупостью—подпора упала—и я падаю съ нею...“ (31 марта 1843 года). Какою это „глупостью“ держался Бѣлинскій? „Глупость“ эта—очевидно та самая былая вѣра въ жизнь, вѣра въ міръ, которою когда-то жилъ Бѣлинскій. Вѣра эта упала—и не можетъ замѣнить ее новая вѣра Бѣлинскаго въ будущую разумную жизнь, въ будущій золотой вѣкъ на землѣ, потому что Бѣлинскій самъ жаждетъ жизни, любитъ эту нелѣпую, мучительную человѣческую жизнь. И если въ минуты усталости и апатіи онъ иногда думаетъ о смерти, то въ другія минуты онъ дорожитъ своею жизнью, какъ бы тя-

жела она ни была. А между тѣмъ тяжелая журнальная работа и еще болѣе тяжелый мучительный душевный кризисъ уже окончательно подорвали жизненныя силы Бѣлинскаго; чахотка прогрессировала медленно, но вѣрно. Еще въ концѣ 1839-го года Бѣлинскій писалъ Боткину, что „грудь физически здорова,—противъ обыкновенія,—я даже не кашляю“; значитъ уже довольно давно въ Москвѣ началась въ немъ эта болѣзнь. Къ началу 1843 года болѣзнь приняла уже серьезныя формы; Бѣлинскій началъ лѣчиться „гидропатіей“.— „прѣю въ паровой ваннѣ, а потомъ леденѣю въ холодной, а тамъ костенѣю подъ дождемъ и душею“,—еще больше ускоряя этимъ теченіе своей болѣзни. „Я боленъ и крѣпко боленъ“ — сознаетъ самъ Бѣлинскій. „Журналъ губитъ меня. Здоровье мое съ каждымъ днемъ ремизится, и въ душу вкрадывается грустное предчувствіе, что я скоро останусь безъ шести въ сюрахъ, т.-е. отправлюсь туда, куда страхъ какъ не хочется идти. Жизнь ничего мнѣ не дала, но люблю жизнь; смерть сулитъ мнѣ вѣчный покой, но не люблю смерть...“ И, точно оправдываясь, Бѣлинскій прибавляетъ: „не упрекаю себя за малодушіе—такая натура моя, и въ ея любви къ жизни я вижу живое начало“ [62]). Еще бы!

Уже давно стремился Бѣлинскій заполнить любовью одиночество и тоску своей личной жизни. Еще въ 1836 году въ Прямухинѣ онъ полюбилъ глубоко и мучительно (иначе онъ не умѣлъ чувствовать) А. А. Бакунину, но встрѣтилъ съ ея стороны только пренебреженіе, взглядъ „сверху внизъ“... Съ отчаяніемъ въ душѣ, потерявъ надежду на взаимность, Бѣлинскій, по его же выраженію, „упалъ совершенно и лежалъ въ грязи...“ Любовь эта воскресла еще разъ въ 1838 году— но тоже неудачно, и Бѣлинскій съ тяжелымъ сердцемъ уѣхалъ черезъ годъ въ Петербургъ, отказавшись отъ всякой надежды. Въ Петербургѣ, также какъ и раньше въ Москвѣ, были у него мелкія увлеченія—въ родѣ той „исторіи съ гризеткою“, какая упоминается и въ перепискѣ Бѣлинскаго и въ воспо-

минаніяхъ о немъ [63]); впрочемъ, слова „мелкія увлеченія“ трудно примѣнимы къ „неистовому Виссаріону“: онъ и въ мимолетныя увлеченія вносилъ всю неистовость, всю страстность своей натуры. Такъ, напримѣръ, осенью 1840 года съ нимъ случилась „маленькая исторія: простая дѣвушка, не красавица, а только что недурная, не граціозная, но и не безъ граціи — будь въ ней побольше идеальныхъ элементовъ, побольше стремленія къ очарованіямъ внутренней жизни, побольше пониманія поэзіи,—и я жилъ бы теперь весело и видѣлъ бы хорошіе сны“... Такъ пишетъ Бѣлинскій Боткину 10 дек. 1840 года. Казалось бы—простая исторія, одна изъ самыхъ обычныхъ, обыденныхъ; но Бѣлинскій и въ нее внесъ всю „неистовость“ своей натуры, и ее перестрадалъ мучительно. Вотъ что писалъ онъ Боткину двумя мѣсяцами раньше (4 окт. 1840 г.), еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго: „недавно со мною (съ мѣсяцъ назадъ) случилась новая исторія, которая до основанія потрясла всю мою натуру, возвратила мнѣ слезы и безконечное, томительное, страстное порываніе—и кончилась ничѣмъ, какъ и прежде. Долго ли это продолжится!.. Всякому своя доля, но, право, сквернѣй моей ничего нельзя вообразить. Натура страстная, любящая—танталова жажда, вѣчно остающаяся безъ удовлетворенія!..“

Быть можетъ для него было бы лучше, если бъ и всѣ послѣдующія „исторіи“ кончились попрежнему „ничѣмъ“. Такъ окончился „ничѣмъ“—на этотъ разъ уже со стороны Бѣлинскаго—третій и послѣдній актъ его любви къ А. А. Бакуниной въ 1841—1843 гг.; но зато въ томъ же 1843 году Бѣлинскій женился на М. В. Орловой. Стоитъ прочесть только письма Бѣлинскаго—„жениха“ (—„подлое слово, чтобъ чортъ приснился тому, кто его выдумалъ!“—восклицаетъ Бѣлинскій) къ его „невѣстѣ“, чтобы увидѣть, какъ больно ударила сразу же Бѣлинскаго жизнь. Не останавливаюсь на этой слишкомъ извѣстной исторіи, которая была для Бѣлинскаго нерадостнымъ предуказаніемъ будущаго. Иллюзій „счастливаго брака“

быть не могло, и Бѣлинскій не обольщалъ себя иллюзіями. Много страданій принесла ему семейная жизнь. Послѣ трехъ лѣтъ этой жизни онъ говорилъ (въ письмѣ къ Боткину, въ мартѣ 1846 г.), что за эти три года онъ „пережилъ да передумалъ—и уже не головою, какъ прежде—право лѣтъ за тридцать...“; и въ это же самое время, въ статьѣ о Кольцовѣ, онъ съ горечью замѣчалъ: „всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь...“ Но это были только рѣдкія вспышки, когда Бѣлинскій говорилъ о своей семейной жизни; вообще же онъ замкнулся въ себѣ и ничего никому не говорилъ о своей жизни въ кругу семьи. Можно только предполагать, что „бракъ“ Бѣлинскаго былъ лучшимъ комментаріемъ къ извѣстнымъ намъ письмамъ Бѣлинскаго о бракѣ, женщинѣ и сенсимонизмѣ.

Такъ смирились „высокопарныя мечтанья“ юности Бѣлинскаго, такъ были погребены иллюзіи и надежды его молодости. Отъ одиночества онъ искалъ спасенія въ семейной жизни; быть можетъ, онъ былъ бы радъ потомъ найти спасеніе отъ семейной жизни—въ быломъ одиночествѣ...

Не будемъ останавливаться также на литературной дѣятельности Бѣлинскаго въ это время. До начала 1846 года Бѣлинскій работалъ въ „Отеч. Запискахъ“ Краевскаго, чѣмъ дальше, тѣмъ больше тяготясь этой подневольной работой, которая высасывала послѣднія силы Бѣлинскаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше нарастало сознаніе, что надо такъ или иначе разорвать связывающія цѣпи, спасти здоровье, спасти способность работать... „Я—Прометей въ каррикатурѣ,—горько шутилъ Бѣлинскій:—Отечественныя Записки—моя скала, Краевскій—мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ...“ Въ письмахъ своихъ Бѣлинскій часто чуть-ли не съ ненавистью отзывался о своей журнальной тяжелой работѣ, но въ то же время изъ-подъ пера его выходили страстныя, кипучія статьи, кристаллизировавшія въ себѣ всѣ итоги великихъ исканій Бѣлинскаго. „Моя статья и я—всегда нѣчто

нераздѣльное“—говорилъ самъ Бѣлинскій, и именно въ этой нераздѣльности кроется отвѣтъ на то, какъ могъ Бѣлинскій совмѣщать въ своей душѣ и страстную любовь и ненависть къ литературѣ, къ своей журнальной дѣятельности. Какъ ни тяжело приходилось ему отъ подневольной журнальной работы, какъ ни проклиналъ онъ въ письмахъ свой рабскій трудъ, но всегда въ душѣ своей сознавалъ онъ ту великую общественную миссію, которая была возложена на его плечи; всегда онъ могъ бы повторить слова, сказанныя имъ еще въ 1840 году: „умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку Отечественныхъ Записокъ. Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь...“

Въ началѣ 1846 года Бѣлинскій бросилъ „Отеч. Записки“ Краевскаго и отправился, на средства друзей, въ полугодовое путешествіе по Россіи, чтобы отдохнуть отъ журнальной работѣ и отъ своей изнуряющей болѣзни. Вернулся онъ осенью въ Петербургъ еще болѣе изнуреннымъ, но не утратившимъ бодрости и душевныхъ силъ, и тотчасъ же принялъ близкое участіе въ возрожденномъ пушкинскомъ „Современникѣ“, „который—писалъ Бѣлинскій—сдѣлается по преимуществу критическимъ журналомъ, лишь бы только здоровье мое позволило...“ Но здоровье не позволяло. Не успѣлъ Бѣлинскій вернуться къ ноябрю 1846 г. изъ своего путешествія по Россіи, не успѣлъ дать въ „Современникъ“ нѣсколько статей, какъ доктора уже въ январѣ 1847 года стали посылать его на воды за границу, въ Силезію. И Бѣлинскій хотѣлъ вѣрить, что „за границею можно закрѣпить готовый развязаться и расползтись узелъ жизни...“ Друзья Бѣлинскаго снова устроили ему эту поѣздку лѣтомъ 1847 года въ Германію и Парижъ, гдѣ Бѣлинскій снова увидѣлся со своими старыми друзьями (М. Бакунинымъ, Герценомъ). Къ осени Бѣлинскій вернулся въ Петербургъ—и вернулся уже почти умирающій. Ему оставалось еще только полъ-года жизни...

И вотъ въ это самое время, въ послѣдніе два-три года своей жизни, Бѣлинскій—изнуренный, медленно умирающій—продолжалъ свой прежній, великій путь—путь вѣчнаго творчества, вѣчной неудовлетворенности достигнутымъ, путь великихъ исканій. Въ душѣ его происходилъ новый мучительный процессъ переоцѣнки старыхъ цѣнностей, разрывъ со старой вѣрой, ростъ новыхъ взглядовъ. „Вѣчная движимость"—эти слова самого Бѣлинскаго характеризуютъ сущность натуры Бѣлинскаго...

X.

Около пяти лѣтъ Бѣлинскій оставался вѣренъ своей вѣрѣ въ соціализмъ, и проповѣдывалъ ее съ обычной своей страстностью, увлеченіемъ, неистовствомъ; себя въ прошломъ—онъ ненавидѣлъ за „романтическое прекраснодушіе", за подчиненіе человѣка „Общему", какъ бы оно ни называлось; былую свою вѣру въ „Премудрую Благость"—презиралъ. Въ письмѣ къ Герцену [64]), разсказывая о впечатлѣніи отъ книжки „парижскаго Ярбюхера", Бѣлинскій, между прочимъ, говоритъ: „два дня я отъ нея былъ бодръ и веселъ... Истину я взялъ себѣ— и въ словахъ Богъ и религія вижу тьму, мракъ, цѣпи и кнутъ, и люблю теперь эти два слова, какъ слѣдующія за ними четыре"... Эту свою новую истину Бѣлинскій могъ проповѣдывать только устно друзьямъ; на головы всѣхъ противниковъ своей новой вѣры онъ слалъ яростныя проклятія и насмѣшки. Онъ сознавалъ эту свою нетерпимость—и справедливо видѣлъ въ ней одно изъ лучшихъ качествъ своей натуры. Умѣренному оппортунисту Боткину онъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ, мѣтко указалъ: „вообще ты съ твоею терпимостью доходишь до нетерпимости, именно тѣмъ, что исключаешь нетерпимость изъ числа великихъ и благородныхъ источниковъ силы и достоинства человѣческаго"... [65]). Это была боевая натура благородно нетерпимая и неспособная ни къ какимъ компромиссамъ. И какъ разъ въ эпоху начала своего соціализма Бѣлинскій писалъ одному изъ своихъ друзей: „иногда мнѣ бываетъ досадно на себя за эту тяжелость и негибкость моей натуры; но что мнѣ дѣлать съ собою: я рожденъ, чтобы называть вещи ихъ настоящими именами, я

въ мірѣ боецъ... и за то меня искренно любятъ человѣкъ десять, и ненавидятъ сотни людей"... [66]). Такимъ благородно нетерпимымъ бойцомъ, страстнымъ апостоломъ новой вѣры прошелъ Бѣлинскій и стадію соціализма—и подошелъ, въ концѣ своей жизни, къ новымъ сомнѣніямъ, новымъ исканіямъ, новымъ разочарованіямъ и надеждамъ: „вѣчная движимость", повторяю, была вѣчнымъ удѣломъ Бѣлинскаго [67]).

Прежде — мы видѣли — Бѣлинскій хотѣлъ „французской жизни, параллельной нѣмецкимъ книгамъ"; ставши соціалистомъ, онъ сдѣлался рьянымъ поклонникомъ французскаго генія и въ литературѣ (Жоржъ-Зандъ, Луи Бланъ) и въ политической жизни (Леру). И именно въ этой области постигло его первое разочарованіе: мало-по-малу онъ сталъ замѣчать въ своихъ герояхъ и тѣневыя стороны, а затѣмъ, по вѣчной крайности и благородной нетерпимости своей натуры, сталъ ненавидѣть то, чему раньше поклонялся. Есть основанія предполагать, что еще въ 1846 году, послѣ своей поѣздки по Россіи, Бѣлинскій разочаровался въ близкомъ практическомъ осуществленіи идеаловъ утопическаго соціализма. Послѣ поѣздки въ 1847 году за-границу, онъ разочаровался и въ дѣятельности самой партіи французскихъ утопистовъ; наконецъ, около этого же времени разочаровался онъ и въ значеніи научно-литературныхъ трудовъ представителей французскаго соціализма.

Эта новая переоцѣнка основъ міровоззрѣнія началась, повидимому, еще во время путешествія Бѣлинскаго по Россіи лѣтомъ 1846 года. Съ начала весны и до конца этого года Бѣлинскій не писалъ статей, такъ какъ путешествовалъ и не имѣлъ въ своемъ распоряженіи журнала; письма же этого времени адресованы имъ главнымъ образомъ женѣ, съ которой бы онъ не сталъ говорить о происходящемъ съ нимъ новомъ переломѣ. А что переломъ совершился именно въ это время—это какъ нельзя яснѣе показываетъ намъ первая же статья Бѣлинскаго въ первомъ номерѣ „Современника" за 1847 годъ;

и переломъ этотъ коснулся не частностей, а главнаго стержня всего міровоззрѣнія Бѣлинскаго. Правда, въ новомъ журналѣ Бѣлинскій измѣнилъ и нѣкоторыя частности своихъ критическихъ взглядовъ, измѣнилъ тонъ отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ и нѣкоторымъ вопросамъ, для того, чтобы сразу разорвать съ традиціей журнала Краевскаго; но на этихъ частностяхъ мы не будемъ здѣсь останавливаться. Гораздо важнѣе оцѣнить сущность того глубокаго внутренняго переворота, который опредѣляется словами—потеря Бѣлинскимъ вѣры въ соціализмъ.

Мы внимательно слѣдили за душевнымъ переломомъ Бѣлинскаго въ 1840—1841 гг., когда онъ отъ признанія „разумной дѣйствительности“ міра и жизни пришелъ къ отчаянію, къ невѣрію въ жизнь, къ признанію безсмысленности ея; мы видѣли, въ чемъ тогда Бѣлинскій нашелъ спасеніе—онъ нашелъ его въ новой вѣрѣ, въ признаніи „разумной дѣйствительности“ не міра и жизни вообще, а только будущей земной жизни человѣчества. Для Бѣлинскаго начался періодъ „соціальности“, вѣры въ соціализмъ—и продолжался съ 1841 по 1845 годъ; во второй половинѣ 1845 года Бѣлинскій, по словамъ познакомившагося съ нимъ тогда Достоевскаго, былъ еще ярымъ приверженцемъ утопическаго соціализма и съ жаромъ проповѣдывалъ его своему новому знакомому. А годомъ позднѣе Бѣлинскій пишетъ статью, въ которой уже ясно выражается потеря вѣры въ соціализмъ („Взглядъ на русскую литературу 1846 г.“ и сл.); еще годомъ позднѣе, въ письмахъ къ друзьямъ, онъ уже крайне рѣзко отзывается о соціалистахъ, какъ мы это еще отмѣтимъ ниже. Въ указанной вышѣ статьѣ Бѣлинскій опредѣленно отказывается отъ „мечтаній“ утопическаго соціализма: онъ говоритъ, что Европу теперь занимаютъ „новые великіе вопросы“, интересоваться которыми и слѣдить за которыми необходимо всѣмъ; но въ то же время „для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что примѣнимо къ

нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія"...

Врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что одной изъ главныхъ причинъ этого разочарованія въ общепримѣнимости и всеспасительности принциповъ утопическаго соціализма и коммунизма—могло быть продолжительное путешествіе Бѣлинскаго по всей Россіи лѣтомъ 1846 года. Хорошо было Бѣлинскому вѣрить въ близкое осуществленіе коммунизма и жертвовать на это осуществленіе фиктивные милліоны (см. воспоминанія Гончарова), сидя въ своемъ кабинетѣ на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина, кв. № 43 (тамъ жилъ Бѣлинскій въ 1845 г. [68]); но стоило уйти на полгода отъ своего книжнаго и кружкового уединенія, стоило проколесить по Россіи тысячъ пять верстъ, чтобы убѣдиться, какъ безконечно далеки отъ николаевской Россіи идеалы утопическаго соціализма. Славянофиламъ (а послѣ нихъ—родоначальнику народничества, Герцену) казалось, что русская поземельная община есть уже отчасти осуществленіе идеаловъ коммунизма; но Бѣлинскій скептически относился къ этой вѣрѣ и видѣлъ въ ней отраженіе вліяній утопическаго соціализма: „лучшіе изъ славянофиловъ—писалъ онъ къ Анненкову 15 февр. 1848 г.—смотрятъ на народъ совершенно такъ, какъ мой вѣрующій другъ [69]); они высосали эти понятія изъ соціалистовъ"... Бѣлинскій видѣлъ, что въ русской дѣйствительности того времени на очереди стояло вовсе не осуществленіе коммунистическихъ идеаловъ, а уничтоженіе крѣпостного права; въ проблемахъ и рѣшеніяхъ европейскаго соціализма „нашего только то, что примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ... У себя, въ себѣ, вокругъ себя—вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и ихъ рѣшенія",—приведемъ мы еще разъ слова Бѣлинскаго. Потерявъ вѣру въ утопическій соціализмъ, Бѣлинскій тѣмъ сильнѣе ухватился за неотложныя проблемы русской дѣйствительности.

Но дѣйствительность эта не радовала; и въ то же время безъ вѣры Бѣлинскій жить не могъ. Тяжело отозвалась на немъ эта потеря вѣры въ самоосвобожденіе народа, въ ближайшее счастье человѣчества; въ письмахъ 1846—1847 г. мы снова встрѣчаемъ глубоко пессимистическія ноты былого невѣрія въ жизнь. Жить не стоитъ. Не изъ-за чего хлопотать. „Жизнь наполнена ужаснаго юмора". „Тяжело и грустно! Чортъ возьми, иной разъ, право, дѣлается легко и весело отъ мысли, что жизнь—фантасмагорія, что, какъ мы ни волнуемся, а придетъ же время, когда и кости наши обратятся въ пыль"... (письмо къ Кавелину отъ 7 дек. 1847 г.). Но и этотъ ударъ и эту потерю вѣры вынесъ и выдержалъ Бѣлинскій; о немъ можно было бы повторить то, что самъ онъ въ началѣ 1846 года сказалъ въ одной изъ своихъ статей: „какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь сладковато-мистическія утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастья нравственно-слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей"... Бѣлинскій понесъ съ собою тяжелую ношу сознанія, что грядущее счастье человѣчества—только мечта, которою онъ обманывалъ себя и которая такъ же мало оправдываетъ горе и муки настоящаго, какъ и всякая „сладковато-мистическая" вѣра въ будущее земное или небесное блаженство. И подобно тому, какъ въ 1840—41 г., отказавшись отъ вѣры въ абсолютную „разумную дѣйствительность" міра и жизни, Бѣлинскій пришелъ къ признанію правъ единичной личности, такъ и теперь, въ 1846 году, отказавшись отъ мысли оправдывать міръ и жизнь грядущимъ разумнымъ устроеніемъ человѣчества, Бѣлинскій снова вернулся къ признанію самодовлѣющаго значенія за человѣ-

ческой личностью. Уже въ первой своей статьѣ въ „Современникѣ“ Бѣлинскій возвращается къ вопросу о личности и подробно говоритъ о томъ, о чемъ не говорилъ уже лѣтъ пять, съ тѣхъ поръ какъ „личность“ была для него заслонена „человѣчествомъ“. Въ цѣломъ рядѣ писемъ 1847—1848 гг. Бѣлинскій снова и снова разрабатываетъ вопросъ о личности и съ этической и съ соціальной точки зрѣнія.

„Человѣкъ—самъ себѣ цѣль“: такъ говорилъ Бѣлинскій въ письмѣ къ М. Бакунину еще десятью годами ранѣе (21 ноября 1837 г.). Мысль эту онъ особенно часто повторялъ и подчеркивалъ въ своихъ статьяхъ 1841 года; теперь онъ снова возвращается къ ней. Человѣкъ—самоцѣль: это признаніе можетъ стать новой вѣрой, новымъ Богомъ Бѣлинскаго, ибо, по его же извѣстнымъ намъ словамъ, человѣкъ безъ Бога—трупъ холодный, жизнь человѣка—въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ... И этимъ Богомъ снова становилась теперь для Бѣлинскаго реальная человѣческая личность, страдающій и блаженствующій человѣкъ, человѣкъ-самоцѣль. Гдѣ оправданіе этихъ человѣческихъ страданій?—объективнаго оправданія имъ нѣтъ, но субъективное оправданіе лежитъ въ самой жизни: такъ теперь сталъ думать Бѣлинскій. Объективная цѣлесообразность, разумность міра и жизни, совершенство его sub specie aeternitatis—все это, когда-то признавшееся Бѣлинскимъ, теперь ненавистно ему: „совершенство есть идея абстрактнаго трансцендентализма,—пишетъ онъ Боткину 17 февр. 1847 г.,—и потому оно—подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизни его...“

Такова этическая сторона вопроса о личности въ пониманіи Бѣлинскаго; но не меньше вниманія удѣляетъ онъ и соціальной сторонѣ этого вопроса. Бѣлинскій беретъ не изо-

лированную личность, а личность, связанную съ настоящимъ, прошлымъ и будущимъ; немедленно вслѣдъ за только что приведенными фразами изъ письма 17 февраля 1847 г. онъ говоритъ объ „историческомъ прогрессѣ, живой связи, проходящей живымъ нервомъ по живому организму исторіи человѣчества...“ И второе не противорѣчитъ первому—индивидуализмъ и общественность не только не противорѣчатъ, но даже и обусловливаютъ другъ друга; мы видимъ это и изъ статей Бѣлинскаго въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг., и изъ его писемъ этой эпохи.

Въ концѣ 1847 года Бѣлинскій совершилъ еще одинъ, послѣдній этапъ на пути своей „вѣчной движимости“; этимъ послѣднимъ шагомъ былъ окончательный отказъ отъ былой „вѣры въ народъ“ и признаніе исключительной роли личности въ будущемъ освобожденіи народа.

Насъ не долженъ удивлять этотъ быстрый, но неизбѣжный поворотъ во взглядахъ Бѣлинскаго: вѣдь мы знаемъ, что развитіе его взглядовъ всегда совершалось, по его же словамъ, „зигзагами“, мы знаемъ что Бѣлинскій всегда былъ „человѣкомъ экстремы“, по выраженію Герцена. „Мнѣ не суждено попадать въ центръ истины, откуда въ равномъ разстояніи видны всѣ крайнія точки ея круга: нѣтъ, я какъ то всегда очутюсь на самомъ краю“... „Ты знаешь мою натуру: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь со старою идеею, отрицаю ее до́-нельзя, а въ новою перехожу со всѣмъ фанатизмомъ прозелита“,—такъ говорилъ о себѣ въ письмахъ самъ Бѣлинскій (къ Боткину, отъ 28 іюня и 8 сент. 1841 г.) Интересно отмѣтить, что въ статьяхъ своихъ Бѣлинскій крайне рѣзко отзывался о людяхъ способныхъ стоять только на „крайнихъ“ точкахъ зрѣнія: „крайность есть нелѣпость, плодъ ограниченности ума и мелкости духа“; „только посредственность и ограниченность способны фанатически предаться какой-нибудь односторонности и упрямо закрывать глаза на

весь остальной Божій міръ, противорѣчащій исключительности ихъ тѣснаго убѣжденія"... И это Бѣлинскій убѣжденно высказывалъ тогда, когда, самъ того не сознавая, съ головою сидѣлъ въ односторонности ошибочно истолкованнаго гегеліанства *)... Уже отсюда видно, что Бѣлинскій былъ не правъ: односторонность и крайность совмѣстимы съ широтою ума, съ глубиною духа, съ яркимъ талантомъ, съ горячимъ убѣжденіемъ; и тѣмъ цѣннѣе тогда та доля истины, которая заключена въ этой крайности...

Уйти отъ „крайностей" Бѣлинскій не могъ, и въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни подошелъ къ новой „односторонности" въ своемъ взглядѣ на общество и его ближайшія задачи. Разочаровавшись въ соціализмѣ, Бѣлинскій перешелъ къ обсужденію реальныхъ задачъ современной ему русской дѣйствительности—главнымъ образомъ крѣпостного права; онъ тщательно слѣдилъ за проблесками движенія въ этомъ направленіи и правительства и общества; онъ отмѣчаетъ попытки правительства (напримѣръ, указъ 2 апр. 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ), собираетъ слухи объ отношеніи къ этому вопросу Николая I, восхищается направленной противъ крѣпостного права статьей Заблоцкаго-Десятовскаго (въ №№ 5—6 „Отеч. Записокъ" 1847 г.)—и заявляетъ въ письмѣ конца 1847 г. къ Анненкову, что „видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ, и надо взять иную дорогу"... Эта новая вѣра оживляла Бѣлинскаго—вѣра не въ далекое грядущее блаженство и разумное устроеніе всего человѣчества, а въ ближайшее освобожденіе отъ рабства русскаго народа. Но какъ свершится это освобожденіе? Бѣлинскій долгое время думалъ и надѣялся, что народъ самъ освободитъ себя; это убѣжденіе было въ немъ сильно еще лѣтомъ 1847 года, во время его заграничной поѣздки. Въ Парижѣ Бѣлинскій встрѣ-

*) Впрочемъ, и позднѣе не разъ Бѣлинскій въ своихъ статьяхъ осуждалъ „фанатическое увлеченіе крайностями, эту болѣзнь одностороннихъ умовъ".

тился съ М. Бакунинымъ, вѣра котораго въ народныя силы доходила до фанатизма; но именно эта фанатическая вѣра и поколебала убѣжденіе Бѣлинскаго. „Странный я человѣкъ!— восклицалъ полугодомъ позднѣе Бѣлинскій:—когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, піэтистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли,—тутъ я и назадъ“... И онъ прибавляетъ: „мой вѣрующій другъ (т.-е. Бакунинъ,—И.-Р.) и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности“... (письмо къ Анненкову отъ 15 февр. 1848 г.). Къ этому въ другомъ мѣстѣ онъ прибавлялъ, что всегда и все дѣлалось черезъ средній слой общества—буржуазію.

Познакомившись, въ началѣ своего увлеченія соціализмомъ, съ извѣстной работой Луи Блана „Histoire des Dix Ans“, Бѣлинскій восторженно писалъ Боткину [70]): „превосходное твореніе! Для меня оно было откровеніемъ. Луи Бланъ—святой человѣкъ; личность его возбудила во мнѣ благоговѣйную любовь“... Прошло четыре года—и Бѣлинскій снова ознакомился съ новой книгой Луи Блана „Histoire de la révolution française“ (Paris, 1847 [71]). „Прочелъ я книгу Луи Блана,—писалъ Бѣлинскій Боткину изъ Дрездена:—этому человѣку природа не отказала ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, но онъ хотѣлъ ихъ увеличить собственными средствами—и оттого у него вмѣсто великой головы и великаго сердца вышла раздутая голова и раздутое сердце. Въ его книгѣ много дѣльнаго и интереснаго; она могла бы быть замѣчательно хорошею книгою; но Блашка умѣлъ сдѣлать изъ нея прескучную и препошлую книгу. Людовикъ XIV унизилъ, видишь, монархизмъ, эманципировавши церковь во Франціи отъ Рима! О, лошадь! Буржуазія у него еще до сотворенія міра является врагомъ человѣчества и кон-

спирируетъ противъ его благосостоянія, тогда какъ по его же книгѣ выходитъ, что безъ нея не было бы той революціи, которою онъ такъ восхищается, и что ея успѣхи—ея законное пріобрѣтеніе. Ухъ, какъ глупъ—мочи нѣтъ!".. [72]).

Уже изъ одной этой цитаты можно вывести заключеніе о новыхъ взглядахъ Бѣлинскаго. Сущность этого новаго заключалась въ историческомъ пониманіи и прошлаго, и будущаго человѣчества; въ частности—такое отношеніе появилось у Бѣлинскаго и къ буржуазіи и ея прогрессивной роли въ нѣкоторые опредѣленные періоды исторіи народа [73]). Ясно, что послѣ этого утопическій соціализмъ не могъ остаться руководящимъ міровоззрѣніемъ Бѣлинскаго; уже давно онъ говорилъ, что лучше плыть безъ всякой руководящей нити, чѣмъ пользоваться невѣрнымъ или только кажущимся руководительствомъ: „безъ руля и компаса не годится пускаться въ море; но по моему мнѣнію, лучше пуститься въ море совсѣмъ безъ руля и компаса, нежели, по невѣдѣнію, вмѣсто руля взять въ руки утиное перо, а вмѣсто компаса—оловянные часы"... [74]). Такими „оловянными часами" сталъ теперь для Бѣлинскаго утопическій соціализмъ; въ своихъ письмахъ 1847—1848 годовъ онъ не одинъ разъ обрушивается на представителей этой „добродѣтельной партіи", какъ онъ теперь иронически именуетъ французскихъ утопическихъ соціалистовъ. Теперь онъ ихъ называетъ „только шумливой, а въ сущности безсильной и ничтожной партіей", „новыми музульманами, у которыхъ Руссо —Алла, а Робеспьеръ—пророкъ его" (въ письмѣ къ Анненкову отъ 1 марта 1847 года); мѣсяцемъ раньше, въ письмѣ къ Боткину, Бѣлинскій отозвался о нихъ еще рѣзче, восхищаясь Литтре: „вотъ человѣкъ! Отъ него морщится Revue des Deux Mondes, хотя и печатаетъ его статьи; а соціальные и добродѣтельные ослы не въ состояніи понять его. Я безъ ума отъ Литтре, именно потому, что онъ равно не принадлежитъ ни къ издраченнымъ подлецамъ и ворамъ-умникамъ Journal des Débats, ни вздраченнымъ соціалистамъ—этимъ

насѣкомымъ, вылупившимся изъ навозу, которымъ заваленъ задній дворъ генія Руссо"... [75]). Зная характеръ и „неистовство" Бѣлинскаго, можно было быть увѣреннымъ, что это несправедливое презрѣніе къ французскимъ утопическимъ соціалистамъ вскорѣ распространится и обобщится; характернымъ примѣромъ этого является одинъ отрывокъ изъ письма Бѣлинскаго тоя же эпохи, въ которомъ онъ пренебрежительно говоритъ о „нахальной недобросовѣстности, свойственной французамъ", вспоминая Петра Леру, „который, обругавъ Гегеля, восхвалилъ Шеллинга, предполагая въ послѣднемъ своего союзника, и оправдываясь, когда его уличили въ невѣжествѣ, тѣмъ, что онъ узналъ все это отъ достовѣрнаго человѣка"... [76]).

Не надо думать, что, разочаровавшись во французскомъ утопическомъ соціализмѣ, Бѣлинскій сталъ „либераломъ", сторонникомъ умѣреннаго и постепеннаго прогресса; мы только что видѣли, что Бѣлинскій одинаково рѣзко относился и къ соціалистамъ въ родѣ Леру, и къ либераламъ изъ J. des Débats. Если онъ возненавидѣлъ французскій геній, то это именно прежде всего за жалкое соціальное и политическое положеніе Франціи непосредственно передъ назрѣвавшей революціей 1848 года. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Боткину изъ-за границы Бѣлинскій, разсказывая новость о проворовавшихся конституціонныхъ французскихъ министрахъ, восклицаетъ „о, tempora! о, mores! о, XIX-ый вѣкъ! о, Франція—земля позора и униженія! Ея лицо теперь—плевательница для всѣхъ европейскихъ государствъ!" [77]). Слишкомъ надо было любить „субстанцію" великой Франціи, чтобы съ такой ѣдкой горечью высказаться о ея „временномъ опредѣленіи", выражаясь обычными терминами эпохи гегеліанства Бѣлинскаго. Такую же ненависть испытывалъ теперь Бѣлинскій и къ нѣмцамъ—не къ великой сущности этого народа, а къ тѣмъ проявленіямъ, съ которыми чаще всего приходится сталкиваться; именно духъ умѣренности и постепенства въ этомъ народѣ былъ наиболѣе ненавистенъ Бѣлинскому—и именно въ эпоху его раз-

очарованія соціализмомъ. Въ цитированномъ выше письмѣ къ Боткину изъ Дрездена мы находимъ слѣдующее интересное мѣсто: „скука—мой неразлучный спутникъ, и жду не дождусь, когда ворочусь домой. Что за тупой, за пошлый народъ нѣмцы—святители! У нихъ въ жилахъ течетъ не кровь, а густой осадокъ сквернаго напитка, извѣстнаго подъ именемъ пива, которое они лупятъ и наяриваютъ безъ мѣры. Однажды за столомъ (въ гостиницѣ—И.-Р.) былъ у нихъ разговоръ о штендахъ. Одинъ и говоритъ: „я люблю прогрессъ, но прогрессъ умѣренный, да и въ немъ больше люблю умѣренность, чѣмъ прогрессъ". Когда Тургеневъ передалъ мнѣ слова этого истаго нѣмца, я чуть не заплакалъ, что не знаю по-нѣмецки и не могу сказать ему: „я люблю супъ, сваренный въ горшкѣ, но и тутъ я больше люблю горшокъ, чѣмъ супъ"... Но всего не перескажешь объ этомъ народѣ, скроенномъ изъ остатковъ и обрѣзковъ"... [78]).

Во всемъ этомъ интересно очень многое,—и прежде всего то, что, уже разойдясь съ утопическимъ соціализмомъ, Бѣлинскій никоимъ образомъ не приблизился къ либеральному, умѣренному постепеновству. Другая очень важная сторона—разочарованіе въ единоспасающей роли Европы для Россіи. Выходки противъ Франціи и Германіи обозначали собою, разумѣется, не шовинизмъ или націонализмъ Бѣлинскаго, а зарождающееся его народничество,—народничество не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ вообще вѣры Бѣлинскаго въ великія силы и возможности Россіи. Элементъ вѣры въ Россію, въ богатыя силы и возможности ея, въ ея самобытное развитіе—элементъ, такъ ярко выразившійся впослѣдствіи у Герцена, этого великаго родоначальника народничества, былъ уже на лицо и у Бѣлинскаго послѣднихъ двухъ лѣтъ жизни и дѣятельности. „Я—натура русская,—писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ послѣдняго времени Бѣлинскій:—скажу тебѣ яснѣе: je suis un russe, et je suis fier de l'être"... [79]). Тутъ же, въ этомъ же письмѣ, Бѣлинскій открещивался отъ

„нашихъ квасныхъ патріотовъ, славяноп..довъ (—такъ онъ часто называлъ славянофиловъ,—И.-Р.), витязей прошедшаго и обожателей настоящаго"; онъ подчеркивалъ, что всѣ свои надежды возлагаетъ только на будущее. „Русская личность—писалъ онъ въ томъ же письмѣ—пока эмбріонъ, но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбріона, какъ душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость"... Смерть не дала времени Бѣлинскому развить эти свои послѣдніе взгляды на значеніе „русской личности" въ европейскомъ мірѣ; выпавшую изъ рукъ Бѣлинскаго нить поднялъ Герценъ и продолжалъ ея развитіе въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

Итакъ, неудовлетворенный утопическимъ соціализмомъ, Бѣлинскій, какъ видимъ, искалъ, еще и еще разъ искалъ новыхъ путей. Отъ утопизма онъ пришелъ къ реализму, искалъ реальной опоры своимъ всечеловѣческимъ идеаламъ. Теперь, въ 1847—1848 гг., вниманіе его направлено не на коммуну и фаланстеръ, а на возможность уничтоженія рабства въ Россіи; онъ не вѣритъ въ возможность скораго освобожденія „снизу", а возлагаетъ свои надежды на „личность". Такъ было съ нимъ въ области политической и соціальной, такъ было и въ области философской мысли. Снова личность становится центромъ вниманія Бѣлинскаго (и это опять таки роднитъ его съ послѣдующимъ народничествомъ Герцена, Чернышевскаго, Лаврова и Михайловскаго); снова подтверждаетъ онъ свой отказъ отъ всякихъ абсолютныхъ нормъ, снова возвращается къ мысли о великомъ субъективномъ значеніи жизни человѣка. „Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его. Застрахуй его отъ смерти, болѣзни, случая, горя—и онъ турецкій паша, скучающій въ вѣковомъ блаженствѣ, хуже—онъ превратится въ скота" [80])... И этому „несовершенному" человѣку свойственны великіе идеалы совершенства, истины, справедливости, красоты; индивидуализмъ

сочетается съ общественностью, человѣкъ съ человѣчествомъ; въ итогѣ получается историческій прогрессъ, живая связь, проходящая живымъ нервомъ по животному организму исторіи человѣчества“,—какъ писалъ Бѣлинскій въ только что цитированномъ письмѣ. Однимъ словомъ, Бѣлинскій разочаровался только въ утопическомъ соціализмѣ, но такъ какъ тогда иного и не было, то ему казалось, что онъ отошелъ отъ соціализма вообще. Въ сущности же онъ остался яркимъ „общественникомъ“, чему нисколько не противорѣчило снова вспыхнувшее въ немъ преклоненіе передъ реальной человѣческой личностью. Выше мнѣ уже приходилось подчеркивать, что именно въ статьяхъ Бѣлинскаго послѣднихъ лѣтъ мы имѣемъ яркій примѣръ сочетанія идей личности и общества, что индивидуализмъ и общественность не только не противорѣчатъ, но даже и обусловливаютъ другъ друга, что мы видимъ это и изъ статей Бѣлинскаго въ „Современникѣ“ 1847—1848 гг., и изъ его писемъ этой эпохи. Такъ, повторяю, было въ области соціальной и политической мысли, такъ было и въ области религіозной и философской. Бѣлинскій, въ области соціальной и политической, все больше и больше приближался къ политическому, соціальному и всяческому иному реализму; въ области философской мысли мы видѣли тоже переходъ Бѣлинскаго отъ былыхъ „романтическихъ“ упованій на объективную разумность міра вообще и на разумное устроеніе Человѣчества въ будущемъ—къ признанію только субъективной осмысленности міра и жизни для каждой реальной личности.

Остановились ли бы на этой точкѣ великія исканія неистоваго Виссаріона? Или снова отъ человѣка онъ перешелъ бы къ Богу—новыми, углубленными путями? Или понялъ бы, что человѣкъ соединяетъ въ себѣ и Человѣчество и Бога? Смерть не дала времени Бѣлинскому еще разъ поставить и пересмотрѣть эти вопросы. Но и безъ того Бѣлинскій къ концу жизни могъ бы повторить о себѣ знаменитыя слова:

Богъ былъ моей первой мыслью, человѣчество—второй, человѣкъ—третьей и послѣдней. Всѣ эти три мысли—и религіозныя идеи, и общественныя тенденціи, и индивидуалистическіе мотивы—мы отмѣтили еще въ „Дмитріи Калининѣ“ двадцатилѣтняго Бѣлинскаго. И мы видимъ теперь, что всю послѣдующую свою жизнь отдалъ онъ все тѣмъ же великимъ исканіямъ—„неугасимо нося въ сердцѣ своемъ прометеевъ огонь юности, всегда живо сочувствуя свободной идеѣ, и никогда не покоряясь оцѣпеняющему времени или мертвящему факту“...

Бѣлинскій умеръ 26 мая 1848 года, не доживъ нѣсколькихъ дней до полныхъ 37 лѣтъ. Онъ умеръ сравнительно молодымъ—и все-таки понятіе „молодости“ неприложимо къ Бѣлинскому послѣднихъ лѣтъ жизни: слишкомъ много онъ пережилъ, слишкомъ много передумалъ, слишкомъ много перечувствовалъ, во многое страстно вѣрилъ, во многомъ горько разочаровался. Не даромъ прожилъ онъ свою недолгую жизнь—и заслужилъ этой мятущейся жизнью ненарушаемый „вѣчный покой“; намъ осталась—„вѣчная память“ о немъ.

XI.

Великія исканія не умираютъ, но надолго переживаютъ великихъ искателей, уже достигшихъ послѣдней истины, уже обрѣтшихъ „вѣчный покой". Давно уже умеръ Бѣлинскій, прошло уже сто лѣтъ со дня его рожденія и три-четверти вѣка со времени его великихъ исканій; мы отпраздновали уже вѣковой юбилей жизни великаго искателя. Всякій „юбилей" есть выявленіе связи между прошлымъ и настоящимъ; въ каждомъ „юбилеѣ" неизбѣженъ и элементъ историчности и элементъ своего рода „злободневности". Этотъ второй элементъ особенно проявляется именно въ условіяхъ русской жизни. Казалось бы, что можетъ быть „историчнѣе", напримѣръ, полуторасто-лѣтняго юбилея со времени появленія „Наказа" Екатерины II (этотъ „юбилей" почти совпадаетъ со столѣтней годовщиной со дня рожденія Бѣлинскаго); а между тѣмъ стоитъ только вспомнить тѣ требованія—чисто теоретическія,—которыя выставляла Екатерина II въ этой книгѣ, чтобы отъ „историчности" невольно перейти къ „злободневности". Введеніе всеобщаго обученія, полная вѣротерпимость, уничтоженіе административнаго ареста,—но вѣдь это самые острые вопросы сегодняшняго дня! Точно также, если мы обратимся къ эпохѣ юности Бѣлинскаго и припомнимъ современные ей историческіе факты—аракчеевщину, разгромъ Магницкимъ университетовъ, побѣду изувѣра архимандрита Фотія надъ министромъ Голицынымъ, декабрьское возстаніе и пр., и пр.,—то, вѣроятно, съ недоумѣніемъ спросимъ себя: чего здѣсь больше—историчности или злободневности? Это же самое скажемъ мы, окинувъ общимъ взглядомъ великія исканія

неистоваго Виссаріона: вѣдь все то, о чемъ мы говорили выше, изучая Бѣлинскаго—все это вопросы сегодняшняго дня, которые sub aspectis novis продолжаютъ доселѣ разрабатываться новыми поколѣніями русской интеллигенціи. Идеалистическая вѣра, мучительныя сомнѣнія, мистицизмъ и реализмъ, бунтъ религіозной и философской мысли, индивидуализмъ, общественность, глубокая вѣра въ соціализмъ и даже „разочарованіе“ въ соціализмѣ—не есть ли это исторія послѣднихъ десяти лѣтъ жизни русскаго общества? Исторія повторяется—если не въ фактахъ, то въ общественныхъ настроеніяхъ.

Каковы бы ни были, однако, эти „общественныя настроенія“—они мимолетны, а великія исканія—вѣчны. И даже послѣ далекаго окончательнаго осуществленія великихъ—соціалистическихъ—реформъ, даже послѣ устроенія соціальной жизни человѣчества,—всегда останутся въ силѣ, никогда не умрутъ философскія и религіозныя исканія истины, всегда будутъ даваться отвѣты на тѣ вопросы, которые въ свое время и юноша Бѣлинскій ставилъ въ своей драмѣ, которыми онъ мучился всю жизнь, которые поистинѣ составляли трагедію всей его жизни. Мучительность и страстность его исканій, великіе порывы чувства и неутомимыя исканія великаго слова истины,—дѣлаютъ значеніе Бѣлинскаго неумирающимъ и вѣчнымъ. И въ области соціальной, и въ области религіозной мысли знаменемъ русской интеллигенціи вѣчно будетъ великій искатель—Виссаріонъ Бѣлинскій.

Великій искатель:—ни къ кому другому эти слова не примѣнимы съ такимъ правомъ, какъ къ самому Бѣлинскому; „вѣчная движимость“—была свойствомъ его души, алчущей и жаждущей истины и справедливости. Всю жизнь страстно билось его сердце въ поискахъ за справедливостью; всю жизнь томилась его великая душа въ стремленіи къ истинѣ. Если бы онъ былъ только великій литературный критикъ и историкъ литературы—его дѣятельность была бы почтенна, заслуживала бы глубокаго вниманія позднѣйшихъ литератур-

ныхъ критиковъ и историковъ литературы; но Бѣлинскій сверхъ этого былъ еще и великимъ религіознымъ искателемъ— а потому жизнь и дѣятельность его имѣетъ до сихъ поръ не только историческій, но и глубокій современный интересъ, который живъ будетъ вѣчно. Съ ранней юности стали передъ нимъ тѣ вѣчные вопросы, на которые нѣтъ отвѣта и на которые каждый человѣкъ долженъ дать свой отвѣтъ. Мы видѣли, какую бурю произвело столкновеніе этихъ вопросовъ въ душѣ юноши Бѣлинскаго: въ своей юношеской драмѣ „Дмитрій Калининъ“ онъ вплотную подошелъ къ тому, что навсегда стало содержаніемъ всей его жизни, всей его литературной дѣятельности. Міромъ правитъ ли Богъ, или отдалъ Онъ свой міръ на откупъ Дьяволу? Этотъ вопросъ отравилъ сердце юноши; а тому, кто отравленъ, кто задался этимъ вопросомъ—нѣтъ больше спокойствія въ жизни, пока не найдетъ онъ успокаивающей вѣры, или не сдѣлаетъ своею вѣрою невѣріе въ міръ и жизнь. Все это испыталъ Бѣлинскій. Страстно, мучительно, со всѣмъ напряженіемъ мысли и чувства, всю свою жизнь искалъ онъ Бога, находилъ и терялъ, любилъ и проклиналъ, вѣрилъ и отчаивался. Нѣтъ лучшаго эпиграфа ко всей жизни Бѣлинскаго, какъ библейская фраза, которую самъ онъ примѣнялъ къ себѣ: ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка. „Читали ли вы когда Ветхій Завѣтъ?—писалъ онъ, какъ мы знаемъ, Н. Бакунину въ 1842 году, уже во время своего церковнаго атеизма:—знаете ли вы, чтó такое ревность по Господѣ, снѣдающая человѣка? Что человѣкъ безъ Бога?—Трупъ холодный. Его жизнь въ Богѣ, въ Немъ онъ и умираетъ, и воскресаетъ, и страдаетъ, и блаженствуетъ. А что такое Богъ, если не понятіе человѣка о Богѣ?“

Всю жизнь снѣдала Бѣлинскаго ревность по Господѣ, всю жизнь Бѣлинскій умиралъ и воскресалъ, страдалъ и блаженствовалъ въ своемъ Богѣ. Сперва это была вѣра въ Премудрую Благость, правящую міромъ, вѣра въ Абсолютный

Духъ, въ абсолютную разумную дѣйствительность всего сущаго. Цѣлое десятилѣтіе, всѣ тридцатые годы жилъ Бѣлинскій этой вѣрою; но на порогѣ сороковыхъ годовъ пришелъ мучительный кризисъ: вѣра эта пошатнулась, заколебалась и рухнула. Наступилъ двухлѣтній періодъ мятущихся исканій, мучительнаго невѣрія въ жизнь и въ ея силы; мы видѣли, какую тяжелую душевную трагедію пережилъ въ это время Бѣлинскій. Наконецъ, пришла мало-по-малу новая вѣра въ новаго Бога—вѣра въ Человѣчество, вѣра въ разумность будущаго его устроенія на землѣ, вѣра въ „соціализмъ". Года четыре, лѣтъ пять жилъ Бѣлинскій этой новой вѣрой, объясняя ею всю жизнь въ ея цѣломъ, стастьемъ будущихъ поколѣній оправдывая несчастье живущихъ и раньше жившихъ. Но и этой вѣрѣ пришелъ конецъ; въ 1846 году въ душѣ Бѣлинскаго произошелъ новый кризисъ, новый переломъ; Человѣчество перестало быть его Богомъ. Все свое вниманіе обратилъ теперь Бѣлинскій на Человѣка, на реальную человѣческую личность. Бѣлинскій пересталъ искать абсолютныхъ отвѣтовъ на вопросы жизни, пересталъ искать объективнаго оправданія жизни въ Богѣ или Человѣчествѣ; пусть себѣ правитъ міромъ кто хочетъ, Богъ, или Дьяволъ, или никто; но не можетъ этотъ Правящій лишить жизнь человѣка ея великаго внутренняго содержанія. „Совершенство—слышали мы слова Бѣлинскаго (1847 г.)—есть идея абстрактнаго трансцендентализма, и потому оно—подлѣйшая вещь въ мірѣ. Человѣкъ смертенъ, подверженъ болѣзни, голоду, долженъ отстаивать съ бою жизнь свою—это его несовершенство, но имъ-то и великъ онъ, имъ-то и мила и дорога ему жизнь его"... Смерть не дала Бѣлинскому времени твердо прійти къ этимъ новымъ взглядамъ и развить ихъ; это выпало на долю Герцена, который началъ съ того, чѣмъ кончилъ Бѣлинскій. Герценъ—это непосредственное продолженіе Бѣлинскаго въ исторіи русской общественной мысли.

Что же? Богъ, Человѣчество, Человѣкъ:—и Гер-

ценъ тоже шелъ по этой дорогѣ? И его великія исканія можно охарактеризовать этой формулой Фейербаха? Но въ такомъ случаѣ, кто же не шелъ по этому пути? И не выйдутъ ли тогда всѣ портреты великихъ людей на одно лицо?

Да, всѣ мы, сознательно или безсознательно идемъ по этой дорогѣ, миновать ее не можетъ никто; но на ней—тысячи тропинокъ, пересѣкающихся, переплетающихся, и нѣтъ двухъ человѣкъ, которые бы свершили этотъ жизненный путь по одной и той же тропинкѣ. И если они встрѣчались на пересѣченіи тропинокъ, то тутъ же расходились далеко въ разныя стороны. Есть въ русской литературѣ, кромѣ Бѣлинскаго, великій искатель — слава Россіи, міровое имя: Левъ Толстой. И онъ шелъ по тому же пути, и его великія исканія знаменовались словами — Богъ, Человѣчество, Человѣкъ. Но много ли общаго между исканіями его и Бѣлинскаго? Надо пройти за Л. Толстымъ весь его путь, какъ мы прошли его за Бѣлинскимъ, чтобы убѣдиться, какъ могутъ быть разны великія исканія на единомъ великомъ пути.

Это намъ еще предстоитъ. Теперь мы только прошли за Бѣлинскимъ, шагъ за шагомъ прослѣдили душевныя муки, духовныя скитанія и великія исканія Бѣлинскаго въ теченіе всей его недолгой жизни. Кто не знаетъ и не понимаетъ ихъ—тотъ не знаетъ и не понимаетъ всего Бѣлинскаго, не чувствуетъ души его произведеній, не сознаетъ смысла его дѣятельности. Великую историко-литературную работу взялъ на себя и совершилъ Бѣлинскій въ своей журнальной дѣятельности—и мы тщательно слѣдимъ за этой работой во вступительныхъ замѣткахъ къ его статьямъ; но сущность этой работы только тогда становится ясной, если понять внутреннюю жизнь Бѣлинскаго, его затаенныя переживанія, его страстныя исканія. Громадная умственная сила, соединенная съ громадной силой страсти—позволила Бѣлинскому на протяженіи десятка лѣтъ пережить и переработать въ душѣ своей тѣ міровоззрѣнія, развитіе которыхъ выпало на долю послѣ-

дующихъ поколѣній русской интеллигенціи. Никогда не устарѣютъ, никогда не будутъ забыты, никогда не потеряютъ цѣны критическія сужденія и историко-литературные взгляды Бѣлинскаго; но съ еще бо́льшимъ правомъ это можно повторить о тѣхъ глубокихъ переживаніяхъ его, которыя объясняютъ намъ всю литературную дѣятельность великаго критика. Онъ былъ не только критикомъ, не только литераторомъ; Бѣлинскій былъ всю свою жизнь великимъ неустаннымъ искателемъ невѣдомаго Бога — въ Немъ онъ и умиралъ и воскресалъ, и блаженствовалъ и страдалъ. Исканія эти не умрутъ никогда—и вѣчно живъ будетъ Бѣлинскій.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Бѣлинскій и Бакунинъ въ 1840 году.

(Неизданныя письма Бѣлинскаго).

Оживленная переписка, происходившая въ тридцатыхъ годахъ между Бѣлинскимъ и Бакунинымъ, до сихъ поръ извѣстна въ небольшой своей части: кое-что опубликовано въ книгѣ А. Пыпина, кое-что дополнено В. Гольцевымъ, кое-что пересказано своими словами П. Милюковымъ. Изданіе полностью всѣхъ писемъ Бѣлинскаго—насущная потребность для современной и будущей исторіи общественной мысли тридцатыхъ—сороковыхъ годовъ; какого интереса и значенія письма остались до сихъ поръ неопубликованными,—это можно отчасти видѣть и изъ настоящей книги.

Письма Бѣлинскаго къ Михаилу Бакунину — почти единственный матеріалъ для возсозданія развитія міровоззрѣнія Бѣлинскаго съ 1836 по 1839 годъ. Конецъ фихтіанства, начало гегліанства, осужденіе былого „идеальнаго прекраснодушія“ и преклоненіе передъ „великой дѣйствительностью“, — вотъ о чемъ по существу идетъ въ этихъ письмахъ рѣчь, переплетаясь съ „личной исторіей“ Бѣлинскаго (влюбленнаго тогда въ А. А. Бакунину, сестру „Мишеля“ Бакунина), съ цѣлымъ рядомъ семейныхъ и личныхъ дѣлъ. Въ этихъ письмахъ есть детали, совершенно невозможныя для печати; есть интимныя подробности громаднаго значенія для историка и психолога, но опубликованіе которыхъ не всегда возможно въ настоящее время. Переписка эта оборвалась послѣ громаднаго

письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ 12-го октября 1838 года; исторія этой переписки давно уже разсказана П. Милюковымъ въ его статьѣ „Любовь у идеалистовъ тридцатыхъ годовъ“. Бакунинъ сталъ презирать Бѣлинскаго какъ „пошляка“, „добраго малаго“, примирившагося съ „пошлой дѣйствительностью“; Бѣлинскій сталъ ненавидѣть Бакунина какъ ходульнаго героя, зараженнаго „рефлексіей“. Оба они были неправы въ своемъ отношеніи другъ къ другу, но во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что дружба ихъ оборвалась къ 1839 году. Вскорѣ Бакунинъ уѣхалъ на время въ Петербургъ; въ концѣ 1839 года туда переѣхалъ и Бѣлинскій. Они встрѣтились ненадолго въ Петербургѣ, послѣ чего Бакунинъ, къ началу 1840 года, возвратился въ Москву, откуда написалъ Бѣлинскому письмо. Бѣлинскій отвѣтилъ; возобновилась переписка, оборвавшаяся впрочемъ послѣ двухъ—трехъ писемъ: лѣтомъ того же 1840 года Бакунинъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда отправился за-границу, въ Берлинъ. Эти письма Бѣлинскаго къ Бакунину отъ начала 1840 года до сихъ поръ не были въ печати, а между тѣмъ они представляютъ по разнымъ причинамъ значительный интересъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ этимъ письмамъ, приведемъ нѣсколько касающихся Бакунина отрывковъ, еще неопубликованныхъ, изъ писемъ той же эпохи Бѣлинскаго къ Боткину. Первыя встрѣчи Бѣлинскаго съ Бакунинымъ въ Петербургѣ осенью 1839 года были болѣе дружелюбны, чѣмъ оба они могли ожидать послѣ „окончательной“, казалось бы, ссоры предыдущаго года. „Я думалъ увидѣться съ Мишелемъ (Бакунинымъ) какъ съ хорошимъ знакомымъ, но разстался съ нимъ какъ съ другомъ и братомъ души моей, — писалъ Бѣлинскій Василію Боткину 22 ноября 1839 года изъ Петербурга: — это, Василій, человѣкъ въ полномъ значеніи этого слова. Въ немъ сущность свята, но процессы ея развитія и опредѣленій дики и нелѣпы; но за это винить его по крайней мѣрѣ не мнѣ“... Нѣсколькими страницами ниже въ этомъ же

письмѣ Бѣлинскій снова говоритъ о Бакунинѣ: „Возвращаюсь къ Мишелю... Это — человѣкъ насквозь теплый, въ высшей степени задушевный, любящій, готовый принять въ другомъ все участіе, какого только можно желать. А что онъ умѣетъ любить глубоко и горячо, этому лучшее доказательство—я: кто больше меня ругалъ и оскорблялъ его, къ кому больше меня бывалъ онъ несправедливѣе, — и что же? Гдѣ бы онъ ни явился, съ кѣмъ бы ни познакомился, тамъ и тотъ уже знаетъ Бѣлинскаго... Погладь его по курчавой головкѣ,—право, онъ очень неглупъ, какъ я начинаю увѣряться. А сколько глубины, сколько инстинкта истины, какое сильное движеніе духа въ этомъ шутѣ!.. Да, я вновь познакомился съ Мишелемъ и отъ души, какъ друга и брата, обнимаю его на новую жизнь и новыя отношенія“... [81])

Но эти „новыя отношенія“ съ Бакунинымъ у Бѣлинскаго не завязались. 14 ноября 1839 года Бакунинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и сразу сталъ тамъ во враждебныя отношенія къ Боткину, всячески препятствуя „счастливой развязкѣ“ чувства Боткина къ его сестрѣ, А. А. Бакуниной. Бѣлинскаго это возмутило; къ тому же онъ всегда находилъ, что М. Бакунинъ вредно вліяетъ на своихъ сестеръ, дѣлая ихъ „рефлектирующими существами“. Мало-по-малу онъ сталъ снова все враждебнѣе и враждебнѣе относиться къ Бакунину; любить на-половину, съ оговорками, Бѣлинскій не умѣлъ; всякое чувство онъ переживалъ до дна, до конца. „Моя страстная, дикая натура,—писалъ онъ Боткину,—не умѣетъ иначе любить. И потому съ моею любовью такъ близко граничитъ и моя ненависть. Скажу тебѣ прямо, коротко и ясно: я ненавижу Мишеля,—не для него и за него, а за н и х ъ (за сестеръ Бакунина,—И. Р.), за его къ нимъ отношенія, за искаженіе ихъ божественныхъ натуръ... Чувствую, что не встрѣчалъ еще натуры, болѣе враждебной моей“... [82]) Въ послѣдующихъ письмахъ Бѣлинскаго къ Боткину (отъ 19 марта, 16 мая 1840 года и др.) мы найдемъ и неизмѣримо болѣе рѣзкіе выпады про-

тивъ Бакунина. Дружба ихъ снова оборвалась и, повидимому, окончательно [83]).

Какъ разъ въ это время возрастающей враждебности къ Бакунину Бѣлинскій получилъ отъ него два письма (въ концѣ февраля 1840 года). Письма эти, — какъ и вообще бо̀льшая часть писемъ къ Бѣлинскому,—не сохранились; зато сохранились отвѣтныя письма Бѣлинскаго. Одно изъ этихъ писемъ сохранилось полностью, другое извѣстно намъ только въ недатированномъ отрывкѣ (быть можетъ, оно найдется полностью въ Прямухинскомъ архивѣ Бакуниныхъ). Отрывокъ этотъ, хотя и безъ даты, несомнѣнно, относится къ началу марта 1840 года, такъ какъ въ немъ идетъ рѣчь о статьѣ Бакунина въ „Отечественныхъ Запискахъ", въ томѣ девятомъ: „Твоя статья уже напечатана, — пишетъ между прочимъ Бѣлинскій: — она привела Краевскаго въ восторгъ своей ясностью, послѣдовательностью и простотою; особенно его восхищаетъ твоя катка эмпиризму. Изъ статьи твоей вышло $1^1/_2$ листа съ небольшимъ"... Все это съ несомнѣнностью указываетъ на статью М. Бакунина „О философіи" („Отеч. Зап.", 1840 г., т. IX, отд. II, стр. 55—78; цензурное разрѣшеніе отъ 14 марта 1840 г.). Итакъ, отрывокъ письма Бѣлинскаго безъ даты относится къ марту 1840 года; Бѣлинскій отвѣчаетъ на письмо Бакунина,—и насъ не удивятъ начальныя строки отвѣта, если мы вспомнимъ приведенные выше отзывы о Бакунинѣ въ письмахъ того же времени Бѣлинскаго къ Боткину. Вотъ эти начальныя строки:

„Любезный Мишель, видъ твоего письма произвелъ во мнѣ такое впечатлѣніе, какъ будто бы у меня по тѣлу поползли мокрицы; долго я боролся между долгомъ прочесть его и желаніемъ разорвать, не прочтя. Мысль о полемикѣ, о прекраснодушныхъ и „москводушныхъ" продѣлкахъ, за которыя мало драть за уши и пороть розгами,—эта мысль была для меня кислѣе уксусу, вонючѣе... (забылъ по латыни) чортовыхъ (экскрементовъ), горше и отвратительнѣе самой гнусной мик-

стуры“... Но это были напрасныя опасенія: письмо Бакунина даже порадовало Бѣлинскаго; оно было простое, дружеское. Однако черезъ немного дней послѣ этого перваго своего письма къ Бѣлинскому въ Петербургъ, Бакунинъ написалъ другое, съ цѣлымъ рядомъ упрековъ по адресу Бѣлинскаго за его восхваленіе „дѣйствительности“, за его пренебреженіе къ „идеальности“, за примиреніе съ „толпой“, — простыми, „нормальными“, здоровыми „добрыми малыми“... Какъ ни хотѣлось Бѣлинскому избѣжать „прекраснодушной полемики“, но онъ не выдержалъ и отвѣтилъ Бакунину обширнымъ и интереснѣйшимъ для насъ письмомъ (отъ 26 февраля 1840 года). Письмо это слишкомъ велико, чтобы привести его здѣсь текстуально; мы приведемъ его только въ обширныхъ извлеченіяхъ, съ необходимыми комментаріями.

Бѣлинскій начинаетъ свой отвѣтъ сухой характеристикой „резонерскаго“ письма Бакунина, которое,—пишетъ онъ,— „усилило во мнѣ мою ненависть къ знанію, какъ сушильнѣ жизни“. Бѣлинскій ненавидитъ знаніе сухое, книжное, мертвое, отвлеченное отъ всѣхъ проявленій жизни; въ этомъ смыслѣ „наука не для меня; я—дилеттантъ!“—восклицаетъ онъ. Но именно такой ненавистный ему раціонализмъ, такую „рефлектированность“ видитъ онъ въ Бакунинѣ, во всей его сущности; видитъ—и ненавидитъ. „Я уважаю тебя,... но я не люблю тебя, ибо мнѣ ненавистенъ образъ твоихъ мыслей и еще ненавистнѣе ихъ осуществленіе“,—подчеркиваетъ Бѣлинскій и переходитъ къ тѣмъ обвиненіямъ, какія выставилъ противъ него Бакунинъ.

Первое и главное обвиненіе—пресловутое примиреніе Бѣлинскаго съ „дѣйствительностью“. Бакунинъ писалъ, повидимому, Бѣлинскому (это выясняется изъ неопубликованныхъ частей переписки Бѣлинскаго съ Боткинымъ), что даже весьма юный въ то время братъ М. Бакунина, Павелъ, иронизируетъ надъ статьями Бѣлинскаго и надъ той „дѣйствительностью“, которую принялъ Бѣлинскій. Бѣлинскій отвѣчаетъ: „Съ чего

ты взялъ, что моя дѣйствительность—пошлая, повседневная, грязная и до того несчастная, что надъ нею даже мальчишки подсмѣиваются? Правда, моя дѣйствительность — не твоя, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ она была такая, какой ты ее описываешь. Раны моего сердца, истекающаго живой, горячей кровью, свидѣтельствуютъ, что ты лжесвидѣтельствуешь на ближняго. Ты хоть бы спросилъ у Боткина: онъ сказалъ бы тебѣ, до какой степени я примирился съ повседневной дѣйствительностью"... Да,—продолжаетъ Бѣлинскій,—пошлой, ходульной, „идеальности" я всегда предпочту „самую ограниченную дѣйствительность и полезность въ обществѣ"... И въ видѣ примѣра Бѣлинскій беретъ свое отношеніе къ Чацкому, тѣмъ болѣе, что статья его о „Горѣ отъ ума" (напечатанная въ январской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" того же 1840 года) привела Бакунина въ негодованіе. Извѣстно, что годомъ позднѣе самъ Бѣлинскій съ возмущеніемъ вспоминалъ свои былыя выходки противъ „Горе отъ ума" вообще и Чацкаго въ частности; но теперь, въ началѣ 1840 года, Бѣлинскій былъ въ этомъ отношеніи непримиримъ и неумолимъ. „Чацкіе,—восклицаетъ онъ,—всегда будутъ смѣшны для меня, и я буду дѣлать ихъ смѣшными для многихъ, не заботясь, что мой пріятель приметъ эти нападки за личность и оскорбится ими [84]). Что такое Чацкій? Человѣкъ, который мечтаетъ о высшей любви, а любитъ б...ь, который всѣхъ ругаетъ за бездѣйствіе, а самъ ничего не дѣлаетъ, который сердится на дѣйствительность, которая въ его глазахъ скверна тѣмъ, что русскіе XIX вѣка бреютъ бороды и ходятъ во фракахъ, что они не подражаютъ китайцамъ въ незнаніи иноземцевъ, который говоритъ о прекрасномъ и высокомъ со скотами и пр., и пр. Какъ же на такихъ шутовъ не нападать? Они—первые враги всякой разумности, всякой истины. Но скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня съ ними никогда ничего общаго не будетъ"...

И Бѣлинскій энергично отмежевывается отъ „скотовъ",

тѣмъ болѣе, что и Бакунинъ, и Боткинъ приписали ему такое „примиреніе со скотами“ на основаніи нѣскольких строкъ изъ одного его письма къ Боткину. Вотъ эти горькія строки: „Полнота, полнота! Чудное, великое слово! Блаженство—не въ абсолютѣ, а въ полнотѣ, какъ отсутствіи рефлексіи при живомъ ощущеніи въ себѣ того участка абсолютной жизни, какой данъ тому или другому человѣку. Что моя абсолютность: я отдалъ бы ее, еще съ придачей послѣдняго сюртука, за полноту, съ какой иной офицеръ спѣшитъ на балъ, гдѣ много барышенъ и скачетъ штандартъ... Скучно, другъ Тряпичкинъ—ей-Богу, хоть бы умереть“... [85]). Этихъ горькихъ словъ Бѣлинскаго Бакунинъ совершенно не понялъ, понявъ ихъ въ томъ смыслѣ, что Бѣлинскій „завидуетъ скотамъ“. Бѣлинскій рѣзко возражаетъ (продолжаемъ письмо къ Бакунину отъ 26 февраля 1840 года): „Скоты всегда останутся для меня скотами, и у меня съ ними никогда ничего общаго не будетъ... Вы оба, ты и Боткинъ, не поняли моей зависти къ скотамъ: я завидую не офицеру, который идетъ на балъ къ барышнямъ, но офицеру, который безъ рефлексіи, въ полнотѣ глупой натуры своей, спѣшитъ на балъ, гдѣ проведетъ время въ самозабвеніи,—и я завидую, почему у меня нѣтъ способности не на балъ ѣхать, а хоть стихотвореніе Пушкина прочесть безъ рефлексіи, съ самозабвеніемъ. Ты говоришь мнѣ, что я ищу въ оргіяхъ выхода. Тутъ двѣ неправды: въ оргіяхъ я ищу не выхода, а минутнаго самозабвенія; ищу отрѣшенія не отъ страданія, а отъ отчаянія, отъ сухой, мертвящей апатіи. Потомъ, я не способенъ возвыситься даже до оргіи,—судьба и въ этомъ отказала мнѣ“... [86]).

Далѣе Бѣлинскій отъ защиты переходитъ къ нападенію и обрушивается на Бакунина за его „ходульность“, „рефлектированность“, презрѣніе ко всему „дѣйствительному“; онъ противопоставляетъ М. Бакунину его младшаго брата Николая, въ то время юнаго офицера, съ которымъ Бѣлинскій познакомился въ Петербургѣ. Во всѣхъ своихъ письмахъ этого вре-

мени Бѣлинскій восторженно отзывался о Николаѣ Бакунинѣ, какъ о непосредственной душѣ, „юной, свѣжей, простой, нормальной и могучей натурѣ". И въ настоящемъ письмѣ къ М. Бакунину Бѣлинскій выдвигаетъ противъ своего „философскаго друга", вмѣсто аргументовъ фигуру его брата, Н. Бакунина. Попутно Бѣлинскій разсказываетъ, какъ онъ читалъ съ Н. Бакунинымъ Пушкина; это мѣсто въ высшей степени интересно для пониманія воззрѣнія на Пушкина Бѣлинскаго.

„Ему (Николаю Бакунину),—разсказываетъ Бѣлинскій,—понравился парадоксъ Боткина, будто бы недостатокъ образованія и рефлексіи, сохранивъ полноту и природную цѣломудренность генія Пушкина, сжалъ его міросозерцаніе и лишилъ обилія нравственныхъ идей. Я ему сказалъ, что это, дескать,— вздоръ и чепуха. Міросозерцаніе Пушкина трепещетъ въ каждомъ стихѣ, въ каждомъ стихѣ слышно рыданіе міроваго страданія, а обиліе нравственныхъ идей у него безконечно, да не всякому все это дается и трудно открывается, потому что въ міръ пушкинской поэзіи нельзя входить съ готовыми идейками, какъ въ міръ рефлектированной поэзіи, и что когда Боткинъ будетъ поздоровѣе духомъ, то увидитъ это самъ. Не только-Шиллеръ,—самъ Гёте доступнѣе и толпѣ, и абстрактнымъ головамъ, которыя всегда найдутъ въ нихъ много доступнаго себѣ; но Пушкинъ доступенъ только глубокому чувству конкретной дѣйствительности. И потому петербургскіе чиновники и офицеры еще понимаютъ, почему Шиллеръ и Гёте велики, но Шекспира называютъ великимъ только изъ приличія, боясь прослыть невѣждами, а въ Пушкинѣ ровно ничего великаго не видятъ. Для меня въ этомъ фактѣ—глубокая мысль. Чтобы мою проповѣдь сдѣлать дѣйствительной, я схватилъ „Онѣгина" и прочелъ дуэль Ленскаго, начало 7-й и конецъ 8-й главы. Никогда я такъ не читалъ: меня посѣтило откровеніе, и слезы почти мѣшали мнѣ читать. Слушатель понималъ чтеца, и оба они понимали Пушкина. Я обратилъ его вниманіе на эту безконечную грусть, какъ основной элементъ

поэзіи Пушкина, на этотъ гармоническій вопль міроваго страданія, поднятаго на себя русскимъ Атлантомъ; потомъ я обратилъ его вниманіе на эти переливы и быстрые переходы ощущеній, на эти безпрестанные и торжественные выходы изъ грусти въ широкіе разметы души могучей, здоровой и нормальной, а отъ нихъ снова переходы въ неумолкающее гармоническое рыданіе міроваго страданія"... Это было написано почти три четверти вѣка тому назадъ; но много ли и теперь можно прибавить изъ всей громадной литературы о Пушкинѣ къ этимъ удивительнымъ по мѣткости и по силѣ чувства словамъ Бѣлинскаго?

Итакъ, Бѣлинскій приводитъ Пушкина какъ высшій образецъ божественной гармоніи, соразмѣрности и въ этомъ смыслѣ—„нормальности"; затѣмъ онъ снова возвращается къ Николаю Бакунину, побивая его „нормальностью" взвинченность и ходульность М. Бакунина и даже самого себя. „Чѣмъ больше узнаю я его,—говоритъ Бѣлинскій о Николаѣ Бакунинѣ,—тѣмъ болѣе люблю и тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что ты порешь дикій и безсмысленный вздоръ, говоря, что простота, нормальность и полнота натуры свойственны только скотамъ и пошлякамъ. Не худо бы и намъ съ тобой, Мишель, походить на этихъ скотовъ и пошляковъ: право, мы были бы лучше. Меня, Мишель, не умаслишь похвалами моей глубокой субстанціи и прочихъ вздоровъ, меня не увѣришь, что я страдаю оттого, что теперь все человѣчество страдаетъ: что общаго между мной и человѣчествомъ? Я не сынъ вѣка, а сукинъ сынъ. Я понимаю страданія какого-нибудь Страуса, котораго всякое мгновеніе было жизнью въ общемъ (не въ абстрактномъ и мертвомъ, а въ конкректномъ) и было жизнью дѣятельной; это—человѣкъ великій, геніальный: моей ли рожѣ тянуться до него?—высоко, не достанешь. Я страдаю отъ гнуснаго воспитанія, оттого, что резонерствовалъ въ то время, когда только чувствуютъ; былъ безбожникомъ и кощуномъ, не бывши еще религіознымъ; толко-

валъ о любви, когда еще у меня и....... .. ..; сочинялъ, не умѣя писать по линейкамъ; мечталъ и фантазировалъ, когда другіе учили вокабулы; не былъ пріученъ къ труду какъ къ святой объективной обязанности, къ порядку какъ единственному условію не безплоднаго труда, а сдѣлавшись самъ себѣ господинъ, не пріучалъ себя ни къ тому, ни къ другому, не развилъ въ себѣ элемента воли. Ко всему этому пресоединилась несправедливость судьбы, глубоко оскорбившая во мнѣ самыя священныя права индивидуальнаго человѣка"...

Этими строками заканчивается все наиболѣе существенное изъ письма Бѣлинскаго къ М. Бакунину отъ 26-го февраля 1840 года. Послѣ этого переписка двухъ былыхъ друзей снова оборвалась: они все дальше и дальше отходили другъ отъ друга. Тутъ вмѣшалась въ дѣло личная исторія,—любовь Боткина къ Александрѣ Бакуниной и отрицательное отношеніе М. Бакунина къ Боткину. Бѣлинскій всецѣло сталъ на сторону послѣдняго; мы уже указывали, что въ своихъ письмахъ къ Боткину отъ 14-го и 19-го марта, 16-го апрѣля, 16-го мая 1840 г. и др., Бѣлинскій обрушиваетъ громы и молніи на голову „Мишеля", называетъ его „гнуснымъ, подлымъ эгоистомъ, фразеромъ, дьяволомъ въ философскихъ перьяхъ" и т. п. Но въ этихъ же письмахъ—характерно!—мы находимъ и восторженный отзывъ Бѣлинскаго о статьѣ Бакунина, указанной нами выше. Никакія личныя отношенія не могли помѣшать Бѣлинскому воздать должное и друзьямъ, и врагамъ своимъ [87]).

Лѣтомъ 1840 года Бакунинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью ѣхать затѣмъ въ Берлинъ. Онъ зашелъ къ Бѣлинскому, и тутъ, на квартирѣ Бѣлинскаго, произошла тяжелая сцена столкновенія Бакунина съ Катковымъ; Бѣлинскій очень подробно описываетъ ее въ письмѣ къ Боткину отъ 12-го—16-го августа 1840 года [88]). Вскорѣ между Бѣлинскимъ и Бакунинымъ произошло объясненіе, не примирившее ихъ; къ

осени 1840 года Бакунинъ уѣхалъ за границу, враждебно разставшись съ Бѣлинскимъ.

Эта враждебность со стороны Бѣлинскаго продолжалась еще года два—три. Къ концу 1842 года до Бѣлинскаго „дошли хорошіе слухи о Мишелѣ“,—что онъ разошелся съ елейнымъ Вердеромъ (учителемъ Станкевича, правымъ гегеліанцемъ), что онъ принадлежитъ „къ лѣвой сторонѣ гегеліанизма съ Руге“ (издателемъ революціоннаго „Jahrbücher'а“), что въ журналѣ этомъ имъ помѣщена статья, подписанная Jules Elisard. Бѣлинскій написалъ М. Бакунину письмо; получилъ отвѣтъ; переписка возобновилась; къ сожалѣнію, письма эти не дошли до насъ, повидимому, не сохранились. Бѣлинскій сознаіъ несправедливость своей былой враждебности къ своему старому другу. „Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки: это—вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“, — писалъ Бѣлинскій Николаю Бакунину 7-го ноября 1842 года. Тремя недѣлями позднѣе Бѣлинскій писалъ ему же (28-го ноября 1842 года): „Мишель одержалъ надо мной побѣду, которой можетъ порадоваться... Я нисколько не раскаиваюсь и не жалѣю о моихъ размолвкахъ съ Мишелемъ,—все это было необходимо и быть иначе не могло. Гадки и пошлы ссоры личныя, но борьба за „понятія“ — дѣло святое, и горе тому, кто не боролся!“...

Старымъ друзьямъ суждено было встрѣтиться еще разъ въ Парижѣ, лѣтомъ 1847 года. Снова между ними возникли споры, снова возникла „борьба за понятія“; мы не будемъ здѣсь касаться этой борьбы. Во всякомъ случаѣ оба они воздавали другъ-другу должное. Прошло двадцать лѣтъ, и въ письмѣ 23-го ноября 1869 года къ Огареву Бакунинъ сказалъ о своемъ быломъ другѣ крылатое слово, восхищаясь „нашимъ русскимъ Дидеротомъ, нашимъ неумытнымъ реалистомъ по темпераменту и по натурѣ, Виссаріономъ Бѣлинскимъ!“

II.

Неизвѣстная статья Бѣлинскаго.

Въ концѣ 1841 года Бѣлинскій говорилъ о себѣ: „Я теперь въ новой крайности, это—идея соціализма, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія“... Онъ сталъ проповѣдывать эту идею соціализма „со всѣмъ фанатизмомъ прозелита“, по его же выраженію, и проповѣдью этой заполнены годы 1842 — 1846. Объ этомъ мы достаточно подробно говорили въ основной статьѣ настоящей книги. Но, разумѣется, это была проповѣдь только въ узкомъ кругу друзей; изрѣдка и въ письмахъ къ Боткину Бѣлинскій прорывался горячей тирадой въ честь соціализма, и то, конечно, только въ тѣхъ письмахъ, которыя шли „окказіей“, не по почтѣ, ибо „Шпекины,—писалъ Бѣлинскій,—распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ“... Въ этихъ письмахъ „по-окказіи“ Бѣлинскій восторженно говорилъ о грядущемъ соціалистическомъ хиліазмѣ, „тысячелѣтнемъ царствѣ Божіемъ на землѣ“, восклицалъ, что настанетъ время, и „Отецъ-Разумъ снова воцарится, но уже въ новомъ небѣ и надъ новой землей“, проповѣдывалъ единство человѣчества, какъ цѣльной, идеальной личности, и т. д., и т. д. (письма къ Боткину отъ 8-го сентября 1841 года, 20-го апрѣля 1842 г. и др.).

Въ своихъ журнальныхъ статьяхъ Бѣлинскій, разумѣется, не могъ прямо высказывать свои завѣтныя убѣжденія: проповѣдь соціализма въ тискахъ николаевской цензуры являлась, конечно, немыслимой. Бѣлинскаго иногда приводила въ отчая-

ніе эта невозможность подѣлиться съ читателями самыми цѣнными изъ своихъ новыхъ убѣжденій. „Истину я взялъ себѣ,— говорилъ однажды Бѣлинскій (въ письмѣ къ Герцену отъ 26-го января 1845 года),—но, вѣдь, я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и какъ я думаю. А чортъ ли въ истинѣ, если ее нельзя популяризовать и обнародовать?—мертвый капиталъ"...

И однако такая возможность все-таки была,—и причиной ея была та „глупость цензуры", которой иногда такъ восхищался Бѣлинскій. Цензура порой не пропускала самыхъ невинныхъ вещей и тутъ же одобряла вещи, которыя никто въ то время не могъ бы надѣяться напечатать. Неудивительно поэтому, что и въ статьяхъ Бѣлинскаго часто проскальзывали выраженія его новой вѣры, его новыхъ убѣжденій, особенно по цѣлому ряду частныхъ вопросовъ. Тѣмъ интереснѣе та его статья, въ которой мы находимъ обобщеніе всѣхъ этихъ его взглядовъ, поскольку обобщеніе это было возможно въ рамкахъ николаевской цензуры.

Въ 1841 году появилась книга „Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе Фридриха Лоренца. Часть первая. Санктпетербургъ". Книга эта была составлена изъ лекцій, читанныхъ Лоренцомъ въ педагогическомъ институтѣ, и была только простымъ компилятивнымъ учебникомъ; Бѣлинскому надо было написать статью объ этой книгѣ. Повидимому, онъ хотѣлъ уклониться отъ этой обязанности, считая себя недостаточно подготовленнымъ для критической статьи по такому спеціальному вопросу; въ декабрѣ—январѣ 1841—1842 года онъ гостилъ у Боткина въ Москвѣ и, повидимому, предложилъ послѣднему написать статью о книгѣ Лоренца. Боткинъ, быть можетъ, и пообѣщалъ, но обѣщанія своего не исполнилъ; это видно изъ слѣдующаго начала письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 17-го марта 1842 г.: „Вотъ мнѣ и опять пришла охота писать къ тебѣ, Боткинъ [89]). Но о чемъ писать?—право не знаю: и хочется и не о чемъ. Ну, пока не

придумаю лучшаго, выругаю тебя хорошенько за то, во-первыхъ, что ты ничего не прислалъ мнѣ съ Кульчикомъ о Лоренцѣ, и тѣмъ ввергъ меня въ бѣдственное положеніе писать о томъ, чего не знаю"... (упоминаемый въ письмѣ „Кульчикъ"—знамомый Бѣлинскаго и Боткина, нѣкто Кульчицкій). Боткинъ, повидимому, отвѣтилъ на это письмо, такъ какъ мы имѣемъ въ свою очередь отвѣтъ Бѣлинскаго въ письмѣ отъ 31-го марта 1842 года: „О Лоренцѣ не хлопочи: преступленіе совершено, и въ 4-мъ № „Отечественныхъ Записокъ" ты прочтешь довольно гнусную статью своего пріятеля—ученаго послѣдняго десятилѣтія"... Такъ иронизировалъ надъ собой самъ Бѣлинскій.

Приведенные выше отрывки изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину еще не были опубликованы; поэтому и принадлежность Бѣлинскому статьи о книгѣ Лоренца оставалась до сихъ поръ неизвѣстной. Статья эта дѣйствительно была напечатана въ апрѣльскомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ" за 1842 годъ (т. XXI, отд. V, стр. 36—45); она представляетъ большой интересъ, какъ первое печатное проявленіе идеи соціализма въ статьяхъ Бѣлинскаго. Мало этого: статья интересна еще и тѣмъ, что въ ней мы имѣемъ развитіе не какого-нибудь частнаго вопроса (напримѣръ, „женскаго", съ точки зрѣнія „сенсимонизма",—что можно найти въ другихъ статьяхъ Бѣлинскаго), а общее воззрѣніе, обобщеніе частныхъ вопросовъ, вопросъ о „человѣчествѣ" вообще. Принужденный писать о спеціальномъ вопросѣ,—учебникѣ по всеобщей исторіи, — Бѣлинскій блестяще вышелъ изъ затрудненія, сказавъ о самомъ учебникѣ только нѣсколько хвалебныхъ словъ, сдѣлавъ только нѣсколько критическихъ замѣчаній, а большую часть статьи посвятивъ восторженному прославленію „прогресса", который въ концѣ-концовъ приведетъ человѣчество къ „новой землѣ и новому небу". Въ николаевскомъ цензурномъ застѣнкѣ нельзя было яснѣе высказать въ печати вѣрованія утопическаго соціализма.

Статья начинается указаніемъ, что вѣкъ нашъ—по преимуществу вѣкъ историческій: „историческое созерцаніе могущественно и неотразимо проникло собой всѣ сферы современнаго сознанія“. Какъ извѣстно, историческая точка зрѣнія стала въ концѣ 1841 и началѣ 1842 года характерной и для литературно-критическихъ сужденій Бѣлинскаго: особенно выразилось это въ его статьѣ „Русская литература въ 1841 году“, написанной мѣсяцами тремя раньше статьи по поводу книги Лоренца. „Историческое созерцаніе, — продолжаетъ Бѣлинскій,—проникло всю современную дѣйствительность, даже самый бытъ нашъ. Чувство общественности теперь вездѣ сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде было. Каждый живѣе чувствуетъ себя въ обществѣ и общество въ себѣ, и каждый, по крайней мѣрѣ, претендуетъ служить обществу, служа себѣ самому“... И такое „историческое созерцаніе“ проникло всюду,—въ бытовую жизнь, въ науку, въ искусство. Историческій романъ и историческая драма царятъ въ литературѣ: Вальтеръ Скоттъ „былъ органомъ и провозвѣстникомъ вѣка, давши искусству историческое направленіе“. Въ наукѣ— то же самое: „Давно ли эстетика шла своимъ особымъ путемъ, не спрашиваясь у исторіи, не соприкасаясь съ ней? Еще и теперь многіе добрые люди, повторяя чужіе зады, пренаивно увѣряютъ, что искусство само по себѣ, а жизнь сама по себѣ...“ Здѣсь Бѣлинскій говоритъ pro domo sua: это онъ двумя-тремя годами раньше (а также и въ теченіе всей своей московской журнальной дѣятельности) былъ проповѣдникомъ самоцѣльнаго искусства, „безцѣльнаго съ цѣлью“; теперь, въ сороковыхъ годахъ, эти „зады“ стали достояніемъ „многихъ добрыхъ людей“,—напримѣръ, Сенковскаго-Брамбеуса, Булгарина, отчасти Полевого, которые отстаивали теперь „чистое искусство“, ожесточенно нападая на Гоголя и утверждая, что „искусство само-по-себѣ, а жизнь сама-по-себѣ“, и что „искусство унизилось бы, снизойдя до современныхъ интересовъ“... Да,—соглашается Бѣлинскій,—если подъ „современными ин-

тересами“ подразумѣвать моды, сплетни, мелочи свѣта, биржевой курсъ, — то симпатія ко всему этому была бы упадкомъ искусства; но вѣдь не это надо понимать подъ сближеніемъ искусства съ исторіей и жизнью. „Нѣтъ, не то разумѣется подъ историческимъ направленіемъ искусства: это — или современный взглядъ на прошедшее, или мысль вѣка, скорбная дума или свѣтлая радость времени; это — не интересы сословія, но интересы общества; не интересы государства, но интересы человѣчества; словомъ, это общее, въ идеальномъ и возвышенномъ значеніи слова“...

Пропускаемъ развитіе ряда интереснѣйшихъ и характерныхъ для Бѣлинскаго положеній объ искусствѣ, какъ выраженіи сознанія народа и человѣчества въ опредѣленную эпоху, „какъ бы біеніи пульса его жизни“, о связи исторіи искусства съ исторіей человѣчества, о синтезѣ классицизма и романтизма въ современномъ искусствѣ, о связи между исторіей и философіей. „Философія есть душа и смыслъ исторіи, а исторія есть живое, практическое проявленіе философіи въ событіяхъ и фактахъ. По Гегелю, мышленіе есть какъ бы историческое движеніе духа, сознающаго себя въ своихъ моментахъ; и ни одинъ философъ не далъ исторіи такого безконечнаго и всеобъемлющаго значенія, какъ этотъ величайшій и послѣдній представитель философіи“... Это мѣсто очень цѣнно для опредѣленія отношенія Бѣлинскаго эпохи „соціализма“ къ Гегелю, съ которымъ онъ, казалось бы, порвалъ еще годомъ раньше („Благодарю покорно, Егоръ Өедорычъ, кланяюсь вашему философскому колпаку“,—обращался Бѣлинскій къ „его философскому филистерству“, Гегелю, въ знаменитомъ письмѣ къ Боткину отъ 1 марта 1841 года). Теперь очевидно,—что́, впрочемъ, было извѣстно историкамъ литературы и раньше, — что, раскланявшись съ Гегелемъ, Бѣлинскій все же продолжалъ во многомъ быть послѣдователемъ этого „величайшаго и послѣдняго представителя философіи“, какъ онъ его здѣсь называетъ. Философія Гегеля давала лиш-

нюю опору „историзму“ Бѣлинскаго, и въ этомъ отношеніи Бѣлинскій самостоятельно пошелъ по пути, прокладывавшемуся въ то время въ Германіи лѣвыми гегеліанцами.

Историческая точка зрѣнія неизбѣжно приводила къ понятію „прогресса“ и къ опредѣленію основной причины его. „Прогрессъ и движеніе, — говоритъ Бѣлинскій, сдѣлались теперь словами ежедневными. Новизна никого не пугаетъ; предѣла усовершенствованіямъ никто не видитъ“... Какая же причина этого скораго движенія?—задается вопросомъ Бѣлинскій и даетъ отвѣтъ, характерный для „утописта“ того времени: причина интенсивнаго прогресса—„созрѣвшее историческое сознаніе вслѣдствіе успѣха въ послѣднее время исторіи какъ науки“... Только исторія въ своемъ развитіи могла создать понятіе о человѣчествѣ какъ единой развивающейся „личности“, прошлое которой опредѣляетъ ея будущее. „Сущность исторіи, какъ науки,—говоритъ Бѣлинскій,—состоитъ въ томъ, чтобы возвысить понятіе о человѣчествѣ до идеальной личности; чтобы во внѣшней судьбѣ этой „идеальной личности“ показать борьбу необходимаго, разумнаго и вѣчнаго со случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ, а въ движеніи впередъ этой „идеальной личности“ показать побѣду необходимаго, разумнаго и вѣчнаго надъ случайнымъ, произвольнымъ и преходящимъ. Да, задача исторіи—представить человѣчество какъ индивидуумъ, какъ личность и быть біографіей этой идеальной личности. Человѣчество есть именно „идеальная личность“: личность—потому что у него есть свое *я*, есть свое сознаніе, хотя и выговариваемое не однимъ, а многими лицами; есть свои возрасты, какъ и у человѣка, есть развитіе, движеніе впередъ; идеальная — потому что нельзя эмпирически доказать ея существованія, указавъ невѣрующему пальцемъ и сказавъ: вотъ человѣчество — смотри!..“

Такъ подходитъ Бѣлинскій къ понятію человѣчества, которое станетъ основой его міровоззрѣнія этой эпохи 1842—1846 гг. Нѣсколько послѣдующихъ страницъ этой статьи онъ

посвящаетъ доказательствамъ того положенія, что „человѣчество“ дѣйствительно можно считать „идеальной личностью“,— мысль, которую—замѣчаетъ Бѣлинскій—„многіе весьма умные отъ природы люди не признаютъ съ какимъ-то упорствомъ и ожесточеніемъ“. Это происходитъ оттого, что „не всякій способенъ самъ собою отъ людей и народовъ сдѣлать отвлеченіе и назвать его человѣчествомъ; но еще менѣе найдется способныхъ одушевить это отвлеченіе мыслію, дать ему индивидуальность и личность“... И Бѣлинскій начинаетъ примѣнять къ „человѣчеству“ тѣ построенія, которыя раньше, въ 1834—1840 гг., онъ примѣнялъ къ понятію „народа“, доказывая (отъ „Литературныхъ мечтаній“ до „Очерковъ бородинскаго сраженія“), что народы суть личности человѣчества. Теперь это шеллингіанское положеніе онъ замѣняетъ обобщеннымъ: само человѣчество есть развивающаяся личность. Не всѣмъ доступна эта истина. „Сколько этихъ невѣрующихъ, — восклицаетъ Бѣлинскій, — которые никогда не признаютъ существованія того, на что нельзя указать, чего нельзя увидѣть глазами, обонять носомъ, отвѣдать языкомъ, услышать ухомъ, осязать рукою!.. Таково свойство всякой живой истины сколько громко говоритъ она живой душѣ, столько нѣма для мертвой! Никто не усумнится въ существованіи человѣчества, какъ числительнаго собранія двуногихъ тварей, населяющихъ собою земной шаръ; но многіе ли въ состояніи понять, что человѣчество есть не только собирательное, но еще и личное имя, — названіе одного лица, которое, проживъ нѣсколько тысячелѣтій, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, не помнитъ своего рожденія и первыхъ лѣтъ своего безсознательнаго существованія; которое, подобно каждому человѣку, отдѣльно взятому, было младенцемъ, отрокомъ, юношей и теперь стремится къ своей полной возмужалости; которое, подобно каждому, отдѣльно взятому человѣку, всегда стремилось къ положительному убѣжденію и знанію и всегда отрицало свое убѣжденіе и знаніе, чтобы на его развалинахъ

основать болѣе близкое къ истинѣ; которое, подобно человѣку, заблуждалось и возставало, страдало и блаженствовало, и котораго жизнь вѣчно будетъ состоять въ томъ, чтобы заблуждаться и возставать, страдать и блаженствовать“...

Но, несмотря на это вѣчное разрушеніе и вѣчное созиданіе, или, вѣрнѣе, именно благодаря вѣчному разрушенію и созиданію, человѣчество идетъ впередъ, движется по пути прогресса. Движеніе это,—тутъ Бѣлинскій повторяетъ свою постоянную, излюбленную мысль,—идетъ „не прямою линіей и не зигзагами, а спиральнымъ кругомъ, такъ что высшая точка пережитой имъ (человѣчествомъ) истины въ то-же время есть уже и точка поворота его отъ этой истины“... Такъ идетъ впередъ всемірная исторія: поколѣнія смѣняются поколѣніями и играютъ роль плодородной почвы, на которую „сѣмена бросаются геніями, этими избранниками и помазанниками свыше“ (—опять постоянная и излюбленная мысль Бѣлинскаго о роли генія въ историческомъ процессѣ). Но геніи рѣдки; всякій вообще человѣкъ, превышающій окружающую его толпу, „есть движитель въ сферѣ своей дѣятельности“—такъ составляется „общее движеніе массъ“. Великую роль въ этомъ движеніи играетъ „мрачный духъ сомнѣнія и отрицанія,...—отрывая отдѣльныя лица и цѣлыя массы отъ непосредственныхъ и привычныхъ положеній и стремя ихъ къ новымъ и сознательнымъ убѣжденіямъ“... Этотъ скрытый намекъ на эпохи революцій не могъ быть выраженъ яснѣе подъ бдительнымъ окомъ цензуры того времени; не могъ также цензоръ прочесть въ душѣ Бѣлинскаго, что для него „новыя и сознательныя убѣжденія“ значило въ послѣднемъ счетѣ—соціализмъ.

А между тѣмъ это несомнѣнно было такъ, что особенно ясно изъ послѣднихъ, заключительныхъ словъ Бѣлинскаго въ этой части статьи. Снова возвращаясь къ мысли объ историческомъ созерцаніи, какъ основѣ всякаго знанія и всякой истины, Бѣлинскій повторяетъ опять-таки постоянное свое положеніе, усвоенное имъ отъ шеллингіанства и гегеліанства—

объ „единой лѣствицѣ природы“. „Естествовѣдѣніе есть исторія творящей природы, повѣствованіе о восходящей лѣстницѣ ея явленій, картина развитія въ нѣмой природѣ того же духа вѣчной жизни, который развивается въ исторіи, — что Шеллингъ выразилъ двумя многознаменательными словами: Deus fit... Безъ историческаго созерцанія, безъ понятія о прогрессѣ человѣчества, безъ вѣры въ разумный промыслъ, вѣчно торжествующій надъ произволомъ и случайностью—нѣтъ истиннаго и живого знанія въ наше время“... И послѣ небольшого полемическаго выпада (явно направленнаго противъ Сенковскаго) Бѣлинскій заключаетъ всю свою аргументацію резюмирующимъ выводомъ, — горячей тирадой на ту тему, что „современное состояніе человѣчества есть необходимый результатъ разумнаго развитія и что отъ его настоящаго состоянія можно дѣлать посылки къ его будущему состоянію, что свѣтъ побѣдитъ тьму, разумъ побѣдитъ предразсудки, свободное сознаніе сдѣлаетъ людей братьями по духу, и будетъ новая земля и новое небо“... Яснѣе этого нельзя было высказать свою соціалистическую вѣру,—и Бѣлинскій высказалъ ее тѣми же самыми словами, которыя мы встрѣтили выше и въ его письмахъ той же эпохи къ Боткину.

Не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ содержаніемъ статьи Бѣлинскаго, хотя и тамъ мы нашли бы немало интересныхъ и характерныхъ для Бѣлинскаго мыслей; но и приведеннаго выше достаточно, чтобы судить, какой значительный интересъ представляетъ эта доселѣ неизвѣстная статья Бѣлинскаго. Она такъ характерна для него, что ее необходимо было бы приписать Бѣлинскому даже и въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ самаго содержанія статьи; но, по счастью, мы имѣемъ еще и непосредственное указаніе въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину. О значеніи этой статьи для исторіи развитія Бѣлинскаго мы уже сказали въ основной статьѣ настоящей книги; здѣсь достаточно будетъ еще разъ подчер-

кнуть, что главное значеніе этой статьи Бѣлинскаго—въ первомъ печатномъ выраженіи идеи соціализма, въ общемъ взглядѣ Бѣлинскаго, эпохи начала соціализма, на человѣчество, на степень и причины его прогресса, на свѣтлое будущее его.

Невысоко цѣнилъ Бѣлинскій эту свою статью („довольно гнусная статья“, — говорилъ, какъ мы видѣли, онъ); онъ не придавалъ ей значенія, какъ блѣдному выраженію въ печати тѣхъ идей, которыя съ такой страстностью проповѣдывались имъ и устно, въ бесѣдахъ съ друзьями, и письменно, въ письмахъ къ нимъ. Но теперь статья эта для насъ тѣмъ интереснѣе,—особенно въ виду того, что въ ней есть развитіе положеній, только слегка намѣченныхъ въ другихъ статьяхъ Бѣлинскаго. Въ собраніи сочиненій Бѣлинскаго эта небольшая статья о книгѣ Лоренца займетъ одно не изъ послѣднихъ мѣстъ.

III.

Дома Бѣлинскаго въ Москвѣ и Петербургѣ.

Лучшимъ увѣковѣченіемъ памяти великаго искателя было-бы, несомнѣнно, созданіе постояннаго музея его имени—въ родѣ существующаго теперь „Толстовскаго музея". И еще лучше было бы, если-бъ удалось устроить этотъ музей имени Бѣлинскаго въ одной изъ тѣхъ квартиръ, въ которыхъ онъ жилъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Врядъ ли есть возможность отыскать въ настоящее время въ Чембарѣ домъ, въ которомъ протекло дѣтство, прошла юность Бѣлинскаго. Мы имѣемъ только слѣдующее описаніе этого дома, сдѣланное самимъ Бѣлинскимъ много лѣтъ спустя.

„...Домъ съ тесовою кровлею, окруженный бревенчатымъ заборомъ. Вотъ отъ воротъ до крыльца треугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и купою розановъ. Вотъ и огородъ, которому со двора служатъ оградою погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частокола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ — плетень. Вотъ и маленькая баня при входѣ въ огородъ"... („Отеч. Зап.", 1839 г., № 8).

Это описаніе—общее мѣсто: таковы почти всѣ домики захолустныхъ городовъ даже и теперь, сто лѣтъ спустя; не говоримъ уже о томъ, что за эти сто лѣтъ могло не остаться ни слѣда отъ этого дома родителей Бѣлинскаго. Правда, „чембарскіе старожилы" указываютъ на одинъ домъ (въ немъ теперь трактиръ...), какъ на домъ родителей Бѣлинскаго; но это указаніе нуждается еще въ документальныхъ подтвержде-

ніяхъ. Другое дѣло тѣ дома, въ которыхъ Бѣлинскій жилъ въ Москвѣ и особенно въ Петербургѣ: намъ извѣстны въ нѣкоторыхъ случаяхъ точныя указанія, „адреса“, по которымъ можно, пользуясь старыми планами, установить дома, въ которыхъ жилъ Бѣлинскій. Въ настоящей замѣткѣ мы сведемъ разнообразныя ссылки и указанія на эти дома, пользуясь и уже напечатанными источниками, и еще неизданнымъ матеріаломъ.

Пріѣхавъ осенью 1829 года изъ Чембара въ Москву для поступленія въ университетъ, Бѣлинскій снялъ себѣ у нѣкоей Ольги Матвѣевны „маленькую свѣтелку, (которая) довольно просторна для помѣщенія одного человѣка и имѣетъ большое венеціанское окно“. Гдѣ находился этотъ домъ,—неизвѣстно, но Бѣлинскій недолго и пробылъ въ немъ, поступивъ „на казенный коштъ“ въ университетъ (1830—1832 гг.). Исключенный изъ университета, онъ долго бѣдствовалъ, ютился по лачугамъ и угламъ, пока положеніе его не улучшилось нѣсколько: въ маѣ 1834 года онъ писалъ родителямъ, что нанимаетъ отдѣльную комнату, за которую со столомъ и чаемъ платитъ 40 руб. асс. въ мѣсяцъ (около 10 руб. на наши деньги): „Я внѣ себя отъ восхищенія, что нанялъ квартиру, гдѣ тишина и уединеніе даютъ мнѣ совершенную возможность заниматься науками“... Гдѣ находилась эта квартира, — намъ пока тоже неизвѣстно; по словамъ Надеждина, сказаннымъ Панаеву въ 1838 году, это было „гдѣ-то на Трубѣ, въ непроходимой грязи“... Осенью, въ августѣ того же 1834 года, Бѣлинскій переѣхалъ жить на квартиру Надеждина; но вскорѣ опять поселился на „своей квартирѣ“. Что это была за „своя квартира“,—ясно изъ воспоминаній Лажечникова, относящихся, вѣроятно, къ 1834 — 1836 гг.: Бѣлинскій квартировалъ въ бельэтажѣ (слово это было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бельэтажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ

съ его каморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла... Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой, потому что въ ней нечего было украсть"...

Осенью 1836 года, послѣ прекращенія „Телескопа", денежное положеніе Бѣлинскаго снова ухудшилось и оставалось такимъ до самаго отъѣзда изъ Москвы, въ концѣ 1839 года. Бѣлинскій то жилъ временно у А. М. Пятковскаго и „стиралъ ему литературное бѣлье" (его принципалъ былъ графоманомъ, писавшимъ и даже печатавшимся подъ псевдонимомъ Дормедонта Прутикова), то переѣзжалъ въ межевой институтъ, гдѣ временно учительствовалъ и жилъ у князя Козловскаго, который впослѣдствіи въ свою очередь пользовался гостепріимствомъ Бѣлинскаго въ Петербургѣ. Но большую часть этихъ трехъ лѣтъ (1836—1839 гг.) Бѣлинскій жилъ у нѣкоей Дарьи Титовны, о которой рядъ теплыхъ упоминаній мы находимъ въ неизданной перепискѣ Бѣлинскаго. Эта старушка, повидимому, много сдѣлала для Бѣлинскаго; по крайней мѣрѣ, послѣдній не разъ впослѣдствіи писалъ изъ Петербурга Боткину: „Ты знаешь мою старуху, Дарью Титовну, знаешь, какъ много я ей обязанъ"... Бѣлинскій задолжалъ ей сотни рублей за квартиру и только въ началѣ 1841 года могъ окончательно съ ней расплатиться (письмо къ Д. П. Иванову отъ 11 апрѣля 1841 г.).

Гдѣ жилъ все это время Бѣлинскій у „Дарьи Титовны"? Въ началѣ 1837 года Бѣлинскій сообщалъ въ перепискѣ слѣдующій свой адресъ: „На Петровкѣ, въ Рахмановскомъ переулкѣ, въ домѣ князя Касаткина-Ростовскаго, № 22" (письмо къ Краевскому отъ 14 января 1837 года). Осенью того же года онъ былъ уже на другой квартирѣ, въ домѣ матери своего товарища Ефремова, какъ явствуетъ изъ его письма къ Бакунину отъ 15 октября 1837 года (письмо это ошибочно помѣчено Бѣлинскимъ 1835 годомъ): „Адресъ моей новой квартиры: На Сто-

женкѣ, въ приходѣ Воскресенія, въ Савеловскомъ переулкѣ, въ домѣ полковницы Ефремовой". На этой квартирѣ поселился съ нимъ М. Бакунинъ, и они вдвоемъ прожили въ ней зиму 1837—1838 года. Затѣмъ состоялся переѣздъ Бѣлинскаго на квартиру межевого института, къ князю Козловскому; а весною 1839 года мы снова находимъ Бѣлинскаго на новой квартирѣ. Объ этомъ разсказываетъ И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ. „Я пріѣхалъ въ Москву 13 апрѣля 1839 года,— пишетъ онъ, — и на другой же день отправился къ Бѣлинскому... Онъ жилъ въ какомъ-то узенькомъ и глухомъ переулкѣ, недалеко, кажется, отъ Никитскаго бульвара, въ деревянномъ одноэтажномъ домикѣ, вросшемъ въ землю, окна котораго были почти наравнѣ съ кирпичнымъ узкимъ троттуаромъ..." („Современникъ" 1860 года, т. LXXIX, стр. 342). Но эту свою квартиру Бѣлинскій въ это время уже бросалъ; онъ поселился около Панаева. „Я, разсказываетъ послѣдній,— переѣхалъ на Арбатъ, въ сѣренькій деревянный домикъ Тона (недалеко отъ Арбатскихъ Воротъ), еще доселѣ существующій. Бѣлинскій нанялъ квартиру на дворѣ, наискосокъ этого дома"... (ibid., стр. 344).

Это была послѣдняя квартира Бѣлинскаго въ Москвѣ. Въ октябрѣ того же 1839 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ; ѣхалъ онъ вмѣстѣ съ Панаевымъ и остановился у послѣдняго. „Я жилъ въ это время,—вспоминаетъ Панаевъ,—на Грязной улицѣ, близъ Семеновскихъ казармъ, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ архитектора Диммерта. Бѣлинскій расположился внизу, въ совершенно отдѣльной комнатѣ"... (ibid., стр. 350—351). Здѣсь онъ прожилъ первые мѣсяцы 1840 года, около полугода, а къ началу лѣта переѣхалъ на свою квартиру. Начиная съ этого времени, мы имѣемъ возможность точно установить всѣ петербургскіе „адреса" Бѣлинскаго, пользуясь его письмами къ Боткину и Д. Иванову.

5-го сентября 1840 года Бѣлинскій писалъ Боткину:

„Какъ пріѣдетъ въ Москву Кольцовъ, скажи, чтобы тотчасъ же увѣдомилъ меня; а если поѣдетъ въ Питеръ, чтобы прямо ко мнѣ и искалъ бы меня на Васильевскомъ острову, на Маломъ проспектѣ, около 4 и 5 линіи, въ домѣ Алексѣева, изъ воротъ направо, во 2 этажѣ. У меня большая квартира, и намъ съ нимъ будетъ просторно“.

Но на этой квартирѣ Бѣлинскій оставался недолго; 31-го октября (у Бѣлинскаго ошибочно помѣчено „ноября“) того же 1840 года онъ снова сообщалъ Боткину свой новый адресъ: „7-го ноября я буду уже на новой квартирѣ: на Васильевскомъ острову, во второй линіи, противъ Академіи Художествъ, въ домѣ Бема, кв. № 7“. Квартирой этой Бѣлинскій остался очень недоволенъ и скоро хотѣлъ мѣнять ее, но не могъ за неимѣніемъ денегъ. Въ мартѣ 1841 года Бѣлинскій писалъ между прочимъ Краевскому: „Что до вашихъ 162 руб., то, конечно, безъ нихъ мнѣ нельзя будетъ переѣхать на новую квартиру. Отъ старой я боленъ,—давлюсь кашлемъ, исхожу мокротою, ибо и съ чаемъ, и со щами ѣмъ алебастровую пыль“... Къ лѣту ему удалось переѣхать. „Мой адресъ,—писалъ онъ Боткину 27—28-го іюня 1841 года,—въ Семеновскомъ полку, на Среднемъ проспектѣ, между первою линіею и Госпитальною улицею, въ домѣ г-жи Буторовой № 22. У меня большая квартира и садъ, весьма помогающій мнѣ ничего не дѣлать“... Двумя мѣсяцами позже Бѣлинскій писалъ Д. Иванову: „Квартира у меня теперь — прелесть“ (письмо отъ 25-го августа 1841 г.). Но и на этой квартирѣ Бѣлинскій прожилъ не больше года.

Наконецъ, съ осени 1842 года Бѣлинскій переѣзжаетъ въ домъ, въ которомъ остается жить на четыре года: на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста, въ домѣ Лопатина,—такъ въ письмахъ сообщалъ свой адресъ Бѣлинскій. Но зато въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ Бѣлинскій перемѣнилъ въ этомъ домѣ четыре квартиры. Сперва

онъ жилъ въ домѣ Лопатина, кв. № 55 (письмо къ Д. Иванову отъ 6—7-го ноября 1842 года), затѣмъ перешелъ въ квартиру № 48 (письмо къ Д. Иванову отъ 9-го марта 1843 г.), далѣе поселился въ квартирѣ № 47 (письма къ М. В. Орловой отъ 3-го сентября 1843 года и къ Д. Иванову отъ 12-го апрѣля 1844 года) и, наконецъ, перешелъ въ квартиру № 43 (письма къ Герцену отъ 14-го января 1846 года и къ Д. Иванову отъ 15-го апрѣля 1846 года.). Надо, впрочемъ, оговориться: остается пока невыясненнымъ, Бѣлинскій ли мѣнялъ эти квартиры, или владѣлецъ дома мѣнялъ только нумерацію всѣхъ своихъ квартиръ. Послѣднее предположеніе, конечно, мало вѣроятно: странное занятіе для домохозяина— ежегодно перенумеровывать по-новому квартиры; но это предположеніе почти необходимо допустить, такъ какъ есть вполнѣ опредѣленное свидѣтельство Панаева объ одной квартирѣ, которую все время занималъ Бѣлинскій въ домѣ Лопатина. Такъ или иначе, но именно въ этомъ домѣ прожилъ Бѣлинскій съ 1842 по 1846 годъ.

Въ концѣ апрѣля 1846 года Бѣлинскій уѣхалъ въ полугодовое путешествіе по Россіи, семья его уѣхала въ Ревель,— домъ Лопатина былъ ими покинутъ. Въ письмахъ къ женѣ Бѣлинскій, уѣхавшій раньше жены, возмущался „мерзостями, какія дѣлаетъ съ тобою управляющій Лопатина", и юмористически радовался, что „твои геройскіе подвиги, достойные Бобелины, увѣнчались блестящей побѣдой надъ злокачественнымъ Лопатинымъ и гнуснымъ клевретомъ его, управляющимъ"... (письма къ М. В. Бѣлинской отъ 14-го мая и 10-го іюня 1846 года). Поздней осенью этого года Бѣлинскій, вернувшись въ Петербургъ, нашелъ новую квартиру, въ которой прожилъ до весны 1847 года, т. е. до своей поѣздки заграницу. По возвращеніи изъ-за границы Бѣлинскій,—вспоминаетъ Панаевъ,—„остановился ненадолго въ небольшой квартирѣ на Знаменской улицѣ" (loc. cit., стр. 373). „Пріѣхалъ я на временную квартиру, — писалъ Бѣлинскій Боткину

4 ноября 1847 г.,—отдохнувъ дня два-три, принялся искать новую. Нашелъ ее послѣ страшныхъ хлопотъ и исканій. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я переѣхалъ"... Въ письмѣ къ Анненкову отъ 20-го ноября 1847 года Бѣлинскій разсказываетъ еще подробнѣе: „Жена моя жила на квартирѣ временной; надо было искать новую. Съ ногъ сбился, а не нашелъ. Изъ нѣсколькихъ гадкихъ порѣшили взять менѣе другихъ гадкую. Она до того мала, что половина мебели нашей не вошла бы въ нее, и я задохнулся бы въ ней. Я собирался перейти въ нее, какъ собирается человѣкъ, осужденный за долги на тюремное заключеніе, переѣзжать въ эту квартиру. Къ счастью, случайно нашли квартиру большую, красивую и дешевую: кромѣ кухни и передней, шесть комнатъ, большія стекла, полы паркетъ, обои, цѣна 1,320 рублей ассигнаціями (около 350 р. сер.). Переѣздъ былъ хлопотенъ"...

Это была послѣдняя квартира Бѣлинскаго—„на Лиговкѣ, противъ Кузнецкаго моста, въ домѣ Галченковыхъ" (письмо къ Д. Иванову отъ 10 декабря 1847 года). „Квартира эта,—описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Панаевъ,—довольно просторная и удобная, на обширномъ дворѣ этого дома, во второмъ этажѣ деревяннаго флигеля, передъ которымъ росло нѣсколько деревьевъ, производила какое-то грустное впечатлѣніе. Деревья у самыхъ оконъ придавали мрачность комнатамъ, заслоняя свѣтъ"... Здѣсь умеръ Бѣлинскій 26-го мая 1848 г.

Подводя итоги всему сказанному выше, приходится въ заключеніе спросить: какой же домъ въ Москвѣ и домъ въ Петербургѣ заслуживали бы названія домовъ Бѣлинскаго, какіе дома слѣдовало бы отмѣтить обычной доской: „Здѣсь жилъ Бѣлинскій"? Для Москвы этотъ вопросъ рѣшить труднѣе, но все же намъ кажется, что пришлось бы остановиться на томъ домѣ, въ которомъ Бѣлинскій жилъ въ 1837—1838 (а можетъ быть, также и въ 1839) году вмѣстѣ съ Бакунинымъ: въ Савеловскомъ переулкѣ, въ домѣ пол-

ковницы Ефремовой. Домъ этотъ до сихъ поръ сохранился въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ и при Бѣлинскомъ [90]).

Для Петербурга вопросъ рѣшается проще. Домъ, въ которомъ умеръ Бѣлинскій, былъ давно уже извѣстенъ всему литературному Петербургу; онъ находился на Лиговской улицѣ, противъ Кузнечнаго переулка, и существовалъ до 1910 года, когда и былъ сломанъ. Но въ домѣ этомъ Бѣлинскій жилъ,— или, вѣрнѣе, умиралъ, — всего восемь мѣсяцевъ. Гораздо больше воспоминаній соединено съ тѣмъ „домомъ Лопатина" (на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста), въ которомъ Бѣлинскій прожилъ четыре года, съ лѣта 1842 по лѣто 1846 года. „Его небольшая квартира, — вспоминаетъ Панаевъ,—у Аничкова моста, въ домѣ Лопатина, въ которой онъ прожилъ, кажется, съ 1842 г. по 1845 г. (это невѣрно: по лѣто 1846), отличалась, сравнительно съ другими его квартирами, веселостью и уютностью. Эта квартира и ему нравилась болѣе прежнихъ. Съ нею сопряжено много литературныхъ воспоминаній. Здѣсь Гончаровъ нѣсколько вечеровъ сряду читалъ Бѣлинскому свою „Обыкновенную исторію"... На этой же квартирѣ появился у него авторъ „Бѣдныхъ людей"... Можно прибавить, что на этой же квартирѣ впервые появились у Бѣлинскаго Тургеневъ, Некрасовъ, здѣсь бывали Герценъ, Кавелинъ, А. Майковъ и цѣлый рядъ „младшихъ богатырей" русской литературы. Здѣсь же впервые Бѣлинскій окончательно пришелъ къ тому соціалистическому міровоззрѣнію, которое царило въ его душѣ именно съ 1842 по 1846 г. Вообще много воспоминаній соединено съ этимъ „домомъ Лопатина", и воспоминанія эти, соединенныя съ домомъ, слѣдовало бы закрѣпить въ обычной въ этихъ случаяхъ формѣ.

Для того, чтобы опредѣлить мѣсто этого „дома Лопатина", мы обратились къ подробнѣйшему плану Петербурга, сдѣланному въ 40-хъ годахъ, почти въ то самое время, когда Бѣ-

линскій жилъ „на Невскомъ, у Аничкина моста". Это—„Атласъ тринадцати частей Петербурга, съ подробнымъ изображеніемъ набережныхъ, улицъ, переулковъ, казенныхъ и обывательскихъ домовъ. Составилъ Н. Цыловъ. 1849 г.". Въ этомъ „атласѣ" мы нашли слѣдующія свѣдѣнія: домъ купца Алексѣя Фроловича Лопатина находился на углу Фонтанки и Невскаго: по Фонтанкѣ—№ 43, по Невскому—№ 71. Длина фасада этого дома по Фонтанкѣ была 35 саженъ 5 футовъ, длина фасада по Невскому—31 сажень 3 фута; число этажей: по первому фасаду—четыре, по второму—четыре и пять. Всѣ эти данныя вполнѣ соотвѣтствуютъ дому, который въ настоящее время имѣетъ по Невскому проспекту № 68-й. Повидимому этотъ домъ въ позднѣйшія времена былъ увеличенъ однимъ этажемъ, но во всемъ остальномъ остался совершенно такимъ же, какъ и въ дни Бѣлинскаго.

Остается только найти квартиру, въ которой жилъ въ этомъ домѣ Бѣлинскій; но домъ во всякомъ случаѣ опредѣленъ уже съ совершенной точностью. Если удастся точно опредѣлить и квартиру, то именно въ ней слѣдовало бы устроить постоянный музей Бѣлинскаго; музей этотъ былъ бы лучшимъ памятникомъ, какой можетъ воздвигнуть русское общество великому искателю.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Эта цитата, равно какъ и многія нижеслѣдующія изъ писемъ Бѣлинскаго, появляется въ печати впервые, послѣ опубликованія авторомъ нѣкоторыхъ отрывковъ въ № 5 „Русскаго Богатства" 1911 г. и „Русскихъ Вѣдомостей" 1911 г., №№ 122—124. Настоящая цитата взята изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину отъ 1 марта 1841 года. — Для сокращенія мы будемъ обозначать дополненныя нами по спискамъ писемъ Бѣлинскаго цитаты — буквами **Доп.**, а отрывки печатаемые впервые—**Вп.**

[2]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину, безъ даты; повидимому, письмо относится къ концу іюля 1838 года.

[3]) См. письмо Д. П. Иванова къ А. Н. Пыпину отъ 16 іюня 1876 г. (помѣщено въ книгѣ Пыпина „Бѣлинскій, его жизнь и переписка" изд. 2-е, 1908 г., стр. 640—1); см. также „Русскую Старину" 1899 г., № 4, стр. 200—1. Всѣ эти свидѣтельства устанавливаютъ годъ рожденія Бѣлинскаго; день установленъ недавно изысканіями г. Рудакова, вызвавшими однако рядъ возраженій.

[4]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 16 апр. 1840 г.—Послѣ словъ „груди не бралъ и не зналъ ея" Бѣлинскій прибавляетъ въ скобкахъ. „зато теперь люблю ее вдвое"... Подобными шутливыми и еще болѣе „не для печати" выходками Бѣлинскаго переполнены всѣ его письма; но обыкновенно біографы его стыдливо замалчивали эту сторону натуры „неистоваго Виссаріона". А между тѣмъ его „неистовая чувственность"—это такой важности штрихъ, внѣ котораго Бѣлинскій перестаетъ быть Бѣлинскимъ, а становится какой-то иконописной фигурой. Въ настоящей книгѣ мы не замалчиваемъ этой чрезвычайно важной стороны жизни Бѣлинскаго, но освѣщаемъ ее, насколько это возможно въ печати.

[5]) Воспоминанія о Бѣлинскомъ родственницы его, г-жи Щ. помѣщены въ „Дорожныхъ Запискахъ" М. Погодина, въ газетѣ „Русскій", 1868 г., № 15.

[6]) Въ интересной статьѣ Н. Рыбкина „Матеріалы къ біографіи Лермонтова и Бѣлинскаго („Ист. Вѣстн." 1881 г., № 10) приводится одно стихотвореніе якобы Бѣлинскаго изъ его „Записной Книжки" на 1828 г., содержащей въ себѣ рядъ произведеній Батюшкова, Пушкина, Языкова и др.; но это стихотвореніе („Выдь, дохни насъ

упоеньемъ“), подписанное въ книжкѣ Б—ій, принадлежитъ вовсе не Бѣлинскому, а Баратынскому.

[7]) Впервые напечатанъ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ 1898 г., № 22, въ статьѣ П. Шугаева „Изъ колыбели замѣчательныхъ людей“.

[8]) Воспоминанія Н. Аргилландера, „Русская Старина“ 1880 г., № 5.

[9]) Подробнѣе обо всемъ этомъ см. въ нашей „Исторіи русской общественной мысли“, 3-ье изд., т. I, гл. VI: „Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ“.

[10]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину, безъ даты; по нѣкоторымъ соображеніямъ его можно отнести къ первымъ мѣсяцамъ 1838 года.

[11]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 12 окт. 1838 года.

[12]) **Вп.**—изъ того же письма.

[13]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 17 авг. 1838 г.

[14]) **Вп.**—изъ письма къ нему же отъ 16 авг. 1838 г. — Нѣсколько выше въ томъ же письмѣ отъ 16—17 авг. находимъ слѣдующую фразу: „явленіе для меня есть по преимуществу откровеніе истины; никогда мысль не откроетъ мнѣ того, что открыли явленія. Кто не видѣлъ этихъ явленій, тотъ мнѣ представляется какъ будто лишеннымъ духовнаго крещенія, и я прощу ему невѣріе въ жизнь“. Явленіе становилось для Бѣлинскаго выше (отвлеченной) мысли: онъ приходилъ малопомалу къ „реализму“, а это неизбѣжно должно было привести его раньше или позже къ разрыву съ вѣрой въ Премудрую Благость.

[15]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 13—14 авг. 1838 г.—Непосредственное продолженіе этой цитаты тѣсно связано по мысли съ отрывкомъ, приведеннымъ въ предыдущемъ примѣчаніи: „Нѣтъ, другъ мой, всякій человѣкъ есть явленіе самобытное, и можетъ жить и развиваться только въ своихъ формахъ. Я много разъ принималъ истины по ихъ логической необходимости, но онѣ никогда не входили въ меня глубоко, а приставали ко мнѣ снаружи и тотчасъ отваливались. И потомъ жизнь наводила меня на нихъ, и тогда я принималъ ихъ съ убѣжденіемъ“...

[16]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину, безъ года, но помѣченному: „20 іюня, понедѣльникъ“. Отсюда опредѣляется и годъ—1838-й.

[17]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину, безъ даты; судя по содержанію, письмо относится къ 1838 году.

[18]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 26 февр. 1840 г.; точками отмѣчены три слова, неудобныя въ печати.—Болѣе подробно письмо это приведено въ первомъ Приложеніи.

[19]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 10 сент. 1838 года. Даже тремя годами позднѣе Бѣлинскій писалъ Николаю Бакунину: „любите искусство, читайте книги, но для жизни, т.-е. для женщины, бросайте и то и другое къ чорту“ (неизд. отрывокъ изъ письма отъ 6 апр. 1841 г.).

[20]) **Вп.**:—это письмо къ М. Бакунину написано въ концѣ 1837 года, судя по различнымъ признакамъ—между 15 и 21 ноября.

[21]) „Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда“, 1909 г., стр. 292.

[22]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 16 дек. 1839 г.

[23]) **Вп.**—изъ письма къ нему же отъ 8 сент. 1841 г.

[24]) Вп.—изъ письма къ нему же отъ 31 марта 1842 г. — Подчеркиваемая Бѣлинскимъ фраза и вообще все построеніе этого отрывка — заимствованы изъ „Крейслеріаны“ Гофмана.

[25]) Повидимому это намекъ на младшаго брата М. Бакунина, Павла, который тогда былъ еще очень юнъ и иронически отзывался о статьяхъ Бѣлинскаго въ „Отеч. Запискахъ“. См. первое Приложеніе.

[26]) Вп.—изъ письма къ М. Бакунину отъ 26 февр. 1840 г. — Болѣе подробно см. въ приложеніи первомъ.

[27]) Вп.—изъ письма къ Кетчеру отъ 3 авг. 1841 г. — Это замѣчательное письмо до сихъ поръ было извѣстно только въ небольшой своей части; приводимъ поэтому здѣсь изъ него все самое существенное, хотя къ сожалѣнію, съ неотвратимыми пропусками:

„... Вотъ тебѣ нѣсколько новостей. Лермонтовъ убитъ наповалъ— на дуэли. Оно и хорошо: былъ человѣкъ безпокойный, и писалъ хоть хорошо, но безнравственно — что ясно доказано Шевыревымъ и Бурачкомъ.

Взамѣнъ этой потери Булгаринъ все молодѣетъ и здоровѣетъ, а Межевичъ подаетъ надежду превзойти его и въ талантѣ и въ добрѣ. Ѳаддей Венедиктовичъ ругаетъ Пушкина печатно, доказываетъ, что Пушкинъ былъ подлецъ, и цензура, вѣрная волѣ Уварова, мараетъ въ „Отеч. Зап.“ все, что пишется въ нихъ противъ Булгарина и Греча. Литература наша процвѣтаетъ, ибо явно начинаетъ уклоняться отъ гибельнаго вліянія лукаваго Запада — дѣлается до того православною, что пахнетъ мощами и отзывается пономарскимъ звономъ, до того самодержавною, что состоитъ изъ однихъ доносовъ, до того народною, что не выражается иначе какъ по матерну. Уваровъ торжествуетъ и, говорятъ, пишетъ проектъ, чтобы всю литературу и всѣ кабаки отдать на откупъ Погодину. Носятся слухи, что Погодинъ (вмѣстѣ съ Бурачкомъ, Ѳ. Н. Глинкою, Шевыревымъ и Загоскинымъ) будетъ произведенъ въ святители россійскихъ странъ; чтобы предохранить гнусное и заживо вонючее тѣло свое отъ гніенія, Погодинъ снимаетъ всѣ кабаки и торгуетъ водкою. Однимъ словомъ—будущность блеститъ всѣми семью цвѣтами радуги. А между тѣмъ Европа гніетъ: Франція готовится къ борьбѣ за свободу со всѣмъ міромъ, укрѣпляетъ Парижъ и уничтожаетъ Абдель-Кадера (поборника православія, самодержавія и народности), Пруссаки требуютъ конституціи и рѣшаютъ религіозный вопросъ о личности человѣка; лордъ Россель борется съ Пилемъ въ вопросѣ о хлѣбѣ и пр. Жалко видѣть это глупое броженіе мірскихъ суетъ и отрадно читать статьи Погодина, Бурачка и Шевырева. Богъ явно за насъ — вѣдь онъ любитъ смиренныхъ и противится гордымъ... Справедливы ли слухи, что будто Погодинъ, по скаредной своей скупости, боясь многочадія, не то . . . . . ., не то . . . Шевырева? Увѣдомь меня объ этомъ обстоятельствѣ—оно очень важно для успѣховъ нашей литературы, въ которой я принимаю такое участіе. Чего не выдумаетъ праздный народъ о великомъ человѣкѣ! Правда ли, наконецъ, что Погодинъ будто бы водилъ къ Уварову мальчиковъ, отличающихся остротою

ума и тупостью . . . . , о чемъ глухо было писано въ Журналѣ Министерства Нар. Просв., и что́ поставлено Погодину за заслугу русскому просвѣщенію въ духѣ самодержавія, православія, народности и за что Погодинъ представленъ къ наградѣ годовымъ жалованьемъ? Этотъ слухъ кажется мнѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что князь Дундукъ устарѣлъ, заросъ грибами, и Уваровъ употребляетъ его только по откупамъ и подрядамъ, т. е. пользуется уже только его головою, а не . . . . Правда ли, что „Москвитянинъ" вводится въ литургію и долженъ будетъ замѣнить Апостола? И что для чтенія онаго будетъ употребленъ, по природному громозвучію, Загоскинъ? Правда ли, что Ѳ. Н. Глинка перекладываетъ „Москвитянина" и „Маяка" на акаѳисты въ стихахъ, а Авдотья Павловна *) кладетъ ихъ на музыку?—Читаешь ли ты „Пчелу"? Превосходная политическая газета! Изъ нея тотчасъ (мѣсяца черезъ два) узнаешь, что у благороднаго лорда Пиля гемороидальныя шишки увеличились; что при посѣщеніи такого-то города такимъ-то принцемъ была иллюминація и всѣ жители громкими кликами изъявляли свою вѣрноподданическую преданность; что королева Викторія на послѣднемъ балѣ была въ страшно накрахмаленной исподницѣ, и что по случаю новой беременности у ней остановились мѣсячныя и т. д. Вообще, душа моя Тряпичкинъ, много жизни—не изжить; возблагодаримъ же Создателя и подадимъ другъ на друга доносы. Аллилуйя!—Національность малороссійская процвѣтаетъ и укрѣпляется. Прочтя „Ластовку" и „Снипъ", я понялъ все достоинство борща, сала и галушекъ.—Жаль, что умеръ Шишковъ—многаго мы лишились Безъ него академія россійская осиротѣла и съ горя спилась съ кругу, а Борька Ѳедоровъ еще больше поглупѣлъ. Отъ главы Андрея Муравьева исходитъ сіяніе. Ну, больше не упомню, а много новостей.—Статья Герцена **) — прелесть, объяденіе. Давно уже я не читалъ ничего, что такъ бы восхитило меня. Это человѣкъ, а не рыба: люди живутъ, а рыбы созерцаютъ и читаютъ книжки, чтобы жить совершенно напротивъ тому, какъ писано въ книжкахъ. У меня страшная охота сдѣлаться рыболовомъ и варить уху. Пишу диссертацію, въ которой доказываю, что лягушки выше рыбъ, а національность выше образованія, просвѣщенія, истины и свободы. Да здравствуютъ щи, борщъ, буженина и вареники!—Ахъ, забылъ было: носятся слухи, что Булгаринъ . . . .

. . . .

Жена Межевича въ мызѣ Карлово совершенно излѣчилась отъ . . . . . , которымъ заразилъ ее Межевичъ, т. е. мужъ; теперь онъ самъ поѣхалъ туда для излѣченія себя отъ той же болѣзни, а Полицейскую Газету издаетъ наборщикъ Анемподистъ. Ну, довольно болтать, прощай. Твой В. Б—ій.—P.S. Цензура не пропустила въ моей статьѣ о Пушкинѣ (8 №) заглавіе пушкинской статьи „О мизинцѣ

---

*) Жена Ѳ. Н. Глинки.

**) „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка", — „Отеч. Зап." 1841, № 8.

г. Булгарина и о прочемъ...“ Боясь доносовъ Погодина и Шевырева цензоръ не хочетъ пропускать ни слова противъ „Москвитянина“. Алиллуйя! Душа моя, отслужи за меня молебенъ Иверской—хочу покаяться и пуститься въ доносы“.

[28]) Вп.—изъ письма къ Боткину отъ 16 апр. 1840 г. — Бѣлинскій продолжаетъ эту фразу еще болѣе рѣзкимъ образомъ: „что же касается до Полевого, Греча и Булгарина — бываютъ минуты, хотѣлось бы быть ихъ палачемъ“...

[29]) Вп.—изъ того же письма.

[30]) Вп.—изъ письма къ Боткину отъ 8 сент. 1841 г.—Къ сожалѣнію, мы лишены возможности въ этомъ мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, привести слова Бѣлинскаго буквально.

[31]) Вп.—изъ письма къ Боткину отъ 13 апр. 1842 г.

[32]) Доп.—изъ письма къ Николаю Бакунину отъ 6 апр. 1841 г.

[33]) Доп.—изъ письма къ нему же отъ 9 дек. 1841 г.

[34]) Надо замѣтить, что иногда Бѣлинскій высказывалъ въ своихъ письмахъ на первый взглядъ иныя сужденія. Вотъ, напримѣръ, что онъ однажды писалъ Боткину: „разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастіи непосредственности—все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексіи, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность — и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ“... (1841 г.). Но вѣдь и здѣсь Бѣлинскій хотѣлъ разрушать „непосредственнность“ и проводить человѣка черезъ „рефлексію“ только для того, чтобы ввести его въ „достоинство и блаженство“ разума и сознанія; а значитъ задачей своей Бѣлинскій попрежнему считаетъ—„будить высокое“...

[35]) Вп.—изъ письма къ Боткину отъ 31 марта 1842 г.

[36]) Доп.—изъ письма къ Боткину отъ 1 марта 1841 г.

[37]) Объ этомъ см. нашу книгу „О смыслѣ жизни“, стр. 257—263 второго изданія.

[38]) Вп.—изъ письма къ Боткину, безъ даты; повидимому, относится къ марту 1838 года.

[39]) Доп.—изъ письма къ Боткину отъ дек. 1839—февр. 1840 г.

[40]) Вп. — изъ письма къ Боткину отъ 31 марта — 3 апр. 1843 г. — Въ подлинникѣ Бѣлинскій вмѣсто „проститутки“ выражается болѣе рѣзко.

[41]) Вп. — изъ цитированнаго выше письма къ Боткину отъ дек. 1839 — февр. 1840 г. — Въ перепискѣ этого времени Бѣлинскій шутя называлъ „поросенкомъ“ молодого Каткова, талантъ котораго онъ цѣнилъ тогда очень высоко. Какъ извѣстно, впослѣдствіи Бѣлинскій рѣзко разошелся съ Катковымъ.

[42]) Вп.—изъ письма къ Боткину отъ 24 февр.—1 марта 1840 г.

[43]) Доп.—изъ письма къ Боткину отъ 27—28 іюня 1841 г.

[44]) Вп.—изъ письма къ М. Бакунину отъ 16—17 авг. 1838 г.

[45]) Вп.—изъ письма къ М. Бакунину, безъ даты; судя по содержанію, оно относится ко второй половинѣ іюля 1838 года.

[46]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 18—19 февр. 1840 г.

[47]) **Вп.**—изъ того же письма.

[48]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 10—11 дек. 1840 г.

[49]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 1 марта 1841 г.

[50]) **Вп.**—письмо это, повидимому, написано между 13 и 20 апрѣля 1842 г.

[51]) Статьи этой нѣтъ даже въ полномъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго редакціи С. Венгерова; принадлежность ея перу Бѣлинскаго доказывается цѣлымъ рядомъ мѣстъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго. Подробно объ этой статьѣ—см. второе Приложеніе.

[52]) Въ одной рецензіи 1836 года („Молва", № 11) Бѣлинскій—тогда еще полный вѣры въ разумность всего сущаго—писалъ: „...вотъ стоитъ нищій: подойдемъ къ нему, скажемъ ласковое слово, подадимъ копейку—онъ нашъ братъ по Христѣ; узнаемъ, почему онъ нищій, зачѣмъ онъ нищій"... И Бѣлинскій готовъ былъ найти оправданіе и разумность во всякомъ случаѣ — будь то нищій, падшій подъ бременемъ несчастія, или нищій отъ гордости и презрѣнія къ людямъ, или юродивый, или лицемѣръ и дармоѣдъ... Теперь, по прошествіи пяти лѣтъ,—совсѣмъ не то; теперь Бѣлинскій уже не задается вопросомъ, какъ дошелъ человѣкъ до послѣдняго паденія, — теперь онъ спрашиваетъ з а ч ѣ м ъ существуетъ человѣческое горе, человѣческая мука. Это сопоставленіе, думается намъ, ярко освѣщаетъ всю глубину пропасти, образовавшейся въ душѣ Бѣлинскаго между бывшимъ утвержденіемъ и настоящимъ отрицаніемъ разумности міра и жизни.

[53]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 8 сент. 1841 г.—„Соціальность, соціальность—или смерть!"—почему-то эта характернѣйшая фраза не была въ свое время опубликована Пыпинымъ.

[54]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 10—11 дек. 1840 г.

[55]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 1 марта 1841 г. — Нѣсколько словъ, поставленныхъ въ прямыя скобки, не могли быть приведены нами текстуально; такъ мы поступаемъ и ниже, заключая въ прямыя скобки замѣняемыя нами слова Бѣлинскаго.

[56]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 27—28 іюня 1841 г. — См. предыдущее примѣчаніе.

[57]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 13 апр. 1842 г.

[58]) **Доп.**—изъ письма къ Николаю Бакунину отъ 7 ноября 1842 г.

[59]) К. Д. Кавелинъ, „Воспоминанія о В. Г. Бѣлинскомъ". Собр. соч., т. III, стр. 1086.

[60]) Эти слова (изъ письма къ Боткину отъ 14 марта 1840 г.) Бѣлинскій заключаетъ слѣдующимъ характернымъ „практическимъ выводомъ": „Дѣлай всякій не что хочетъ и что-бы должно, а что можно. Чорта ли дожидаться маршальскаго жезла—хватай ружье, нѣтъ его—берись за лопату да счищай съ расейской публики [грязь]"... (**Вп.**).

[61]) Тираду эту (изъ письма къ Боткину отъ 1 марта 1841 г.) Бѣлинскій заканчиваетъ воплемъ: „О, горе, горе, горе!" Эти вопли раненаго и истекающаго кровью слышны во всей перепискѣ Бѣлинскаго—и тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ.

[62]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 17 апр. 1843 г.

[63]) „... Бѣлинскій увлекся страстію къ одной молоденькой мастерицѣ, взялся было за ея умственное развитіе, съ помощью чтенія избранныхъ поэтическихъ произведеній; но она скоро разбила созданный имъ идеалъ. Вообще, ему часто приходилось ослѣпляться и разочаровываться въ этомъ отношеніи...“ (Изъ воспоминаній о Бѣлинскомъ его родственницы г-жи Щ., въ газетѣ „Русскій“ 1868 г. № 15; Пыпинъ, стр. 142). Объ этой „исторіи съ гризеткой“ мы найдемъ рядъ указаній въ перепискѣ Бѣлинскаго съ Боткинымъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто изъ еще неизданнаго письма отъ 18 янв. 1838 г.: „... Надо сказать тебѣ что-нибудь о себѣ — вѣдь ты любишь меня, хотя я не знаю, за что. (Замѣчаешь ли ты, что я вызываю тебя на комплименты? Будь же догадливъ и увѣрь меня, что меня есть за что любить, хоть бы и не тебѣ). Ты помнишь, какъ мы провели съ тобою послѣдній вечеръ, помнишь, кто былъ у насъ третьимъ; не говорю тебѣ, какое впечатлѣніе произвело все это на меня. Когда насъ было еще двое, и когда разсуждали о необходимости для меня имѣть какую-нибудь человѣческую связь съ женщиною для избѣжанія разврата, ты напомнилъ мнѣ о г р и з е т к ѣ. Что же? вѣдь я съ нею видѣлся. Хороша, какъ была, и не измѣнилась ни крошечки.

Я вошелъ для свиданія съ нею въ сонмище нечестивыхъ, въ которомъ она живетъ, поилъ все окружающее виномъ и самъ пилъ. Говорилъ ей о своей любви, и такъ какъ говорилъ о томъ, чего у меня въ душѣ не было, то и удачнѣе прежняго. Въ т а к о й любви—чѣмъ меньше женщину мы любимъ, тѣмъ больше нравимся мы ей“... (**Вп.**).

[64]) **Доп.**—изъ письма къ Герцену отъ 26 янв. 1846 г.

[65]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 28 февр. 1847 г.

[66]) **Вп.**—изъ письма къ Николаю Бакунину отъ 9 дек. 1841 г.

[67]) „... Оставь свою мысль, какъ ложную и несправедливую, что во мнѣ когда-нибудь окончится движеніе“,—писалъ когда-то самъ Бѣлинскій М. Бакунину (12 окт. 1838 г.—**Вп.**).

[68]) См. третье Приложеніе.

[69]) „Вѣрующимъ другомъ“ Бѣлинскій сталъ называть Бакунина послѣ своей встрѣчи съ нимъ въ Парижѣ лѣтомъ 1847 г. (см. въ письмѣ къ Анненкову отъ 29 сент. нов. ст. 1847 г.). Бакунинъ „вѣрилъ“ въ народъ, въ его скорое самоосвобожденіе, въ близкое торжество соціалистическихъ идеаловъ. Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій называетъ М. Бакунина — нѣмцемъ, который родился мистикомъ, идеалистомъ, романтикомъ и умретъ имъ, ибо отказаться отъ философіи еще не значитъ перемѣнить свою натуру“...

[70]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 31 марта 1843 г.

[71]) Первый и очень интересный отзывъ объ этой книгѣ мы находимъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину отъ 6 февр. 1847 г. (см. Пыпинъ, op. cit., стр. 513—514).

[72]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 7/19 іюля 1847 г.

[73]) См. въ высшей степени интересное письмо Бѣлинскаго о „буржуази“ отъ декабря 1847 г. (Пыпинъ, op. cit., стр. 635—639).

[74]) **Вп.**—изъ письма къ М. Бакунину отъ 12 окт. 1838 г.

[75]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 6 февр. 1847 г.

[76]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 17 февр. 1847 г.

[77]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ $^{7}/_{19}$ іюля 1847 г., изъ Дрездена

[78]) **Вп.**—изъ того же письма.

[79]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину отъ 8 марта 1847 г.

[80]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 17 февр. 1847 г.

[81]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 22 ноября 1839 г.—Вотъ еще одно неизвѣстное мѣсто изъ этого интереснаго письма: „Друзья мои—будемъ бояться крайностей, какъ зла: оставимъ каждаго жить, какъ онъ хочетъ, не будемъ читать другъ другу поученій, посылать буллы, требовать отчета, но не побоимся же и замѣчать другъ другу то, чего каждый въ себѣ не хочетъ или не можетъ замѣчать; только будемъ дѣлать это съ уваженіемъ къ личности, деликатно, съ любовію. Вразуми-же, Боткинъ, Мишеля... Заставь его почувствовать иногда важность, иногда пользу, а иногда и святость молчанія и возмутительность выговариванія того, что̀ понимается само собою и профанируется выговариваніемъ...“

[82]) **Вп.**—изъ письма къ Боткину, между 24 февр. и 1 марта 1840 г.

[83]) Въ письмѣ къ Боткину отъ 14 марта 1840 г. Бѣлинскій говоритъ о М. Бакунинѣ: „олицетворенный дьявольскій эгоизмъ“. 19 марта онъ пишетъ Боткину о М. Бакунинѣ: „сердце мое облилось кровью и исполнилось негодованіемъ и ненавистью къ подлецу, именемъ котораго не хочу сквернить своего письма...“ Далѣе Бѣлинскій называетъ М. Бакунина „дьяволомъ“, готовъ съ нимъ стрѣляться („это не фраза!“). „О, гнусный, подлый эгоистъ, фразеръ, дьяволъ въ философскихъ перьяхъ!..“ Это негодованіе не мѣшаетъ Бѣлинскому быть справедливымъ—и въ письмѣ къ Боткину отъ 16 апрѣля того же года онъ восторженно отзывается о напечатанной тогда же статьѣ М. Бакунина въ „Отеч. Зап.“ (1840 г., т. IX; см. о ней въ текстѣ). Въ письмѣ отъ 16 мая 1840 г.—болѣе спокойный тонъ въ отзывѣ о М. Бакунинѣ: „онъ для меня—рѣшенная загадка. Абстрактный герой, рожденный на свою и на чужую гибель, человѣкъ съ чудесною головою, но рѣшительно безъ сердца и притомъ съ кровью протухлой соленой трески...“

[84]) Этотъ ясный намекъ приводитъ къ факту, очень интересному для историковъ литературы: Бѣлинскій въ своей статьѣ о „Горе отъ ума“, говоря о Чацкомъ, повидимому, мѣтилъ въ Бакунина. Это становится почти несомнѣннымъ послѣ изученія писемъ Бѣлинскаго 1839—1840 гг. къ Бакунину и Боткину: въ нихъ о Бакунинѣ говорится то самое, что̀ въ указанной выше статьѣ—о Чацкомъ.

[85]) **Доп.**—изъ письма къ Боткину отъ 9 февр. 1840 г.

[86]) Объ „оргіяхъ“ Бѣлинскаго—см. въ основной статьѣ настоящей книги.—Приведемъ изъ этого же письма защиту Бѣлинскимъ „прекраснодушія“: „прекраснодушіе—великое, святое состояніе духа и въ тысячу разъ выше моей г . . . . . . дѣйствительности. Я вижу, что нападая на Шиллера за его прекраснодушіе, я смѣшивалъ съ Шиллеромъ себя, тебя и К. Аксакова, съ которыми у великаго германскаго духа ничего общаго небыло и нѣтъ...“

[87]) См. выше примѣчаніе 83.

[88]) Исторія столкновенія М. Бакунина съ Катковымъ еще никогда не была описана подробно; намъ кажется, что теперь уже возможно разсказать про это столкновеніе словами Бѣлинскаго изъ его письма къ Боткину отъ 12—16 авг. 1840 г. Дѣло происходило на квартирѣ Бѣлинскаго; онъ жилъ тогда „на Васильевскомъ острову, на Маломъ проспектѣ, около 4 и 5 линіи, въ домѣ Алексѣева, изъ воротъ направо, во 2-омъ этажѣ“ (см. третье Приложеніе). У Бѣлинскаго въ этотъ день былъ Катковъ, сильно возбужденный противъ М. Бакунина, который возстановлялъ противъ Каткова своихъ сестеръ, Т. А и А. А. Бакуниныхъ. М. Бакунинъ только что пріѣхалъ въ Петербургъ и зашелъ къ Бѣлинскому; „(онъ) пришелъ въ мой кабинетъ— разсказываетъ Бѣлинскій,—гдѣ и встрѣтился съ Катковымъ лицомъ къ лицу. Катковъ началъ благодарить его за его участіе въ его исторіи. Бакунинъ, какъ внезапно опаленный огнемъ небеснымъ, попятился назадъ, и затѣмъ вышелъ въ спальню и сѣлъ на диванъ, говоря съ измѣнившимся лицомъ и голосомъ и съ притворнымъ равнодушіемъ: „фактецовъ, фактецовъ, я желалъ бы фактецовъ, милостивый государь!“—„Какіе тутъ факты! вы продавали меня по мелочи, вы подлецъ, сударь!“—Бакунинъ вскочилъ: „самъ ты подлецъ!“—„С к о п е ц ъ!“—Это подѣйствовало на него сильнѣе подлеца: онъ вздрогнулъ какъ отъ электрическаго удара. Катковъ толкнулъ его, съ явнымъ намѣреніемъ затѣять драку. Бакунинъ бросился къ палкѣ, завязалась борьба. Я не помню, что со мною было,—кричу только: господа, господа, что вы, перестаньте,—а самъ стою на порогѣ и ни съ мѣста. Бакунинъ отворачиваетъ лицо и дѣйствуетъ руками, не глядя на Каткова; улучивъ минуту, онъ поражаетъ Каткова поперекъ спины подареннымъ ему тобою бамбукомъ, но съ этимъ порывомъ силы и храбрости, его оставили та и другая—и Катковъ далъ ему двѣ оплеухи. Положеніе Бакунина было позорно: Катковъ лѣзъ къ нему прямо со своимъ лицомъ, а Бакунинъ изогнулся въ дугу, чтобы спрятать свою рожу. Во время борьбы онъ вскричалъ: „если такъ, то будемъ стрѣляться съ вами!..“ (Катковъ нѣсколько времени спустя отвѣтилъ:)—„Послушайте, милостивый государь, если въ васъ есть хоть капля теплой крови—не забудьте, чтó вы сказали...“—Въ этотъ же день Катковъ предложилъ Бѣлинскому быть секундантомъ. „О, боги! я—секундантъ! Богъ васъ да благословитъ, а я не виноватъ!— Я отказался... (и) началъ толковать Каткову, что вмѣсто того, чтобы хладнокровно распоряжаться съ секундантами противника его, я скоропостижно обс . . . . .“ — Но Бѣлинскаго стали уговаривать. „Чтожъ ты думаешь, Боткинъ? Я расхрабрился. Иду на войну, да и только. Ну, что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну...“ Дуэль, какъ извѣстно, не состоялась.

[89]) Предыдущее письмо Бѣлинскаго къ Боткину было написано тремя днями ранѣе, 14 марта 1842 г.

[90]) См. письма гг. П. Симанскаго и А. Кокина въ „Русск. Вѣдом.“, 1911 г., №№ 135 и 188.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Т. I. **Литература и общественность.** . . . 1 25

Вѣчныя цѣнности.—Н. К. Михайловскій.— Жизнь и теорія.—«Народъ» и «интеллигенція».—Марксистская критика.

Т. II. **Творчество и критика** 1 25

Талантливое сочинительство. — Еще о смыслѣ жизни.—Великій Панъ (М. Пришвинъ).—Алексѣй Толстой № 2-й.—Творчество А. Ремизова. — Мертвое мастерство (Д. Мережковскій).—Юродивый русской литературы (В. В. Розановъ).

Т. III. **Великія исканія.** 1 25

Исторія русской общественной мысли . . . 3 —

Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Ч. I. и II.

Объ интеллигенціи . . . . — 80

Что такое махаевщина? Кающіеся разночинцы.

О смыслѣ жизни . . . . 1 —

Ѳ. Сологубъ, Л. Андреевъ, Л. Шестовъ.

Н. МИШЕЕВЪ.

Преподаватель педагогическихъ классовъ СПБ. женскихъ институтовъ: Смольнаго, Александровскаго, Павловскаго и Женской гимназіи Принцессы Ольденбургской.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ч. I. Греція и Римъ. . . . . 1 —

Главнѣйшіе миѳы о богахъ и герояхъ. Поэзія классическаго періода греческой литературы. «Иліада» и «Одиссея». Развитіе и форма лирической поэзіи въ Греціи. Пиндаръ. Начало драматической поэзіи. Устройство греческаго театра. Эсхилъ и трагедія его «Прикованный Прометей». Софоклъ. Трагедія «Антигона». Эврипидъ. Древне-греческая комедія и Аристофанъ. Облака». Эпоха Эллинизма. Ѳеокритъ и его идиллія «Сиракузянки». Греческій романъ. Общій характеръ римской литературы. Литература до Августа и въ вѣкъ Августа. «Виргилій». «Энеида». Горацій, его жизнь и произведенія. Овидій. Ювеналъ.

Ч. II. Средніе Вѣка и Эпоха Возрожденія. 1 25

Литература католической церкви: поэзія лирическая, эпическая и драматическая. Феодально-рыцарская литература: лирика и романъ. Литература третьяго сословія. Данте. Эпоха «Возрожденіе наукъ и искусствъ» въ Италіи, Германіи и Франціи. Эпоха Возрожденія въ Испаніи и Сервантесъ. Эпоха Возрожденія въ Англіи и Шекспиръ.

Ч. III. Литература западно-европейскихъ народовъ новаго времени. 1 25

Ложно-классицизмъ. Просвѣтительное движеніе. Сентиментализмъ. Романтизмъ. Гёте. Шиллеръ. Гейне. Байронъ. Реализмъ. Бальзакъ и Диккенсъ.